

Россия в зеркале времени

*Духовная культура. Философия.
История. Социология. Политика*
Сборник научных трудов

Ульяновск – 2001

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Россия в зеркале времени
Духовная культура. Философия.
История. Социология. Политика.

Сборник научных трудов преподавателей
и сотрудников гуманитарного факультета

Ульяновск – 2001

Сборник подготовлен преподавателями кафедр «История и культура» и «Политология и социология» Ульяновского государственного технического университета.

Под редакцией доцента, кандидата филологических наук А.А. Дырдина

Редакционная коллегия: доктор философских наук, профессор В.А. Михайлов, кандидат исторических наук С.В. Осипов

Материалы сборника отражают различные аспекты развития России на рубеже двух тысячелетий. В его составе – статьи, представляющие основные направления научных исследований авторов. Освещаются перспективы поступательного движения России по пути нравственно-социального прогресса и проблемы, которые возникают в жизни российского общества.

Для преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников системы образования.

Макет сборника подготовлен в учебно-исследовательской лаборатории «ИКЦ» ГФ УлГТУ

© Ульяновский государственный технический университет, 2001

От редактора

В сборник научных трудов, который продолжает начатый гуманитарным факультетом УлГТУ в 1996 году цикл публикаций по социально-исторической и культурной проблематике («Россия в зеркале времени. Вып. I.»), вошли статьи преподавателей факультета, а также ученых других ульяновских вузов, аспирантов. В них рассматриваются проблемы социально-политического и культурного развития страны в истекшем столетии. Несколько особняком стоят в сборнике работы, посвященные вопросам образования, развития СМИ, политическим институтам римской империи. Однако, кажущаяся пестрота вошедших в сборник материалов лишь подчеркивает широту взгляда исследователей на российскую действительность, многообразные реалии и противоречия переходной эпохи.

В целом авторам коллективного труда удалось осветить различные аспекты российской исторической и общественной жизни, выстроить векторы ее развития. Особенно актуальными представляются статьи, поднимающие темы национального самосознания и его художественного воплощения, проблемы экологии, правовой культуры и политического воспитания общества. Обозревая различные феномены и концепции, отображающие современность, авторы статей прослеживают корреляционные связи между ее, казалось бы, далекими друг от друга сторонами, явлениями и личностями. Таким образом, выделены и исследованы системообразующие факторы будущего России.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА. ФИЛОСОФИЯ.

Л.Я. МИХАЙЛОВА

ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА

Этническое сознание давно и плодотворно изучается в рамках самых различных наук. Этнопсихология, этнолингвистика, этнополитология, этносоциология и другие подобные науки вносят свой посильный вклад в исследование природы, генезиса и функционирования этнического сознания. Основная задача настоящей статьи состоит в раскрытии места и роли социально-философского подхода к изучению этнического сознания.

Первое. Существует разрыв между философией, с одной стороны, и этнологическими дисциплинами, с другой. Так, при анализе предметных связей этнологии с другими науками ее представители последовательно разбирают такие пары, как «этнология и социология», «этнология и культурология», «этнология и этнография», «этнология и психология», но при этом практически нет анализа взаимосвязей философии и этнологии.¹ Но и со стороны философии нет встречного движения: феномен этнического сознания и самосознания практически не исследуется в философской литературе (достаточно просмотреть подшивку «Вопросов философии» за последние 10 лет, чтобы наглядно в этом убедиться).

Указанный разрыв можно объяснить следующими причинами. Философия призвана интегрировать, а отдельные науки дифференцировать знание в определенной области социального познания, поэтому в их целях, задачах и функциях всегда есть определенное противоречие. Так, аналитическая философия и этнолингвистика одинаково возвышают проблему языка в культуре, однако между работами Л. Витгенштейна и В.Гумбольдта дистанция огромного размера, хотя те же Э. Сепир и Б.Уорф с их гипотезой языковой относительности признаны как в том, так и другом научных сообществах. К тому же этнополитология, этносоциология, этнолингвистика еще не вполне сложились,² и потому на данный момент времени не могут представить достаточный уровень обобщения своей предметной области для последующей философской проработки.

---

¹ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. С.24-30.

² Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.

Второе. Политическая и социальная философия (равно этнополитология и этносоциология) большое внимание уделяют таким феноменам, как идеология национализма. Это означает, что движение навстречу друг другу есть, но оно пока по большей части носит бессознательный характер, а значит, настоятельно требует соответствующей рефлексии.

Философия – полисемантическая форма социального знания и познания, поэтому место и роль философии в анализе этнического сознания заключается в интегративно-целостном подходе, дополняющем и преодолевающим узкопрофильное изучение этнического сознания со стороны различных этнологических дисциплин. И хотя сама философия полисемична, а ее многочисленные школы и направления выстраивают свои особенные схемы сознания и сознательной деятельности, тем не менее, в целом она оказывает теоретико-методологическое воздействие на все отдельные уровни социально-гуманитарного знания.

Этнологическая теория с середины XIX в. по настоящее время прошла ряд этапов в своем развитии – эволюционизм (Г. Спенсер, Э. Тайлор, Д.Фрэзер, Ш. Летурно, Л.Г. Морган и др.), диффузионизм (Ф. Ратцель, Л.Фробениус, Ф. Гребнер, У. Риверс и др.), социологическая школа (Э.Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, М. Мосс, К. Леви-Строс и др.), функционализм (Р. Турнвальд, Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун и др.), историческая школа (Ф. Боас, А. Кребер, Л. Уайт и др.), этнопсихологическая школа (Р. Бенедикт, М. Мид, А. Кардинер и др.), структурализм (Э. Эванс-Притчард, К. Леви-Строс, Ф. де Соссюр и др.), культурный релятивизм (М. Херсковиц, Р. Бенедикт и др.), неэволюционизм (Л. Уайт, Д. Стюарт, М. Харрис и др.). Сегодня на базе этих направлений формируются новые школы и создаются новые концепции. Например, М. Годельс и К. Мелиссо развили в этнологии некоторые положения исторического материализма, а К. Гирц и Р. Тернер основали герменевтическое направление исследований (роль символов и социальной коммуникации, их мировоззренческая, ценностная и нравственная значимость в современных культурах).

Научные исследования все больше концентрируются вокруг социально значимых проблем, а для их решения используются целые наборы уже существующих концепций и отработанных методик исследования. В этих условиях непосредственное восприятие начинает преобладать над рациональным конструированием, законченная логическая схема уступает место эклектизму и мозаичности. Подобная постмодернистская установка, несомненно, созвучна реалиям сосуществования современных этнокультурных единиц и направлена, в первую очередь, на изучение бессознательных механизмов функционирования этнического сознания. Однако подобный мировоззренческий и методологический «плюрализм» явно односторонен, и философии потребуется привлечь все свое накопленное богатство, чтобы не растерять свои традиционные функции.

Философия и этнология двигаются при анализе этнического сознания как бы с противоположных сторон, но навстречу друг другу. Философию интересует, прежде всего, «сознание» (этос, квинтэссенция духовной культуры), а этнологию – этнос: этносоциологию – социальная структура этноса, этнопсихологию – менталитет, национальный характер и «базовая личность», этнополитологию – субъектная база этнического сознания. При этом философия в лице герменевтики, феноменологии или диалектики задает общие параметры анализа сознания, а этнология – специализирует этот анализ: например, уточняет, сознание какого народа и на каком этапе его развития надо изучать в данном случае. Психология исходит из индивидуального сознания, социальная психология оперирует понятиями «массовое сознание» или «групповое сознание», а философия пытается выявить природу любого сознания и объединить в объяснительную теорию данные различных наук.

Методологическое значение философии в отношении этнологических наук проявляется в следующем. Знания, получаемые в рамках этнографии, этнодемографии, этнолингвистики и т.д., именно на философском уровне приходится обобщать и сводить воедино в целях выработки целостного и всестороннего взгляда на природу, структуру и генезис этнического сознания. При этом появляется новый угол зрения, или – новое знание, которое выступает своеобразным методом для получения новых знаний в рамках этнологических наук.

Возьмем для примера одну из центральных этнологических проблем – проблему этнической идентичности. В этнологических построениях можно выделить три альтернативные точки зрения на характер этничности: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Согласно первому (К. Гирц, Ю.В. Бромлей, П. ван ден Берге, Л.Н. Гумилев и др.), этничность – это врожденное свойство человека и имеет свое основание в природе (концепты «непотизма», «реципрокности», «пассионарности» и т.п.) или в обществе (единство «крови и почвы» у И.Г. Гердера и т.д.). Согласно второму (Э. Смит, В.А. Тишков, Н. Глезер и др.), этничность – не более чем инструмент, используемый элитой для укрепления своего господства и влияния («средство в коллективном стремлении к материальному преимуществу»¹ и др.). Согласно третьему (Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э.Хобсбаум и др.), этничность – это всего лишь идеологический конструкт, целенаправленно создаваемый писателями, учеными и политиками в результате социального познания, выявления этнического своеобразия того или иного народа.

Философия должна показать достоинства и недостатки каждого из описанных подходов и тем самым мобилизовать их преимущества на совокупное движение вперед в изучении этнического сознания. Можно

---

¹ Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы философии. 1993. №1.С.4.

отметить, что примордиализм, рассматривающий этничность как изначальную, исконную данность, озабочен поисками объективных детерминант этногенеза и эволюции этнического сознания. Отсюда, правильно акцентируя внимание исследователей на этнодетерминантах, примордиализм склонен метафизически акцентировать внимание на какой-либо одной из них, греша при этом явным антиисторизмом. Для инструментализма, напротив, характерен прагматизм и функционализм, то есть аналитическое внимание к функциям этнического сознания (этнос и этническое сознание принимаются за бесспорный социальный факт), при этом этническое сознание рассматривается в качестве важнейшего средства преодоления отчуждения, характерного для современного общества. Инструменталисты отказываются от эволюционистских идей, поэтому демонстрируют излишнюю приверженность к статике при изучении этнического сознания. В конструктивизме этничность вообще приобретает виртуальные черты, так как она теперь полностью субъективирована и привносится в этот мир исключительно самим сознанием. Конструктивисты, замкнутые в мире этномаркеров, переворачивают весь причинно-следственный ряд: этномаркеры из следствия превращаются в причину (этнодетерминанты).

Таким образом, основная задача социально-философского осмысления этнического сознания состоит в последовательном и всестороннем соотнесении этноса и сознания, этнического сознания и иных форм массового сознания, исследовании взаимозависимостей «этнического» и «социального», в раскрытии многообразной структуры этнического сознания и т.п. При этом довольно продуктивным оказывается метод восхождения от абстрактного к конкретному. Так, этносоциология является «специальной социологической теорией среднего уровня на основе эмпирического исследования»¹ [4] и входит составной частью в этнологию. Последняя, включая, кроме этносоциологии, этнопсихологию, этнографию, этнодемографию, этнолингвистику и т.д., дает многостороннее, но пока еще не всестороннее знание о предмете изучения. Только социальная философия, вбирая в себя в качестве «эмпирии» теоретические обобщения предыдущих уровней научного знания, выступает высшей инстанцией размышлений об этническом сознании.

При описании функционирования сознания философия традиционно оперирует категориями «субъект» и «объект». Разумеется, эти философские категории необходимы и при изучении этнического сознания. Так, хотя носителем этнического сознания и является этнос в целом, но этнос, а значит и этническое сознание, на всех этапах своего развития социально неоднородны. Поэтому для полной разверстки структуры, функций и тенденций развития этнического сознания оказывается крайне необходимым введение в такой анализ категории «субъект». Этим самым достигается базовое структурирование этноса на субъект и объект, что дает возможность

---

¹ Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. М., 1998. С.11.

описать любой исторический тип этноцентризма со стороны движущей силы (главного носителя) и его идеологического основания (в аспекте «целевого» причинения).

Философская категория «субъект» методологически ориентирует этнологический анализ на изучение диалектики общего, единичного и особенного в этногенезе и эволюции этнического сознания. Ведь этнос не только всегда социально структурирован, но одновременно индивидуально спроецирован. И невнимание к диалектике общего и единичного в конечном итоге неизбежно ведет к упрощению взглядов на природу этнического сознания. В самом деле, в отношении любой формы протекания сознательных процессов приходится говорить не только о сознании, но и о самосознании, а это последнее обязательно предполагает наличие личностного начала. Эволюция идеологических и социально-психологических явлений внутри- и межэтнического общения остается малопонятной, если мы обходим проблему участия индивидуального «я» в этих процессах.

Таким образом, понятия «субъект» и «объект» оказываются чрезвычайно важными в становлении самих парадигмальных установок при изучении этнического сознания. Так, в объяснении теории и практики национализма некоторые направления и школы делают ударение на идеологии (субъект как элита), другие отдают предпочтение изучению социально-психологической компоненты этнического сознания (субъект как этнос в целом или как различные социальные слои), а третьи предпочитают работать с личностной фактурой этнического сознания (субъект как выдающаяся личность). Надо отметить, что каждый из подходов обладает своей особенной логикой и эвристическим потенциалом. Важно показать их методологические достоинства и недостатки и объединить их объяснительные возможности.

Возьмем для примера герменевтику как теорию и метод интерпретации человеческого действия и памятников прошлого. Исследователям становления и развития любого конкретно-исторического этнического сознания очень часто приходится задаваться основным «герменевтическим» вопросом: какой смысл и какое значение вкладывали (вкладывают) люди в те или иные тексты, символы, действия (здесь истинность рассматривается как придание исторического смысла изучаемому объекту). В подобном ключе очень плодотворно работает школа «Анналов» (М.Блок, Л. Февр, Ж. ле Гофф и др.). Как отмечает А.Я.Гуревич, «Февр и Блок выдвинули принцип «история – проблема»... «историк задает прошлому те вопросы, которые существенны для современности и задавание которых дает возможность завязать с людьми другой эпохи продуктивный диалог. Таким образом, путь исследования истории идет не от прошлого к современности, а наоборот – от настоящего к прошлому... Памятник прошлого, текст или материальные остатки сами по себе немые и неинформативны. Они становятся историческими источниками лишь постольку, поскольку включены историком в сферу его анализа,

поскольку им заданы соответствующие вопросы и поскольку историк сумел разработать принципы их анализа».¹

Не менее продуктивен также феноменологический метод, который (в нашем случае) фокусирует свое внимание на этномаркерах. При этом феномены этнического сознания рассматриваются не как эпифеноменальный мир, нечто производное и вторичное, а как нечто самостоятельное и целостное. Работая с этническим сознанием как данностью, как с нескончаемым потоком сознания, феноменология оказывается исключительно плодотворной, в первую очередь, при изучении современного общественного мнения в области межнациональных отношений и проблем этнической самоидентификации. Но она также плодотворна и в отношении реконструкции ментальных структур прошлого: высвечивая «горизонты» конкретно-исторических форм этнического сознания, она заставляет направлять исследовательские усилия на выявление социального содержания этнического сознания.

Однако наиболее четко диалектика «этнического» и «социального» проясняется в рамках диалектико-материалистического подхода. Здесь в качестве конституирующей основы социального бытия постулируется практика, рассматриваемая как всеобщий род (как родящая, производящая субстанция социального бытия) для всех остальных разновидностей социальной реальности. При этом любое историческое качество социального (в том числе и «этническое»), каждое его историческое «событие» (например, племя, народность, нация) выступает как событие всех других социальных феноменов. Только на этом пути этническое сознание удастся рассмотреть одновременно как форму отражения общественного бытия и как некое целостное и относительно самостоятельное социальное явление, что и открывает путь к преодолению, с одной стороны, вульгарно-материалистических (примордиалистских), а с другой – идеалистических (конструктивистских) концепций этничности.

Теперь о философско-методологическом видении детерминант этнического сознания. Одним из важнейших оснований социальной философии в анализе природы и функционирования сознания является постулат о социальной обусловленности познавательной деятельности. В применении к исследованию этнического сознания данное положение как раз и развертывается в виде подробного изучения важнейших этнодетерминант этнического сознания, а также социального содержания соответствующих этномаркеров. В качестве причин, обуславливающих развитие этнического сознания, выступают три группы явлений:

---

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 353-354.

а) объективные факторы – уровень хозяйственной жизни, характер общественных связей, социальная структура сообщества, политическая организация общества и др.;

б) субъективные факторы – различные формы общественного (наука, политические идеологии, искусство, теология и т.д.) и массового (фамилизм, общественное мнение и т.п.) сознания;

в) самодетерминация, а именно – кумулятивная энергия самого этнического сознания.

Жизнедеятельность этносов всегда гораздо шире функционирования каждого из его элементов, в том числе и этнического сознания. Так, без определенных объективных предпосылок и условий любой новый тип этносоциального сознания вообще не может состояться. При этом особо следует подчеркнуть, что в качестве «объективных» детерминант в развитии этнического сознания зачастую выступают сами «субъективные» факторы, например, альтернативные формы группоцентризма. Так, любая господствующая форма общественного сознания (на данный момент времени) обуславливает господство соответствующего этномаркера в структуре этносоциального сознания (в средневековой Руси: «русский» тождественно «православный»). Существует даже определенная синхронизация, когда при переходе к новому типу этноса можно наблюдать новую связку этноса с ведущим социальным элементом, одновременно – новую структуру этнического сознания, а также новый заглавный этномаркер (идентификатор). Накапливаемое культурное, идеологическое и прочее мировоззренческое наследие также детерминирует развитие этнического сознания. Даже более того: именно самодетерминация последнего отражает самое главное в нем – феномен непрерывности исторической памяти народа.

Выводы. Синхрония и диахрония объективных условий функционирования этнического сознания составляет главный механизм взаимодействия различных этнодетерминант: ни одна из них никогда не является единственной (поглощающей этнос и социальное содержание его самосознания), но в определенную эпоху какая-либо из них обязательно становится ведущей и определяющей. Действует своеобразный закон относительного совмещения социального содержания того или иного этнического сознания с ведущей формой общественного сознания данной эпохи. Так, слово «русский» в эпоху народности имеет своим синонимом слово «православный», а в период становления нации это слово наполняется все больше политическим (национально-государственным) содержанием.

При рассмотрении кумулятивной энергии этнического сознания как самостоятельного фактора его эволюции мы выходим на ряд важных и принципиальных вещей. В частности, именно здесь в наибольшей степени удается показать характер обратного воздействия этнического сознания на другие формы и типы общественного сознания и в полной мере выявить специфику этнического сознания как формы массового сознания. Например, до появления идеологии национализма «этническое» на субъективном уровне

полностью зависело от других группоцентризм, однако с укоренением национализма все переворачивается: «нация» становится своеобразным вектором всех социальных перемен (общенациональный рынок, общенациональный язык, общенациональная территория и т.п.), а этнос превращается в заглавную социальную общность.

Итак, взаимосвязь «этнического» и «социального» в ходе истории носит диалектический характер. «Этническое» зависит от других типов «социального» (общностей, отношений, институтов), но не сводится к ним. Выявляя и вычлняя различные культурные, политические и прочие компоненты этнического сознания, мы в итоге все равно находим некоторый «остаток», который к тому же обладает эмерджентным свойством по отношению к своим «социальным» компонентам. Отсюда проистекает одна из основных особенностей этнического сознания: это самое стабильное и одновременно самое изменчивое мироощущение. В самом деле, внутри этносознания происходят колоссальные коллизии (религиозные и гражданские войны и т.п.), но оно преодолевает любые из них. В «повседневной жизни» этносознание обычно «спит», скрытое в иных социальных потребностях и интересах, но при надобности легко «просыпается» (термины «национальное возрождение», «национальное движение» говорят в этом отношении сами за себя).

И последнее. С точки зрения долговременных перспектив и выделения основополагающих тенденций в эволюции этнического (как и любого иного массового) сознания можно выделить три основных типа самоидентификации – индивидуальное «я», различные виды группового «мы» и универсальное общечеловеческое «мы». В начале человеческой истории первый и третий типы самоидентификации еще очень неразвиты. Так, в первобытном обществе нет «человека» вообще, ибо «свой человек», сородич, и есть «человек» («чех», «нивх» и под.). Однако примерно с Нового времени именно с данными понятиями начинает синхронизироваться ход человеческого развития, хотя, конечно, при этом приходилось (и приходится) учитывать различные варианты группового единения и групповой самоидентификации. И сегодняшние реалии еще не дают основания полагать, что общечеловеческое «мы» когда-либо будет состоять исключительно из индивидуальных «я» (без опосредующих группоцентризм). Значение индивидуального начала все время увеличивается, однако это никак пока не сказывается на количестве коллективных способов ориентировки в мире. Поэтому этническое сознание – как одна из разновидностей последних – продолжает существовать и конкурировать с другими вариантами групповой самоидентификации.

А.А. ДЫРДИН

РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА ПОСТСИМВОЛИСТСКОЙ ЭПОХИ И ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Русская литература первых пореволюционных десятилетий многолика. Под давлением социально-идеологических обстоятельств (насильственного внедрения социалистического утопизма и рациональности) она разделялась на течения, школы, группировки. Ее представители стремились вписаться в современность, но не все они смогли адаптироваться к революционизму в художественно-эстетической области. Если в начале XX века подводились итоги развития тысячелетней русской культуры, то после событий 1917 года новое искусство, освобожденное от духовных констант, испытывает отвращение к прошлому. Все более очевидным становится распад традиционных культурных ценностей. Одновременно культура «переделки мира», как любая *утверждающая* культура (термин Б. Ф. Егорова), несет с собой усиление семиотичности, создает новые знаковые структуры, используя образы и символы глубоко укоренившейся духовной традиции.

Уже на грани веков вновь становится актуальным обращение к опыту христианства с его символическим словом, антиномиями веры и ума. Феномен русского символизма вызвал поворот искусства и литературы в сторону метафизики и внутренних форм жизни. Увлечение символизмом затрагивает логику творчества и само мироощущение писателей. Всматриваясь в духовные глубины человека, символисты выводят литературу на рубеж осознания связей с традиционной религией – Православием, испытывающим постоянное воздействие повседневного мифологизированного сознания. Русский человек застигнут революцией на переходе из одного царства в другое, от религиозного уклада жизни к авторитарному обществу. Его чувства проникают к мощным пластам национальной мифологии, которые уже давно были христианизированы. Он хорошо ориентируется именно в таком культурно-идеологическом пространстве.

Скрепленный с основными ценностями отечественной культуры символический реализм (реализм и символизм в своей сопряженности¹) в собственной структуре воплотил противостояние двух разнонаправленных идей. В нем сошлись материальные принципы, ориентированные на западную гуманистическую мысль, и духовно-творческая интуиция, которая в

¹ Так понимал реализм П. Флоренский, не отождествляя при этом символ и реальность: « <...>плоскость бытия, на которой признаются реальности, может быть весьма различна, и в зависимости от этого различный характер получает самый реализм». См.: Флоренский П. О реализме. // Флоренский П. Соч.: В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль. 1996. С. 529.

недавнем прошлом была фундаментом национальной психологии. На языке религиозной философии этот конфликт является столкновением *человекобожеской* и *богочеловеческой* сторон мировой истории.

И все же преобладающим мифологическим источником символического творчества остается ветхозаветный креационизм и евангельская история Христа. Мифы, возникающие на данной основе, привлекают писателей понятийным строем и универсальностью мифологем. Опираясь на них, на космологические, хтонические и апокалипсические образы Святого Писания, апокрифов и народно-религиозных сочинений, художник данного творческого типа способен создать особую эстетическую реальность.

Так уже в начале XX века рождается мифосозидающая тенденция (в русском символизме она представлена именами Д. Мережковского, В. Брюсова, А. Белого, А. Ремизова, других толкователей древних мифов и творцов новых – художественно-философских), заимствующая из христианских текстов или религиозного фольклора большинство ключевых словоформ. Действительные факты, поступки и действия людей, которые потеряли веру в оставившего их Бога, облачаются в одежды христианских мифов. А после 1917 года в них будут одеты события гражданской войны и коллективизации, НЭП и индустриально-урбанистический процесс.

Преломленные в коллективном сознании, утопических мечтах героев, ждущих пришествия царства Правды, они представлены то, как первые дни творения, то в красках Страшного Суда. Повествование приобретает парадигматический характер. Взвихренное революционным переворотом время лишено прежних духовных скреп, но мифологизируется у писателей символистического склада в привычных, привнесенных из прошлого (из культуры, строящейся на религиозной основе) категориях падения, жертвенного подвига, воскресения из мертвых. Объективизация духовных идей происходит за счет смыслов, заложенных в архаических мифах и христианской антропологии.

Писатели-реалисты новой генерации, овладевшие законами символического творчества, и среди них – Пришвин, Леонов, Платонов, перебрасывают мост от начала века к предстоящей эпохе тотального рационализма. Сформировавшись как мастера слова в русле традиционной культуры, они оказались за пределами партийно-апологетической линии искусства. Их густо окрашенные в мифологические и религиозные тона произведения (начало творческого пути Пришвина, Платонова, Леонова характеризуется двумя тенденциями: влечением к абсолютным смыслам миропорядка и, по контрасту, – жизнецентризмом, устремленностью к объективным, практическим сторонам действительности) выпадают из поля официальных текстов. Обвинения писателей со стороны партийной критики в отсталости, в привязанности к уходящим мыслительным традициям, были наглядным подтверждением ее эстетического нигилизма.

На самом деле установка писателей на целостное восприятие мира как природы высшего, духовного смысла связывает их, помимо сиюминутных настроений, с нетленными сущностями человеческой жизни. Проясняется способность творческой личности противостоять разрушению универсальных – не только религиозных – представлений о человеке и мире, идейному хаосу. Уже в ранних произведениях Платонова и Леонова, очерках-путешествиях Пришвина осуществляется своеобразный художественно-философский проект. Все они демонстрируют реалистическую глубину и определенные общие свойства, которые идентифицируются как принадлежащие духовно-символическому типу мировоззрения. Оправдание символического взгляда на действительность предопределило его же утверждение в качестве опоры творческой системы. Это означает, что тем самым художники-мыслители погружаются в сферу «отжившей» духовности, черпают в ней образно-созидательные силы и основы для понимания своих произведений. Вставая на почву символического слова, они смогли сохранить преемственность культурного развития. В их творческом мире существует давняя основа нашей духовной традиции – тема противопоставления/сближения жизни и смерти, «земли» и «неба», человека и природы. Мифология Небесного Града, Страшного Суда, Апокалипсиса объединяет сюжетно далекие произведения Платонова, Пришвина и Леонова. Благодаря поэтическим деталям, почерпнутым в христианских источниках, – канонических и переработанных в духе народной легенды – усиливается философичность, смысловое напряжение текста.

Расколотое по линии разум – вера российское сознание постреволюционного времени несло в себе опыт отечественных мыслителей. В него входит наследие и тех классиков, кто возвышал, как Л. Толстой, свою философию над вероучением, и тех, чья художественность освобождалась от необходимости оправдываться перед церковными догматами (Пушкин), а также тех, кто шел от эстетики к религии (Гоголь, Достоевский). У писателя-философа способность нравственного сопереживания бедам народа проявляется в глубинной целостности образного сознания. Преодолевая вслед за реалистами XIX века трагические антиномии жизни, крупнейшие художники слова XX столетия выработали механизмы такого синтеза. Их художественная мысль тесно сплетается с развитием метафилософии. Она находит себе дорогу, когда примеряются противоречия человеческого существа. На этой основе может быть снятой пресловутая двойственность (дух – тело или, по Платонову, «вещество», природная стихия, вера – знание, философия – религия) русской культуры. Устанавливается непосредственная связь творческой личности с жизнью «нищих духом», традиционными народными ценностями. Эта связь поддержана параллельными ей нравственными смыслами. Но что важнее, причиной данной целостности является равновесие душевных сил символического реалиста: его ума, сердца и воли. Синтетичности мышления служит язык, становящийся языком

парадоксальной, «юродивой» мысли, Стиль писателя был и способом оформления авторской позиции. Использование слов-символов, привязанность к алогичным речевым формам – один из возможных видов протеста для тех художников, кто выступал за жизненность прирожденных чувств и духовных накоплений своего народа.

Некоторые из писателей философского склада эмигрировали и оказались вместе с русскими живописцами, композиторами и учеными в авангарде западной культуры XX века (один из многих – В. Набоков). Те, кто остался в России, осмысливают грани философского содержания новой действительности, находясь несколько в стороне от избранного советской литературой маршрута. Ее образцами в литературно-философском жанре долго считали большие романы морально-рефлексивного плана: «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, прочитанные в духе социальной критики «Вор» и «Русский лес» Л. Леонова, популярные в те годы книги К. Федина, а также лирические миниатюры К. Паустовского.

Литературоведение 1970–80-х годов достигло значительной полноты материала и приобрело инструментарий, чтобы расширить представление о философском метажанре в послереволюционной прозе. Необходимые для его анализа охват и глубину демонстрируют многочисленные работы тех лет.¹ Кроме того, обнаруживается недостаточность одной только фиксации философских основ творчества. Родовым признаком философского романа, согласно В. Агеносову, выступает «наличие субстанциональной идеи, формирующейся и проходящей испытание в такой структуре повествования, художественный образ которой соединяет конкретность с предельным обобщением с помощью системы интеллектуализированных (условных) приемов (от особых категорий художественного времени и пространства до использования аллегорий, символов, мифов, реминисценций, антиномий, парабол и т. д.)».² Наш взгляд на символично-философскую природу произведений трех рассматриваемых художников-мыслителей близок этой интерпретации.

Разработанные концепции эстетических решений такого типа мы находим в исследованиях Н. А. Грозновой, А. Г. Лысова и В. И. Хрулева о Леонове, В. В. Агеносова и Н. П. Дворцовой о Пришвине, Л. В. Карасева, С. Г. Семеновой, Е. Яблокова, Э. Наймана и О. Меерсон о Платонове.

В предлагаемой статье вводится одно существенное уточнение. Мы связываем обсуждаемую проблему с конкретной системой координат – реально-символической традицией, идущей от христианства. Эта фундаментальная основа русской культуры и словесности преобладает над философией в ее собственном смысле. Если последняя и вошла в

¹ См., например: Современный советский роман. Философские аспекты. – Л.: Наука. 1979.

² Агеносов В. В. Творчество М. Пришвина и советский философский роман. – М.: Прометей. 1988. С. 15–15.

художественное сознание Платонова, Пришвина и Леонова, то исключительно в подчиненной форме. Внутреннее содержание их образно-понятийных систем сформировалось отнюдь не под влиянием спекулятивных принципов философской науки. Творческой почвой, на которой возникли художественные открытия писателей-философов, была духовная проблематика, пусть иногда и далекая от догматического православия. В этой сфере выявляются духовно-исторические истоки их мышления. Лишь данный контекст формирует образную философию названных художников.

Со временем, особенно после публикации «задержанных» произведений Булгакова, Пастернака, Платонова и Пришвина, выходом в свет романа-трактата Леонова «Пирамида», который имеет более чем полувековую творческую историю, стала возможной общая оценка этого явления, а в настоящем – его детальный анализ. При этом политические, идейно-эстетические и сугубо религиозные различия не играют существенной роли. В историко-литературных работах последних лет произведения, как оппозиционных писателей, так и вполне лояльных к советской власти все чаще рассматриваются с позиции «внеаходимости» – в рамках единого текста русской литературы XX века.¹ Художники философской прозы, о которых идет речь, имеют свой масштаб дарования, своеобразные эстетику и язык. Их объединило использование образов для воплощения мыслительной реальности, имеющей философскую качественность. В ее истоках лежит размежевание в отражении действительности рассудочных форм и образно-символического смысла. Мифологическая символика вскрывает глубины отображаемой жизни, перерабатывая и по-своему интерпретируя ее. При этом образ-символ всегда шире, «объемнее» философемы – любого логического знака. Он, как и сама жизнь, динамичен, поскольку «строится как вечное изменение и творчество».²

В своих попытках объединить духовное материальное начала Платонов, Пришвин и Леонов не отказываются ни от одной из частей мировой антитезы. В равной степени ими оправдано и сознание, и бытие. Различие между ними отпадает, так как эстетика духовного реализма требует преодоления этой антиномии. Обе части мирового организма приводятся в соответствие с идеей его единства. В символическом способе представления предметы и значения вступают друг с другом во взаимодействие. Философские понятия истины, вещи и существа, природы человека и мира, как в объективированных образах, так и в названиях произведений («Чевенгур» и «Котлован» Платонова – священное и, одновременно, низменное жизненное место, «Мирская чаша» Пришвина – символ мировой

¹ Кондаков И. «Где ангелы реют» (Русская литература XX века как единый текст) // Вопросы литературы. – 2000. – № 5. – С. 3–44.

² Современный философский словарь / Под общей ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : Панпринт. 1998. С.780. Далее – СФС.

души, общечеловеческого космоса или «Пирамида» – модель вселенной у Леонова) представляют собой что-то вроде первичной посылки. Основное «здание» писательской мысли надстраивается над заглавиями, именами-символами, аллегориями.

За творчеством каждого из названных художников стоит сложный комплекс культурных и идеологических связей. Из этого контекста мы выбираем одну сторону – авторское символическое воображение, вырастающее большей частью на основе христианской традиции. Отмечая моменты, объединяющие философию и литературу, мы исходим из положения, «что литература и философия есть лишь различные формы одного и того же содержания: то, что философия выражает в форме аргументов, литература выражает в лирической, драматической, либо повествовательной форме» (СФС. 968). Т. е. необходимо учесть саморефлексивность художественного текста, связанного с идеально-материальным единством символа и мифа.

Ключ к прочтению творческого наследия Платонова, Пришвина, Леонова – культурная традиция, которая определила тип реализма всех трех писателей-философов. Ее коренными идеями выступают духовное подвижничество, человеколюбие, поиски идеала в народной этике. На этой основе формировались мировоззренческие концепции, вместившие в себя социально-утопические, научные взгляды и традиционное православие, что стало лоном рождения философской прозы. Однако не только эта идейная многоликость характеризует пореволюционный литературный процесс.

Как и в русской литературе XVIII – первых трех десятилетий XIX века, в нем актуализируется содержание «народной веры». Вместе с осознанием философами-филологами (П. Флоренский, А. Лосев) символического характера языка происходит «рехристианизация» художественного пространства. Традиционные религиозные представления перекрывают революционные идеи, вписываются в искусство нового мира, оставляя ему все меньше догматических начал. Даже тем писателям, которые не вступали в противоречия с властью, присуще сохранение универсально-творческих основ художественной философии. Показательно в этом смысле новое прочтение хрестоматийного эпоса М. Шолохова.¹ Получается, что в годы революционных потрясений окончательного разрыва с веками культурного развития не было. Преемственная связь с традиционной эстетикой добра и красоты являлась внутренним импульсом искусства слова, выходящего за пределы нормативных установок.

Выработанный подход к художественной мысли соответствует пониманию символа и мифа в статусе универсалий сознания, когда за символическим словом и образом скрывается множество смыслов. Художники используют их как собственную мыслительную конструкцию. Такую же установку мы найдем у М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского – в их теории символического

¹ См. об этом: Дырдин А.А. Этюды о М. Шолохове. Творчество писателя-классика в духовной культуре России. – Ульяновск: УлГТУ. 1999.

сознания. В своей совместной книге они пишут о его специфике: «Все значимые события и факты жизни описываются как символы реализации (или нереализации) этого стремления (стремления к метафизической реальности. – *А.Д.*). Однако эти символы читаются в текстах, которым может быть приписано идеологическое содержание, имплицитное наличие в тексте системы идей, по отношению к которой внутренняя структура текста (в отличие от его внешней, формально организованной структуры) выступает в качестве мифологии, философии и т. д.»¹ В данном случае «миф есть в той или иной степени “психологизированная вещь” (или событие)» (*Там же.* 172).

Близкая по характеру символика образует внутренний план идейно-художественной системы писателя, который способен уравнивать соотношение идей и вещей. Собственная мифологическая структура (подоснова философских идей) сложилась у наших авторов как результат переработки тех первичных мифов, что заключены в обыденном сознании, в семантико-логическом единстве сказки, притчи, легенды, духовного стиха. В ней также можно видеть итог символического творчества, развития народно-религиозных элементов. видам передачи мифической мысли (апокриф, легенда, притча, сказка, видение, наваждение, сон). Одновременно художники актуализируют прямо – в снятом виде – или не без рефлексии, свое миропонимание, собственный жизненный опыт и духовную биографию (исчерпывающий пример – дневники Пришвина). В стремлении найти себе материал и опору в предстоящей реальности они сосредотачиваются на поисках в ней вечных ценностей: истины, красоты и добра.

Платонов, Пришвин и Леонов – философствующие художники. Вопросы бытийного плана решаются ими на пути изучения человека в его связях с другими людьми и природным миром. Эту тему писатели оформляют, включая в произведение содержательные умственные структуры. Они выражены в художественных формах. Трагический пафос их мироощущения можно представить как ответ души на нехватку духовных сил – установление нового (обезличивающего) строя жизни. Здесь художник оказывается одиноким перед лицом власти и государства, в котором сфера духа не только рационализируется, но и подавляется. Вместе с общим падением культуры после революции литература, опирающаяся на духовные начала, вступает в состояние потаенности. Творческая философия, запечатлевая внутреннюю связь с миром, уже не может быть открытой. Вырабатывается новая эстетическая позиция. Образное слово, сохраняя религиозно-философские смыслы в поисках духовной собранности, противостоит диктату новой идеологии. Чтобы не быть орудием чужих целей, писатель-мыслитель вынужден, утверждая свое зрение, творить на «краю собственного безмолвия» (Платонов).

---

¹ *Мамардашвили М. К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символе и языке. – М.: Школа. «Языки русской культуры». 1999. С. 122.

Выделив трех авторов из пространного литературного ряда, мы не считаем их противостоящими другим писателям-современникам (таким, например, как М. Булгаков, М. Алданов или В. Набоков). В России и за рубежом были созданы десятки произведений с глубоким философским содержанием и богатой мифологией. С нашей точки зрения, они лишь в большей мере, чем иные мыслители-литераторы, творчески сформировавшиеся в 1910–20-е годы, выразили ценностно-смысловую сущность художественной философии как части русской культуры. Все трое шли к высокому философствованию через христианские темы, раскрывая их в свете народной религиозности, в типовых символических формах. Их произведения часто приобретают исповедальное качество. Это в своем большинстве тексты, живущие в границах авторской исповеди на тему «последних истин». Через преобразование повседневности в сущность писатель здесь вносит свое отношение к жизни и смерти, свой смысл в то, что само по себе открыто на духовном уровне.

Такая система мысли остается всегда прозрачной для народного сознания с его мифическим характером. Вместе с тем она заставляет строго подходить к своему содержанию. Форма символического типа «не может не соскальзывать во фрагмент и нюанс, не превращаться в мимолетный момент, в мимоходом брошенный намек. В конце концов, она растворяется в гигантской, бесконечно сложной сети соответствий между вещами и их метаморфозами»,¹ – замечает исследователь.

Мы рассматриваем символику писателей-философов как особую проекцию художественного сознания. Их вторичные образы-символы основаны на принципе, по которому символические смыслы делаются открытыми для носителей национальной психологии. Те мыслительные конструкции, что заимствованы из народной мифологии, обладают следующим свойством: они соотносятся с ментальностью традиционного общества. Воссозданный образ мира определенно тяготеет к ретроспективности. Такую картину вселенной во всей ее полноте не объяснишь резонами науки и философии. Она близка и понятна человеку с мифологическим мировосприятием, которое воспитывается длительной традицией. Эта стихия народного мышления есть для писателя начало, понимаемое, по А. Ф. Лосеву, как «свое другое».

Речь идет об особой культурной привязанности. Для нее ценности духовного опыта, раскрытые в творчестве, безусловны. Следует понять, что мышление такого типа основывается на идеально-физическом единстве предметов и вещей. В нем запечатлелись глубоко залегающие символические схемы мысли. Материальное начало тут не имеет самостоятельного значения.

Так, внутри философского жанра литературы конца 10-х – начала 20-х годов возникает его особая разновидность. Для этой тенденции характерно

---

¹ *Малявин В.В.* Мифология и традиция постмодернизма. //ЛОГОС. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Кн. I. Разум. Духовность. Традиции. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1991. С. 55.

стремление гармонизировать жизнь в согласии с массовыми умонастроениями. Крестьянское и пролетарское сознание в их идейно-социальных контекстах стали субъектами мифотворчества. А поскольку в этой среде сосуществовали старые религиозные мифы и революционные утопические идеи, то она и оказалась генератором новой мифологии. Столкновение двух частей обыденного сознания привлекло к себе писателей, стоящих на грани культуры-веры и советской социокультурной реальности. Данное противоречивое единство нашло свою вторую жизнь в их произведениях. Оно и позволяет определить принадлежность интересующей нас линии развития постреволюционной литературы к обычному для русского самосознания мифо-символизму.

Миф, при таком подходе, выносит на поверхность глубинно выразительные смыслы событий, устанавливает между ними ценностную связь. Посредством мифа человеческие состояния переносятся на социальную жизнь, природу и космос.

С другой стороны миф является высшей формой обыденного сознания. Он лежит в основе той культуры, той мировоззренческой слитности, которые представляют духовную жизнь традиционного общества. Именно России с ее мифологизированной народной культурой выпала судьба вести постоянный диалог с секулярно-гуманистическим знанием и позитивистскими учениями. На всем протяжении нашей истории, как и в XX столетии, мифология занимает главенствующее место в структуре общественного сознания. Соединяя разум и чувство, мифология способна вызывать к жизни обобщающие элементы мышления. В них чувственное и умозрительное, вещественное и образное начала пришли к полному слиянию и взаимопроникновению. «Миф, как “структурная единица” такого образования, не просто передает сюжет, в котором переплетаются чудесные и настоящие природно-человеческие взаимоотношения, но, по М.Смирнову, утверждает его в качестве не подлежащей сомнению реальности».¹

Писателям мифологической направленности близок синкретизм специфического типа сознания, позволяющий охватить устройство мира в его целостности. Их тяготение к символическим основам народной мысли объясняется тем, что характер и статус русского самосознания мало изменился в контексте господствующей после 1917 года марксистской идеологии. Мифология по-прежнему выступает средством осмысления (и сохранения) жизненного порядка. Национальное самосознание продолжает отождествлять себя с русским православием, через которое в большей степени символизируются духовно-нравственные ценности народа.

Символизация отношений человека с природой, миром, историей, другими людьми – органический творческий принцип, который раскрывает специфику мировосприятия, литературного таланта и поэтики Платонова, Пришвина, Леонова. Каждое их произведение имеет мифологический

---

¹ Смирнов М.Ю. Мифология и религия в российском сознании. Методологические вопросы исследования. – СПб.: Изд.- торговый дом «Летний сад». 2000. С. 78–79.

оттенком, когда мир удвоится: за естественным ходом событий и обыденным пространством жизни лежит область чуда и сказки. Это – сфера сверхъестественного или трансцендентного. К ней обращены художники-философы в своих попытках понять и объяснить материальную реальность. Здесь вступает в свои права символическое воображение, призванное с помощью знаковых форм придать предметам и событиям новый смысл.

Характерной чертой творческого воображения Платонова, Пришвина и Леонова стало преодоление логических разрывов между историческими, бытовыми, конкретно-реалистическими значениями событий и их мифопоэтическими отражениями. При этом открывается иная перспектива – возможность соединять разные идейные контексты. В частности они сохраняют духовные традиции, свойственные дореволюционной истории. Художественная мысль развивается, включая в себя оттенки философского, научного и религиозного сознания. На почве художественного мифотворчества происходит слияние в некую целостность полярных мировоззренческих и социальных установок.

Применительно к предмету нашего исследования можно сказать: идеологический утопизм революции рассматривается философской прозой в русле мифологического видения мира. У Платонова, Пришвина и Леонова мы находим открытое нравственное чувство: совместное с героями переживание существующих в жизни зла и неправды. Оно требует нелицемерного, развитого также как и ум, сердца. Однако чувство неприятия мирового зла (метафизического и реального) никогда не переходит у них в ненависть к природе и людям. Не отрицая отягощенности мира грехом, самой возможности борьбы с социальной несправедливостью, они продолжают линию отечественной литературы, состоящую, по Леонову, «в отражении события не в документе, а в самой человеческой душе, с приматом художественной личности над материалом».¹ В этом смысле представители мифо-философского течения противостоят таким вариантам утопизма, как утопический нигилизм революционеров-анархистов и гностическое отрицание мира, якобы сотворенного злой силой, у теософов и мистиков.

Устремленность к мифу задана в их творчестве близостью к философскому содержанию русской литературы, русскому космизму. На всех этапах своего развития она прочно связана с восточно-христианской традицией в различных ее модификациях: канонически-церковной, народно-бытовой, религиозно-философской. И это закономерно для художников слова, одухотворяющих конкретного человека, его незаметную жизнь и поступки. Бросается в глаза, что в образно-символическом осмыслении предметов и вещей – в пике нормам и правилам социалистической эстетики – Платонов, Пришвин, Леонов не переносят их исключительно в область научной рациональности. В описываемой системе образности они, равно как и

---

¹ Леонов Л. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. – М., 1984. С. 520.

внутренний мир людей, не свободны от смыслов, которые идут из недр бытия. Это тот художественный горизонт, где реализуются не только объективные жизненные ценности, но и религиозно-нравственные идеи.

Корни слияния художественной мысли с христианским реализмом, усматривающим в символе духовную реальность, уходят к истокам отечественной литературы и «низовой» словесности. Даже тогда, когда диалог между двумя типами мирозерцания (религия – эстетическая деятельность) шел трудно, Православие оставалось ценностным элементом нашей культуры. Ориентация на мифологию, символику и образность, которые вышли из недр православной духовности, очерчивает круг центральных тем Платонова, Пришвина и, в наиболее близком к традиционной философской логике виде, Леонова. И это закономерно, если учитывать культурно-исторический контекст, сопутствующий их появлению на литературном горизонте.

Россия, переходящая накануне XX века от культуры-веры к культуре-цивилизации, жаждала мифов. Социальная и философская мысль тех лет была захвачена процессом ремифологизации. Творцы идеологий и просто мыслители ищут и находят в мифах способ соединения чудесного, трансцендентного с подлинной жизнью. Одна за другой появляются мифологические системы в идеологии, политике, художественной практике модернистов. Тут и языческая мистика пола у В. Розанова, и целая школа православно-исихастской мысли, опирающаяся на символическое сознание, религиозный экстаз в музыке и живописи и рационалистическая религия большевизма. Миф воистину стал еще одним горизонтом человеческого духа, каковым его видят последователи экзистенциальной философии. Возвращение мифа в общественное самосознание выразилось в таких феноменах неорелигиозного подъема, как эзотерика, теософия, толстовство, мифотворчество Вяч. Иванова. Три русских революции 1905-1917 годов, разрушавшие православные основы национальной жизни, дали импульс специфическим религиозным чувствам и настроениям. Ими пронизаны поэзия А. Блока и А. Белого, избяной полуязыческий мир С. Есенина, фольклорные стилизации А. Ремизова. Немногие художники оказались вне этого поветрия, органично продолжая классическую линию взаимодействия отечественной культуры и христианства. Вслед за И. Шмелевым и Б. Зайцевым здесь следует назвать М. Пришвина, бывшего в те годы автором художественных очерков, основанных на религиозно-мифологических реминисценциях («Никон Староколенный», «Иван Осляничек», «Грезаца», «Адам и Ева»). Первые творческие опыты Платонова («Голубая глубина», «В полях», «Рассказ о многих интересных вещах», «Бучило») и Леонова («Деяния беса Азлазивона», стихотворения и поэма «Земля», рассказы «Бурьга», «Уход Хама», «Гибель Егорушки») также ориентированы либо на религиозный фольклор, либо на жанр притчи – мифологизированное повествование. Библейская конфликт Авеля и Каина становится смыслопорождающим

элементом в «Барсуках». Леонов разворачивает в последней своей книге («Пирамида») миф о грехопадении ангелов, впервые использованный в «Воре».

Новая литературная генерация уже в своих истоках отлична от предшественников – символистов. Несходство проявилось в том, что в мифо-философской прозе нет идеализации народных масс, веры в мессианство русского народа. Не сумма общих мест национально-религиозного обихода или сугубо художественный символ лежат в ее основании. Развернутая мифология христианско-православной жизни, связанная с традиционными формами – духовный стих о Голубиной книге, перелицованная библейская притча, апокрифическое сказание или лубок – становится инициативным началом творчества мышления Пришвина, Платонова и Леонова. Пришвин называет «Голубиной книгой» свой рассказ, демонстрируя в нем знание народной космологии. У Платонова с апокрифической версией творения мира связана книга стихов «Голубая глубина» и рассказы «Бучило», «Тютень, Витютень и Протегален». В прозе Леонова эти знаковые мотивы обнаруживаются как на сюжетно-тематическом, так и на словесно-семантическом уровнях.

Опыт символизации событий не мог отгородить художников-мыслителей от реальности. Политическая ситуация диктует свои законы. Сразу после своей «окончательной» победы (конец 20-х – начало 30-х годов) авторитарный режим потребовал от писателей, оставшихся в стране, адекватного новым идеалам, культу прогресса и науки, изображения мира. Уже в значительной части послереволюционных вещей Пришвина, в публицистике, в рассказах и повестях с элементами научной фантастики и сатиры Платонова («Приключения Баклажанова», «Потомки солнца», «Лунная бомба») и Леонова («Петушихинский пролом», «Записи Ковякина», первый роман «Барсуки», а затем – в «Необыкновенных рассказах о мужиках» и «провинциальных» повестях) происходит наложение двух мифологий. Российская действительность с ее стремительно изменяющимся обликом описывается «сразу в двух системах понятий: с одной стороны, архаической (мифологической), с другой стороны, современной (социально-политической, конкретно-бытовой)».¹ Писатели фиксируют и переосмысливают старое содержание христианской мифологии в границах иного, социально-классового мировосприятия. Таким слиянием стилей, структур мышления объясняется, например, синтез революционного новояза и евангельской лексики в публицистике Платонова начала 20-х годов («Христос и мы», «Преображение», «Конец бога»). Увлеченный религиозным материалом писатель-мифолог, сохраняя за реальностью конкретные черты, возвышает ее, усиливает атмосферу чудесного. Отсюда сказочные, гротесково-фантастические фигуры медведя-кузнеца у Платонова («Котлован»), «медведя

¹ *Золотонос М.* Ложное солнце («Чевенгур» и «Котлован» в контексте советской культуры 1920-х годов) // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. V. – С. 40.

с пружинкой» (дневник 1930 года), Марьи Моревны и Кашеевой силы (мирового зла) у Пришвина («Кашеева цепь»), элементы притчи и христианской легенды в ранней прозе Леонова. В этих текстах происходит трансформация архаических представлений в темы, сюжеты и образы-персонажи. Они видоизменились, получили здесь новое обличье, сохраняя глубинные сакральные смыслы.

Рассматривая художественно-эстетическое сознание трех писателей мы опираемся на понимание *эстетического*, сложившееся в русской неоправославной эстетике первой трети XX века (С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев). Оно обозначает определенный духовно-материальный опыт и характеризует особый уровень творческого развития, когда направление творческого процесса определяется одухотворяющим началом. Это, казалось бы, чисто теоретическое наблюдение – неизбежная основа и условие осознания глубинного реализма Платонова, символично-реалистических систем Пришвина и Леонова.

Сформулированное В.В. Бычковым понятие об эстетическом опыте (см. ниже) вводит читателя в ядро их творческой мысли, обнажает ее природу. Жанровые, образные и стилевые качества произведений художника зависимы от состояния его связей с духовным миром. Исследователь убеждает нас, что возникающее при этом у одухотворенной художнической личности катарсическое чувство «свидетельствует о глубинном *контакте* субъекта и объекта, о сверхразумном узрении субъектом в эстетическом объекте сущностных основ бытия, сокровенных истин Духа, неуловимых законов жизни и бытия во всей их целостности и гармоничности, об осуществлении, в конце концов, духовного контакта с Универсумом, с абсолютным Духом (а для христианина – с Богом), о прорыве связи времен и, хотя бы мгновенном выходе в вечность, или точнее – об ощущении себя причастным вечности, причастным божественной сфере».¹

Формирующий принцип указанного склада художественного сознания заключен в его духовных составляющих. Однако утверждать, что для Платонова, Пришвина или Леонова формы мысли и жизни сводились только к христианству, мы не будем. В России XX столетия завершается процесс дехристианизации, насильственного уничтожения национальной культуры, которая постигалась через самобытную систему художественно-эстетических идей: *соборность, символизм, образная духоносность*. Эстетика Платонова, Пришвина и Леонова в своем развитии связана с этими основаниями культуры Руси-России. Одновременно с этим внутренняя структура их художнического мышления не могла не испытывать на себе давления времени. Позитивизм и сциентизм наложили на него свой отпечаток. Все это усложняет характеристику творческой философии изучаемых мастеров

¹ Бычков. В.В. 2000 христианской культуры *sub specia aethetica*. Т. I. Раннее христианство. Византия. – СПб.: Университетская книга. – УРАО. («Российские Пропилеи»). – 1999. С. 13.

слова, но не превращает ее в неразрешимую задачу.

У Платонова, Пришвина и Леонова, независимо от их индивидуально-стилевых различий, каждый жизненный факт получает художественно-философскую оценку. При этом содержательные смыслы религиозных понятий добра и зла, истины и греха почти не затронуты изменениями. Христианские представления и мифологические элементы накладываются на новые идеологемы. Пересечение этих двух идейных структур дает толчок к созданию текста, в котором художник смотрит на мир сквозь призму народной мифологии. Писатель, опирающийся на привычные формы обыденного мышления, творит в русле этой формы мысли. Так возник феномен возвращения к отечественной духовности, зримо выразившийся у представителей послереволюционной русской прозы. При этом одни обратились к субъективности, абстрактным формам (литературный авангард 10-20-х годов), другие пришли к «объективно-реалистическому», социально и политически ангажированному творчеству, а третьи (в их числе – Платонов, Пришвин, Леонов) – к символическому реализму. Однако эстетически определяющим качеством становится отношение к слову как к знамени и истине. Архитектоника такого слова предопределяет форму образного философствования. Она удивительным образом совпала с русским религиозным самосознанием, с идеей философского синтеза у Б. Вышеславцева, Е. Трубецкого, П. Флоренского и С. Франка.

Мы примем для выделяемого литературно-философского течения условное название: «мифо-философская проза». С ним не в последнюю очередь связано формирование «христианского текста» русской постсимволистской литературы.

М.Н. ВЯЗЬМИТИНОВ

ОРДЕНА И МЕДАЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Русская православная церковь, не являясь структурным элементом государства, оказывает на него влияние. В свою очередь государственные институты часто взаимодействуют с духовенством и оно принимает во внимание действия государства. Эта взаимосвязь имеет место не только потому, что Синод, приходы, правительство, ведомства находятся на территории одного государства и поэтому обречены к взаимодействию друг с другом.

Русская православная церковь (РПЦ), действующая в духовной сфере и аппарат власти, занимающийся делами земными, в отдельных моментах очень похожи. И церковь, и государство являются структурами иерархичными, есть лидеры (патриарх, президент), руководители в определенных направлениях (митрополиты, министры), начальники среднего и низшего звена (епископы, главы администраций, мэры). Внизу этой пирамиды власти находятся рядовые граждане и паства. Обе эти сложные структуры должны каким-то образом

регулироваться. Должно осуществляться движение в карьере чиновников и стимулироваться деятельность простых граждан. Одним из рычагов этого регулирования в любом государстве является наградная система. Церковь, выполняя очень важную функцию нравственного воспитания людей, защиты общества от порочных явлений, поддержки культуры, вынуждена также поощрять священнослужителей и мирян за их подвижническую работу, которая порой осуществляется в крайне неблагоприятных, а иногда опасных условиях.

Анализ государственной и церковной наградных систем показывает их близость. Высшей церковной и высшей государственной наградой являются одноименные ордена святого апостола Андрея Первозванного. Как государственный институт наград, так и церковных имеют *высшую группу наград – ордена, которым сопутствуют медали*. И государственные и церковные награды выдаются в некоторых случаях за одинаковые заслуги (например, в области культуры). Некоторые церковные награды могут быть даны лицам не духовного звания и наоборот, государство может наградить священника.

Наряду со сходством имеются и различия в системах наград и поощрений.

Если условно представить Синод русской православной церкви в качестве какого-то ведомства, то окажется, что награды его жалуются более демократично, нежели знаки, грамоты, звания любого министерства или комитета. Режиссер Н.С. Михалков недавно получил церковный орден преподобного Сергия Радонежского. Трудно себе представить, чтобы кто-то из митрополитов стал «Заслуженным деятелем искусств РФ».

Награды государства многочисленны и, как показывает история России, уже в значительной мере девальвированы. Ордена и медали РПЦ появились в основном по 2-й половине XX века, жалуются весьма скупо и число их мало.

Естественным отличием церковных наград от светских являются названия. Все они носят имена православных святых. В многонациональном государстве, где существуют несколько религиозных конфессий, в наименовании орденов и медалей в их форме, как правило, учитывают религиозные чувства граждан. О наградной системе Российской Федерации этого, правда, не скажешь.

Базовым символом орденов и медалей православной церкви является крест (андреевский, простой четырехконечный или четырехконечный слегка вытянутый вниз).

РПЦ в своих орденах и медалях отражает свою миротворческую роль. Эти награды не выдаются за участие священнослужителей в боевых действиях, хотя церковь не отрицает своей роли в деле защиты Отечества. В конце января 2000 г. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II собственноручно вручил церковные ордена начальнику Генерального штаба российской армии генералу Квашнину и его заместителю генералу Манилову. Награждение происходило в храме Христа Спасителя. Традиционно еще со времен Павла I, подвиги священников на поле брани отмечались государственными наградами. В советское время этой проблемы естественно не было. В настоящее время, когда

в российской армии вновь вводят институт военных священников, вопрос о награждении их церковными знаками отличия ставятся на повестку дня.

В отличие от светской наградной системы, где почти все наградные знаки имеют ленты определенных цветов и крепятся на колодках, большинство церковных орденов и медалей лент не имеют, а колодки же отдельных церковных наград украшены не лентами, а православной символикой (восьмиконечным крестом, треугольником с «всевидящим оком»). В повседневной жизни награжденные знаками отличия государства не носят сами награды, заменяя их стройными рядами прямоугольных колодок, цвета лент, которых соответствуют орденам и медалям. Церковнослужители, получившие наградные знаки из рук патриарха, как правило, носят их на одежде в торжественных случаях, если же награды снимаются, то заменяющие их символы не надевают, поскольку эта замена в церковной системе наград, очевидно, не предусмотрена.

Институт наград РПЦ не является замкнутой системой: ордена и медали церкви жалуются не только лицам православного вероисповедания. Орден Святого равноапостольного Великого князя Владимира может быть жалован за общецерковные заслуги католикам и протестантам, что роднит его с государственной наградой Российской Федерации – орденом «Дружба».

Поддерживая традицию наградного дела России, церковные ордена представляют из себя не только кресты с ликами святых, но и восьмиконечные звезды, которые порой обсыпаны искусственными драгоценными камнями. Однако есть и отступление от традиции. Орденские звезды всегда указывали на высшие степени ордена (первую или вторую). Знаками же ордена считались звезда, крест и лента. В современных церковных наградах звезды иногда сами выполняют роль соответствующей степени. Церковный орден сейчас это либо знак, степени которого представлены только крестами без звезд, либо только звездообразными символами, либо восьмиконечными звездами без сопутствующих крестов и крестом в качестве низшей степени (орден святого равноапостольного Великого князя Владимира).

Если иметь в виду эстетическую ценность церковных орденов и медалей, то следует отметить, что, к сожалению, не все они равноценны. Не очень удачно выполнен орден преподобного Сергия Радонежского, напоминающий скорее какой-то значок, а не награду. Не лучше дело обстоит с медалью этого ордена, а также медалью ордена Святого благоверного князя Московского Даниила. Они похожи на брелки с невыразительными изображениями ликов святых.

Превосходно сделаны ордена Святого апостола Андрея Первозванного, святого благоверного князя Московского Даниила, святого равноапостольного князя Владимира и Святой равноапостольной Великой княгини Ольги.

Одни исследователи наград РПЦ считают, что церковные ордена и медали были учреждены после Великой Отечественной войны, другие говорят о времени горбачевской перестройки. Действительно, основная группа наград появилась в конце 80-х годов, но еще в XIX веке статус церковного ордена

имел *наперсный крест*, которым награждали заслуженных иереев за долголетнее беспорочное служение. Церковная система знаков отличия это развивающаяся система, реагирующая на требования времени. Не так давно Русская православная церковь учредила еще один орден – Святого мученика Трифона. Награда полагается за активную деятельность по борьбе с наркоманией, алкоголизмом и другими «вредоносными явлениями, разрушающими психическое и физическое здоровье общества».

Если привести церковные ордена и медали в определенный порядок, то получится довольно стройная система высших духовных наград.

1. **Высшая награда РПЦ – орден Святого апостола Андрея Первозванного.** Эта одностепенная награда учреждена в честь одного из первых проповедников-апостолов и ближайших учеников Иисуса Христа. Этот знак отличия состоит из двух частей: алмазной звезды, которую носят на груди справа, и знака ордена на ленте. Ленту надевают через левое плечо, а знак располагается под звездой. Орден выполнен из серебра с позолотой и украшен искусственными драгоценными камнями. Эту высшую церковную награду имеют лишь три человека в мире: Патриарх Московский Алексий II, Патриарх Сербский, Патриарх Константинопольский и Вселенский.

2. **Орден Святого равноапостольного великого князя Владимира** основан в честь выдающегося деятеля Древней Руси, главным делом которого было принятие Киевской Русью христианства как государственной религии и крещение населения. Награда многостепенная. Первая степень представляет собой выпуклую, штампованную, восьмиконечную золотую звезду, лучи которой чередуясь имитируют крест. Вторая степень представлена такой же, но серебряной звездой. Третья – красный эмалевый крест. Орденом этим награждают духовных лиц за многолетнее служение в священном сане или за выдающиеся заслуги перед РПЦ. Этой наградой жалуются и церковные деятели, не имеющие священного сана – за усердную педагогическую работу в духовных школах, за ученые богословские труды или за другие заслуги, представители автокефальных (самостоятельных) православных церквей, представители инославных исповеданий.

3. **Орден святого преподобного Сергия Радонежского**, основанный в 1978 году в честь великого русского церковного и государственного деятеля, основавшего Троицкий монастырь и внесшего большой вклад в организацию отпора Золотой Орде. Орден многостепенный. Все три степени выполнены из серебра в виде восьмиконечных плоских звезд на прямоугольных колодках. Знак первой степени позолочен. Этим знаком отличия награждаются священнослужители за церковные и миротворческие заслуги, а также государственные и общественные деятели за укрепление мира и дружбы между народами. Вместе с орденом была учреждена **одноименная медаль**, представляющая собой серебряный кружок с изображением Сергия Радонежского. Медаль крепится к одежде на прямоугольной (слегка скругленной внизу) колодке с православной символикой.

4. **Орден Святого благоверного князя московского Даниила** учрежден в честь первого князя московской династии – сына Александра Невского, который первым начал возвышение Москвы. Орден трехстепенный. Знаки 1-й и 2-й степеней выполнены из посеребренного мельхиора, украшены искусственными драгоценными камнями и эмалью. Награда представляет собой равноконечный крест, концы которого расширены. Между ними у 1-й степени арматура с церковной символикой, а у 2-й и 3-й – исходящие из центра ордена лучи. В центральном медальоне в обрамлении венка святой князь Даниил, имя которого написано на концах креста. У ордена есть **одноименная медаль**, выполненная почти в той же манере, что и медаль Святого преподобного Сергия Радонежского. В отличие от этой медали, которая имеет две степени, медаль ордена Святого князя Даниила одностепенная и крепится к небольшой пятиугольной колодке. Орденом награждаются как духовных, так и светских лиц. Не так давно Святейший патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, вручил церковный орден князя Московского Даниила 2-й степени известному шахматисту А. Карпову.

5. **Женский церковный орден святой равноапостольной Великой княгини Ольги** основан в честь выдающейся деятельницы Древней Руси, сумевшей укрепить границы Киевской Руси, проводшей первую налоговую реформу, наладившей тесные связи с Византией, где в столице Константинополе приняла христианство. Награда трехстепенная, а во внешнем виде угадывается та же идея, которую мастера реализовали в ордене Святого Даниила. Равноконечный крест с прямыми концами и в центральном медальоне образ святой Ольги. Крест в зависимости от степени позолоченный или посеребренный и покрыт эмалью. Орден предназначен для награждения женщин-деятельниц русской православной церкви.

6. Совсем недавно церковь учредила еще один орден – **Святого мученика Трифона** трех степеней. Награда полагается за активную деятельность по борьбе с тяжкими пороками современного общества – наркоманией и алкоголизмом. Орденом могут быть награждены священнослужители, церковные, государственные и общественные деятели, служащие правоохранительных органов, деятели науки, культуры и искусства, писатели, журналисты, медики, работники просвещения, детских и молодежных организаций, благотворительных фондов, предприниматели, способствующие «духовно-нравственному оздоровлению общества, утверждению христианских норм морали и возрождению православных традиций нравственного воспитания». Первая степень – серебряный крест с позолотой, вторая степень – серебряный крест, третья степень – серебряный крест из ювелирного сплава. Учрежден орден в начале 1995 года.

Изучение наград Русской православной церкви находится в начале пути. Публикаций по этой проблеме почти нет, а если и есть, то это скорее популярное представление экзотических знаков. Серьезная работа в этом направлении может идти, если будут изучены церковные архивы, текущая

документация Синода, публикации в церковных изданиях, которые с большим трудом можно достать провинциальному исследователю.

Краткая характеристика церковных орденов и медалей является первым шагом в изучении довольно сложной *наградной системы* РПЦ, в которую, наряду с высшими наградами, входят наградные знаки, кресты, панагии, головные уборы, элементы одежды и сопровождающий чин священника атрибуты.

А.Я. АЛХАСОВ

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Основная идея данной работы состоит в том, что все употребляемые в современном политическом языке выражения приобретают статус философски релевантных категорий, будучи помещенными в поле напряжения, возникающее при попытках соотнесения теории с практикой. Отношение теории к практике по-прежнему остается главной проблемой современного политического мышления. Решение данной проблемы возможно двумя способами: допустить, что между теорией и практикой существует генетическое единство, или допустить, что между теорией и практикой существует естественная и непреодолимая пропасть. Первое допущение восходит к классическому учению о политике в таком его виде, как оно разрабатывалось Платоном, Аристотелем, Гегелем, Марксом, а второе возникает из современных сомнений в адекватности гегелевской и марксовской трактовки связи теории с практикой, с одной стороны, и из явных неудач сциентистских попыток «приложить» теорию к практике, с другой. На мой взгляд, первое допущение плодотворно, а второе – нет. «Ибо если нет связи между теорией и практикой, то политическая наука может не только не помочь политической жизни, но даже и навредить ей»¹ Поскольку проблема отношения теории к практике встает вновь и вновь, то имеет смысл представить ее как отношение философии к политике.

Давно было сказано, что философия в своей области делает для политики то же самое, что и математика в своей – для физики, то есть создает рациональные предпосылки понимания явлений и событий в области политики. Последние, если пытаться постичь их за пределами философской рефлексии, остаются непознанными в своей сущности. Это чревато накоплением заблуждений и неспособностью решать злободневные практические задачи. Каждая новая публикация, претендующая на серьезное осмысление

---

¹ [Ruderman R.S. Aristotle and the Recovery of Political Judgement. APSR Vol.91, № 2 June 1997]

политической жизни современной России, просто воспроизводит этот опасный разрыв между философией и политикой. Там, где еще сохраняется желание поставить собственно политические события в связь с ясными философскими предпосылками, реализуется оно типично сциентистскими способами, которые продемонстрировали свою несостоятельность и подверглись сокрушительной критике. В частности, можно указать на распространившуюся в России идею социальных и политических технологий, которые реализуется столь же широко, сколь и бесперспективно (если не сказать - ущербно) в плане решения важных для страны в целом практических задач.

Философия доказывает свою значимость для политики в таком совершенно забытом современными политологами вопросе, как вопрос о соотношении общего, особенного (частного) и единичного в исторически конкретной ситуации. Ни в одной другой области человеческой активности требование к познанию учитывать диалектику общего и частного не является столь актуальным, как в политике и, соответственно, в политической науке. Этого требует сама природа политики как предмета познания. «Всеобщее» фундаментальное свойство политики состоит в том, чтобы быть и «такой» и «другой», очень часто даже порождать противоречащие друг другу состояния. Поэтому Аристотель требовал для политического познания особой познавательной установки – «фронесиса», благоразумия, практической рассудительности, которая направлена на ситуации принятия решений. « ... Причем никто не принимает решений о том, что не может быть иначе».¹

Всякое актуальное политическое действие и всякая попытка схватить в мысли это действие основываются на определенном предпонимании того, что есть общее или «всеобщее» в области политики. Об этом напоминают такие выражения из политического лексикона, как «общий интерес», «общая воля», «общее благо» и т.д. Проблема состоит в том, что в современной политической жизни - как российской, так и зарубежной - это «предпонимание» не достигает уровня зрелого «понимания», «рассудительности». И связано это с поверхностным отношением политиков и политологов к философии. Поэтому уместно напомнить о достигнутом философией понимании диалектики общего (всеобщего) и частного.

Очевидно, что философский вопрос «Что такое «всеобщее»?»² приобретает свою актуальность в связи с вопросом «Что такое «благоразумие», «практическая рассудительность»?» «Рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой для него самого, однако не в частностях – например, что [полезно] для здоровья, для крепости тела, - но в целом: какие [вещи являются благами] для хорошей жизни. Подтверждается это тем, что мы говорим о рассудительных в каком-то отношении, когда люди сумели хорошо рассчитать, что нужно для достижения

¹ Аристотель. Сочинения, М., «Мысль», 1984. т.4, стр. 173

² Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991, стр. 320

определенной добропорядочной цели, [для достижения которой] не существует искусства. Следовательно, кто способен принимать [разумные] решения, тот и рассудителен в общем смысле слова. Между тем никто не принимает решения ни о том, что не может быть иным, ни о том, что ему невозможно осуществить».¹

“Рассудительность же связана с человеческими делами и с тем, о чем можно принимать решение; мы утверждаем, что дело рассудительного – это, прежде всего, разумно принимать решения, а решения не принимают ни о вещах, которым невозможно быть и такими и иными, ни о тех, что не имеют известной цели, причем эта цель есть благо, осуществимое в поступке. А безусловно способный к разумным решениям (ευβοϋλος) тот, кто благодаря расчету умеет добиться высшего из осуществимых в поступках блага для человека.

И не только с общим имеет дело рассудительность, но ей следует быть осведомленной в частных [вопросах], потому что она направлена на поступки, а поступок связан с частными [обстоятельствами].

Итак, рассудительность направлена на поступки, следовательно, [чтобы быть рассудительным], нужно обладать [знанием] и того и другого[- и частного, и общего] или даже в большей степени [знанием частных вопросов]. Однако и в этом случае имеется своего рода управляющее [знание, или искусство, т.е. политика]. И государственное [искусство], и рассудительность – это один и тот же склад, хотя эти понятия не тождественны”.²

К этим положениям из “Никомаховой этики” Аристотеля обращаются сегодня политические философы³, пытаясь перебросить мост через пропасть между теорией и практикой, которая возникла из-за сциентиски-позитивистского догматизма, утверждающего, что предмет мысли не может быть и “таким” и “иным”.

Философия же, в свою очередь, знает, «что одно и то же слово – один и тот же «знак»»- может служить, причем не только в силу присущего естественному языку омонимии, «для обозначения отнюдь не одного и того же»⁴. Что, при таком понимании, может быть идентифицировано в качестве «всеобщего» в области политики? Трудно, если вообще возможно, идентифицировать в качестве «общей» (или «всеобщей») политическую волю, если в действительности она в качестве некоторого основания (например, в виде конституции данного государства) влечет за собой одновременно и изъявление этой воли, и его отсутствие в виде абсентеизма. Получается, что понятие «политическая воля» относится к двум противоположным (при

¹ Аристотель. Сочинения, т.4. М., 1984, стр. 176-177

² Там же, стр. 180

³ Ruderman R.S. Aristotle and the Recovery of Political Judgement. American Political Science Review, Vol.91, № 2 June 1997

⁴ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991, стр. 321

соответствующих уточнениях) явлениям. Такая идентификация вряд ли вообще возможна, если ее пытаются осуществить из позиций формальной логики, которая преимущественно взята на вооружение современной политической наукой, - как отечественной, так и зарубежной. Характерный для нее эмпиризм считает надуманным вопрос о «всеобщем» в области политики. Я исхожу из того, что «общее» (или «всеобщее») в политике *реально*. Поэтому применительно к указанным выше явлениям вопрос о нем может быть сформулирован так: «Что есть «общее», присущее и волеизъявлению и абсентеизму?» Или, по-другому: ««... А нельзя ли отыскать нечто общее между двумя крайними – исключаящими друг друга – значениями» выражения «политическая воля», «отыскать основание факта дивергенции значений»?¹ Если можно, то как? Во всяком случае, весьма проблематично, что возможна реконструкция «основания факта дивергенции» политической воли «путем абстрагирования тех – и только тех – «общих признаков»², которые генетически сохранены в волеизъявлении и абсентеизме. «Формально-логическая установка, ориентирующая на отыскание абстрактно-общего всем единичным представителям одного (и называемого одним и тем же именем) «рода», в данном случае капитулирует. «Всеобщего» в ее смысле тут обнаружить нельзя – и нельзя по той причине, что такового здесь действительно нет. Нет в виде актуально-общего всем индивидам «признака», определения, в виде сходства или тождества, свойственного каждому из них, взятому порознь»³.

Актуальная для современной России дилемма «демократия или авторитаризм» может быть плодотворно разрешена только в том случае, если предполагается их общность, их связь таким образом, «что конкретно-эмпирически-очевидное существо их связи, объединяющей различные явления (индивиды) в некоторое «одно», в общее «множество», полагается и выражается отнюдь не в абстрактно-общем для них признаке, не в том определении, которое одинаково свойственно и тому и другому. Это единство (или «общность») создается скорее тем «признаком», которым один индивид обладает, а другой – нет. И это *отсутствие известного признака привязывает одного индивида к другому гораздо крепче, чем одинаковое наличие его у обоих* ...»⁴

Попытки найти всеобщее определения "демократии" и «авторитаризма» на пути выделения (отвлечения, абстрагирования) того "общего", которым обладает каждое единичное демократическое или авторитарное общество, наблюдающиеся в российской политической наука и публицистике не приводят и не могут привести к практически значимым результатам. Очевидно, что логика, исходящая из такого представления о

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991, стр. 322

² Там же, стр. 322

³ Там же, стр. 324

⁴ Там же, стр. 324

"всеобщем", в данном случае из тупика вывести мысль не сможет, и понятие "демократии вообще" остается чем-то для нее неуловимым.

Перефразируя Маркса¹, можно сказать, что «демократия» или «авторитаризм» не есть абстракты, присущие отдельному «демократическому» или «авторитарному обществу». В своей действительности они есть совокупность всех общественных отношений. Только при таком подходе можно выйти на подлинное понимание значения философии для политики: всеобщие определения, выражающие сущность демократии или авторитаризма как политического бесполезно искать в ряду тех абстрактно-общих "признаков", которыми обладает каждый отдельно взятый представитель этих родов.

Сущность «демократии вообще» или «авторитаризма вообще» - а тем самым и реальную общедемократическую или обще-авторитарную природу каждого отдельного общества - можно выявить через критический анализ "всей совокупности", "всего ансамбля" социально-исторических отношений человека к человеку, через конкретное исследование и понимание тех закономерностей, в русле которых действительно протекал и протекает процесс рождения и эволюции как человеческого общества в целом, так и отдельно данных демократии и авторитаризма.

Отдельное демократическое или авторитарное общество лишь постольку является "демократией" или «авторитаризмом» в точном и строгом смысле слова, поскольку оно реализует - и именно своей индивидуальностью - ту или иную совокупность исторически развившихся способностей (специфически-демократических или специфически-авторитарных способов политической организации общества), тот или иной фрагмент до и независимо от него оформившейся политической культуры, усваиваемый им в процессе собственного становления («демократией» или «авторитаризмом»). С этой точки зрения отдельно взятое демократическое или авторитарное общество можно рассматривать как особенное воплощение политической культуры, то есть "всеобщего" в демократическом или авторитарном обществе. Всеобщая "сущность демократии" или «авторитаризма» поэтому реальна только как политическая культура, как исторически складывающаяся и эволюционирующая совокупность всех специально-политических форм жизнедеятельности, как их полный "ансамбль". Так понимаемая "всеобщность" представляет собой вовсе не некую родовую "одинаковость" эмпирически данных демократических или авторитарных обществ, а реальность, внутри себя многократно и многообразно расчлененную на "особенные" ("отдельные") сферы, взаимно друг друга дополняющие, друг от друга, по существу, зависящие и потому гибко сцепленные воедино узами общности происхождения.

---

¹ Маркс К.. Энгельс Ф. Сочинения, т.3, стр. 4.

Иначе говоря, теоретико-логическое определение «всеобщего» в «демократии» или «авторитаризме» - конкретной всеобщности демократического и авторитарного существования - может с этой точки зрения состоять единственно в раскрытии той необходимости, с которой развиваются друг из друга и во взаимодействии друг с другом многообразные формы специально-политической жизнедеятельности, общественно-политические способности человека и соответствующие им потребности.

Если же говорить о "наиболее общей" дефиниции демократического в демократии или авторитарного в авторитаризме, то задача опять-таки не может состоять в отвлечении формальной одинаковости, «абстракта», присущего каждому отдельному демократическому или авторитарному обществу, а только в установлении той реальной - а потому и особенной - формы политической жизнедеятельности, которая и исторически и по существу дела является всеобщей основой и условием возникновения демократии или авторитаризма и их индивидуально-государственных воплощений.

В чем можно усмотреть эту "всеобщую" форму политической жизнедеятельности? Можно ли определить ее так, чтобы в этом определении нагляднее всего проступало понимание ее "всеобщей" природы, порождающей такие «особые» формы политической организации общества, как демократия и авторитаризм? Традиционная формальная логика бессильна ответить на эти вопросы. Если следовать ее правилам (что собственно и делается сегодня во всем мире и в России. в том числе), определения «демократии» и «авторитаризма» будут получены на путях выделения "общих признаков". При таком подходе многие формы политической жизни будут исключаться из сферы демократии на том основании, что этот "общий признак" у них не наблюдается. Вполне возможно, чтобы политическая организация двух обществ была демократической или авторитарной и при этом они не обладали бы одним и тем же принципиальным для демократии или авторитаризма "общим признаком". Они могут быть демократическими или авторитарными обществами потому, что как таковые берут свое начало в некотором более общем основании, которое не входит в их состав, взятых сами по себе. Задача подлинной политической науки состоит именно в открытии такого основания. Это верно и по существу, ибо без открытий не бывает науки. Между тем вся совокупность текстов, подведенных под название "политическая наука" представляет собой либо простое описание известного, либо постановку связь опять-таки известных событий, превращенных по правилам формальной логики в переменные.

"Всеобщее" для демократии или авторитаризма противостоит эмпирически данному многообразию отдельных демократических или авторитарных обществ не в качестве умственного (логического) отвлечения,

а в качестве их собственной субстанции, в качестве конкретного способа их взаимодействия. Политическая наука докажет свою значимость для политической практики только в том случае, если она встанет на фундамент диалектической философии и на этой основе будет изучать наблюдаемые политические феномены как особые воплощения и перевоплощения «политической субстанции». Первоначальное представление о такой «политической субстанции» можно получить у того же Аристотеля, который в своем трактате «Политика» определяет ее простейшим образом: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим».¹ Именно это общение как «всеобщее» в политике и расчленяется на многообразие форм, многие из которых на поверхности даже «исключают» общение друг с другом (например, между крайне левыми и крайне правыми в современной России). На самом же деле такое общение всегда «присутствует» в жизни. И чтобы понять, как же это происходит, что общение между крайними точками политического поля происходит, надо встать на позиции диалектики, или, по Аристотелю, руководствоваться фронесисом.

---

¹ Аристотель. Сочинения, М., «Мысль», 1984. т.4, стр.376

ИСТОРИЯ РОССИИ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Т.В. ПЕТУХОВА

ТОЛСТОВСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Толстовское движение в России является в настоящее время не только наименее изученным исторически, но и недостаточно определенным по своей сущности. Как известно, длительное время его относили к сектантству. Но характерные черты, присущие этому движению, позволяют не считать его таковым.¹ Поэтому необходимо определить сущностные черты движения единомышленников Л.Н. Толстого более подробно.

Социолог П. Штомпка дал развернутую характеристику общественных движений, выявив их параметры и особенности. Рассмотрим с данной точки зрения толстовское движение.²

П. Штомпка выделил следующие характерные черты социального движения:

1. Коллективность людей, действующих совместно.
2. Единство в отношении цели коллективных действий, а именно – изменения в обществе, причем цель должна осознаваться участниками одинаково.
3. Диффузность движения, низкий уровень формальной организации.
4. Действия имеют относительно высокую степень стихийности и не принимают институциализированные, застывшие формы.

Выше перечисленные признаки были, безусловно, присущи толстовству как движению. Налицо также единство цели коллективных действий, направленных на осуществление определенных изменений в обществе.

Толстовское движение имело собственную своеобразную концепцию общественного развития, хотя сами толстовцы всячески отреклись от политики и считали достижение «внешних» социальных изменений делом вторичным. В.Ф. Булгаков, например, заявлял в письме тульскому губернатору А. Тройницкому, что «... среди нас нет ни одного человека вообще политического образа мыслей. Все мы стоим исключительно на точке зрения религиозной, христианской».³ Центром всей социальной конструкции

---

¹ См. Т.В. Петухова. К вопросу о сектантском характере толстовского движения. // Вестник УлГТУ. № 4. 1999. С.58-63.

² П.Штомпка. Социология социальных изменений. // Социальная психология Хрестоматия. М., «Аспект Пресс», 2000. С.182-204.

³ Цит. по: М.А. Рашковская, Е.Б. Рашковский. «Милые братья и сестры». Страницы истории толстовского движения: 1914-1917 гг. // Религии мира. 1989-1990. История и современность. М., 1993.

толстовцев была земледельческая колония или коммуна. Посредством перехода к ней должны были осуществиться все другие стороны общественной жизни. Толстовец А. Макаров так изложил свои представления о будущих социальных изменениях. «Внутри этих общин на основе земледельческого труда, как пышная крона ветвей на могучем стволе, свободно разовьются все виды человеческой деятельности...Города и фабрики исчезнут, ибо все будут земледельцы, работающие в своих механизированных мастерских в свободное от полевых работ время. ...Мировое братство трудящихся устранил войны и множество другого зла, свойственного насильническому строю жизни нашей эпохи».¹ Экономические отношения будущего общества строились толстовцами на основе отказа от частной собственности. Модель будущего социального строя носила ярко выраженный натуральный характер, денежные отношения отвергались как орудие несправедливого распределения плодов общественного труда, и должны были быть заменены натурально-рассчетными денежными знаками. Важнейшим принципом являлось уничтожение эксплуатации и неравенства членов. Самоуправляющийся характер общин должен был, по мысли толстовцев, привести к уничтожению государства и установлению анархии, которую толстовец С.М. Белинский охарактеризовал в речи на I-ом съезде анархистов 12 декабря 1918 г. как «такой порядок человеческого общежития, при котором все люди свободны от правительственного принуждения».² Главным средством решения спорных социальных проблем в обществе толстовцы считали формирование общественного мнения и мирное неподчинение: «никакое меньшинство не сможет и не станет отказываться от исполнения ясно выраженной воли народа. Если меньшинство до сих пор не уступало, то только потому, что народ в целом соглашается служить этим классам и своей кровью защищать поработителей».³ В ненасилии толстовцы видели главное условие успеха общественных преобразований. Н.Н. Гусев в статье «Толстой и революция» утверждал, что «никакое преобразование общества не может быть насильственным. Насильственный коммунизм не может быть прочным».⁴ Как видим, общие идейные установки толстовцев, связанные с их социальными устремлениями были достаточно определены и укладываются в нишу русского утопического социализма. Это определило отношение толстовцев и к Октябрьской революции, и к процессу общественных преобразований первых послереволюционных лет, которые И.М. Трегубов в письме к И.И. Горбунову-Посадову от 22 февраля 1920 года назвал «не лихолетьем, а величайшей в мире

---

¹ Бюллетень Московского вегетарианского общества №16. // Российский государственный архив литературы и искусства. (РГАЛИ) Ф. 122. Оп. 3. Ед. 34. Л. 55.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. (ОР РГБ) Ф. 435. К.55. Ед. 19. Л. 3.

³ Там же. Л.4.

⁴ «Голос Толстого и Единение». 1918. № 2. С.6.

революцией». ¹ Хотя революция имела для толстовцев несколько иной смысл. Они видели в революционном движении «теоретическую» ценность, так как, по их мнению, своей борьбой революционеры доказывали «ложность» неразумного классового общества.

Уровень формальной организации толстовского движения был действительно низок. Существовали центры толстовства - Московское вегетарианское общество, Общество Истинной свободы в память Л.Н. Толстого, в известной степени Объединенный совет религиозных обществ и групп, местные общества. Однако состав участников не фиксировался, нигде в печатных изданиях толстовцев не указываются точные сведения о количестве членов. Рост движения можно видеть лишь по расширению географии местных организаций. Толстовские общества не имели четкой структуры, членство было свободным, без избрания или рекомендаций, размеры ежегодных взносов официально не устанавливались и вносились каждым по возможности, решения большинства не были «нравственно обязательными» для всех членов обществ, каждый сохранял свободу в их исполнении.

Общественные выступления толстовцев имели действительно высокую степень стихийности. Об этом свидетельствует, например, большое количество воззваний против войны, написанных толстовцами по личному почину и убеждению в разных уголках страны, их многочисленные выступления против смертной казни и отказы от воинской службы по религиозным (толстовским) убеждениям, их индивидуальная деятельность по распространению запрещенных произведений Л.Н. Толстого, заканчивавшаяся для многих судами и ссылками. Деятельность толстовцев не принимала застывших институционированных форм и по причине идейного содержания толстовского мировоззрения. Апеллируя к личному нравственному сознанию каждого человека, толстовство было, как отмечал В.Ф. Булгаков, «очень мало склонно к пропаганде и прозелитизму. ...Нужны были стечения обстоятельств, действительно необыкновенные, чтобы понудить толстовцев на открытое выступление со словами вразумления к людям» ².

Наиболее подходящим для толстовства как социального движения определением, из приведенных П. Штомпкой, на наш взгляд, является следующее: «Нетрадиционные группы, обладающие различной степенью формальной организации, пытающиеся произвести радикальные изменения в обществе или препятствовать им» ³. Как отмечают Вуд и Джексон, «изменения являются основной характеристикой социальных движений». Толстовцы стремились к радикальному преобразованию общества, имеющего

¹ РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. 1358. Л. 32

² В. Ф. Булгаков. «Опомнитесь, люди-братья!». История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против мировой войны 1914-1917 гг. Задруга. 1922. С. 11.

государственную форму, в безгосударственную общину путем нравственного самоусовершенствования людей.

Социологи рассматривают общественное движение как поток социальных изменений, имеющий прямое и обратное действие: «...любое социальное движение есть часть самого общества, в котором происходят изменения, ... иначе говоря, оно действует на общество изнутри». Толстовское движение изначально было ориентировано на такое изменение общества «изнутри». В программном документе ОИС «Опыт краткого изложения основ истинной свободы» по этому поводу было записано: «...Не на установление новых форм жизни должна быть направлена деятельность людей, ...а на изменение и совершенствование внутренних устройств как своих, так и других людей». ¹ Как и многие другие социальные движения, толстовское, изменяя общество, изменяется само (мобилизуются, организуются) для того, чтобы влиять на общество более эффективно. Наиболее ярко эти изменения прослеживаются накануне Октябрьской революции. В.Ф. Булгаков полемизировал с М.С. Сухотиным, считавшим, что только личность Льва Николаевича объединяла его единомышленников. В.Ф. Булгаков же считал, что эта узкая группа толстовцев, появившаяся вокруг Л.Н. Толстого в начале 80-х гг. 19 в., эта «партия» или «секта» перестала существовать еще при жизни писателя; в дальнейшем движение сильно эволюционизировало и по некоторым вопросам общественной жизни отошло от буквы собственно толстовского учения. Если Л.Н. Толстой апеллировал исключительно к нравственным усилиям конкретной личности в деле преодоления социального зла путем отказа участвовать в нем, то толстовцы начали осознавать значимость совместных усилий людей в изменении общественной жизни. В.Ф. Булгаков писал, что «в теперешних условиях» недостаточно личного участия..., чтобы «чувствовать себя спокойным, а главное *неответственным* за происходящие и будущие ужасы». ²

Признав толстовство общественным движением, а не сектой, предпримем попытку определить его тип. По масштабам предполагаемых изменений социологи выделяют **реформистские** (ограниченные по своим целям и не ориентированные на преобразования институциональных структур). Они хотят преобразований внутри структуры, а не ее самой); **радикальные** (стремящиеся к более глубоким социальным преобразованиям, затрагивающим основы социальной организации, направленные на преобразования самого общества); **революционные** (охватывающие все ключевые аспекты социальной структуры (политический, экономический, культурный) и направленные на тотальное изменение общества, построение вместо него «альтернативного» общества - например, коммунистическое и фашистское движения). Толстовство было, безусловно, радикальным общественным движением. Альтернативой

¹ ОР РГБ. Ф.345.К.61. Ед. 25.

² В.Ф. Булгаков. Толстой, Ленин, Ганди. Прага.1930. С. 14.

государству была безгосударственная община, опирающаяся на христианские принципы сосуществования людей. В некотором смысле толстовское движение можно назвать революционным. И не только потому, что могучий голос Льва Толстого, критикующий российские общественные порядки, расшатывал устои царской России. Интересно, что толстовцы сами осознавали себя причастными к революционным преобразованиям в России. В Обращении Казанского толстовского комитета к большевикам от 29 января 1919 г. толстовцы требовали признания своего права голоса при решении общественных проблем: « Как вы, большевики не можете допустить, чтобы распоряжались авантюристы из капиталистов, так и мы не можем согласиться, чтобы судьбами народа распоряжалась только одна партия большевиков – это было бы односторонне, ошибочно и опасно, потому, что одним насилием Вы можете провалить и свободу, и правду».¹ Толстовское движение было ориентировано на утверждение в общественном сознании по-толстовски понятой христианской идеологии, которая должна была неизбежно привести к пересмотру социальных норм и социальных ценностей.

По качеству предполагаемых изменений социальные движения разделяют на **прогрессивные** - стремящиеся создать новые институты, законы, внедрить новый образ жизни, новые верования, сформировать общество, которого раньше не существовало, и ориентированные в будущее; и **консервативные** - обращенные в прошлое, стремящиеся восстановить институты, образ жизни, когда-то существовавшие в ходе истории, основное внимание уделяющие возрождению традиции. По этим параметрам толстовское движение было, с одной стороны, прогрессивным, так как было направлено на создание нового идеального общества. С другой – консервативным, так как идеализировало крестьянскую общину, бытовую жизнь крестьянства, который являлся классом уходящего в прошлое феодального уклада жизни.

По целям предполагаемых изменений социальные движения подразделяются: а) на движения, сосредотачивающиеся на изменении социальных структур, которые принимают две формы - **социополитические движения** – пытаются добиться изменений в политике, экономике, вызвать сдвиги в классовых структурах и **социокультурные движения** - стремятся изменить убеждения, кредо, ценности, нормы, символы (битники, панки, хиппи); б) движения, ориентированные на изменение личности, также имеющие две формы - **религиозные**, борющиеся за спасение своих членов и общее оживление религиозного духа; и социальные движения, направленные на изменение структуры общества, предполагающие, что достижение этой цели повлияет и на личность. По данным признакам однозначно характеризовать движение единомышленников Л.Н. Толстого достаточно сложно. Толстовское движение было движением, ориентированным на изменение личности, которое должно повлечь за собой определенные изменения социальных структур. Оно

---

¹ ОР РГБ. Ф. 435.К. 95. Ед. 27. Л.1.

было более социокультурным, нежели социополитическим. Безусловно, толстовство было религиозным, нравственно этическим социальным движением.

По вектору изменений выделяются **позитивные** движения, когда люди объединяются для введения в жизнь чего-то нового; и социальные движения, имеющие **отрицательный вектор** – движения с целью воспрепятствовать развитию тех или иных социальных тенденций; а также **альтернативные** движения (левые - правые, антисемиты- сионисты, атеисты - фундаменталисты и т.д.) Вектор толстовского движения также неоднозначен. С одной стороны, идеология толстовства была близка социалистической, что на этапе социалистической революции в России можно рассматривать как ориентацию на утверждение новых, социалистических общественных отношений. С другой - общеизвестна пропасть, разделявшая большевиков и толстовцев. У них было собственное видение социализма. Они рассматривали большевистский социализм как новую веру рабочих масс, которая имеет своих многочисленных мучеников и своих ученых; как высшую и последнюю форму государственности; как насильственное воплощение полной справедливости во внешних формах жизни. Социализм в том виде, в каком он стал осуществляться после Октября, вследствие его насильственного характера, был, по мнению толстовцев, « пределом обмана, пределом рабства и потому пределом несчастья людей».¹ Они не могли воспринять идеи «материалистического» социализма потому, что он усиливает низменные начала в человеке и вызывает эгоистическую направленность его поведения – заботу, прежде всего, о своих классовых интересах, враждебное отношение к согражданам, если они из других классов, презрение к благу Родины, ибо у пролетариата нет Отечества. В.Ф. Булгаков писал, что происходящее в России есть « не победа, а поражение В.И. Ленина, так как об осуществлении истинного коммунизма нет и помина.»² Причину такого положения дел они видели в том, что в советской России нет свободного человека, в отсутствии внутреннего движения в обществе – « в народе не побуждают самостоятельного движения измениться, и люди остаются рабами, такими как были».³ Толстовцы предлагали заменить «низменный материалистический» социализм социализмом «благородным», суть последнего заключалась в воздействии не на низменные чувства, а на высшие благородные начала каждой личности.⁴ 27 октября 1917 г. П.И. Бирюков в статье «Новая жизнь» представил программу созидательной деятельности толстовцев, которая соответствовала их концепции изменения общественных порядков путем нравственного самосовершенствования людей. В ней были определены приемлемые для толстовцев виды деятельности « при

¹ ОР РГБ. Ф. 435. К. 96. Ед. 33. Л. 1 – 1 об. ОР РГБ. Ф. 435. К. 52. Ед. 29. Л.3

² В.Ф. Булгаков. Толстой, Ленин, Ганди. Прага.1930. С. 26.

³ В.Ф. Булгаков. Лев Толстой и наша современность. М.,1919. С. 23.

⁴ ОР РГБ. Ф. 435. К. 52. Ед. 29. Л. 4.

новых условиях русской жизни»: литература и искусство; педагогика; создание и развитие новых форм общественной жизни в виде колоний, братств, коммун и артелей, основанных на принципах любви к ближнему и готовности служить общему благу.¹ Нельзя рассматривать толстовское движение как полностью альтернативное большевизму. Толстовцы не раз подчеркивали близость своих коммунистических идеалов и тех, которые провозглашались большевиками. Даже репрессии они считали недоразумением. И. Добротолубов писал В.Г. Черткову: « Не могут коммунисты ненавидеть нас за то, к чему сами стремятся».

По логике, стратегии действия социологи определяют движения, действующие по «инструментальной» логике – достижение политической власти и ее средствами усиление предполагаемых изменений в обществе; и движения, следующие «экспрессивной» логике - стремление к достижению автономии, гражданских прав, культурной и политической эмансипации для своих членов или более широких общностей. В этом плане можно говорить об «экспрессивной» логике толстовского движения. Это видно и из выше изложенной программы их деятельности после Октября 1917 г.

Таковы особенности толстовства как общественного движения. Оно было абсолютно уникальным явлением российской социокультурной жизни конца 19-го – первых десятилетий 20 века. Западные социологи Гарне и Залд определяют целостность, в пределах которой действуют социальные движения, как «сектор социального движения». Это структура антагонистических, конкурирующих и кооперирующихся движений. Общество, которое подавляет или блокирует, уничтожает социальные движения, уничтожает собственный механизм самоулучшения и самоотражения, т.е. выхода за собственные пределы. Если сектор социального движения узок или его просто нет, то общество становится пассивным, а его члены невежественными, безразличными и бессильными людьми, тогда единственной исторической перспективой является застой и упадок. Возможно, трагическая судьба, постигшая толстовское движение в России, снизила духовный, нравственный и активный потенциал советского общества, лишила его важных механизмов нравственного самосовершенствования.

---

¹ ОР РГБ. Ф. 435. К. 52. Ед. 29. Л. 4.

И.П. ВЯЗЬМИТІНОВА

БОЛЬШЕВИКИ И РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

В российской политической элите на протяжении последних нескольких лет активно дискутировался вопрос о необходимости захоронения останков царской семьи и тела В.И. Ленина. События, предопределившие историческую канву в начале прошлого века, не утратили своей политической остроты на рубеже XX – XXI веков. Даже в нынешних условиях предание земле останков царской семьи потребовало немало политического мужества, а погребение мумии человека, с именем которого связывают гигантский социалистический эксперимент над страной и народом, оставлено на усмотрение следующих поколений политиков.

В данной статье речь пойдёт только о первой, уже свершившейся, акции и истории вопроса, нуждающейся в уточнении.

За последнее десятилетие тема расстрела царской семьи стала актуальной в связи с обнаружением множества новых фактов. Документы и материалы, отражающие это трагическое событие, начали активно публиковаться, вызывая различные комментарии, вопросы, сомнения. Вот почему важно проанализировать имеющиеся письменные источники.

Пожалуй, самый ранний исторический источник – это материалы следователя по особо важным делам Омского окружного суда в период деятельности Колчаковской армии в Сибири и на Урале Н.А. Соколова, который по горячим следам провёл первое расследование этого преступления. Он обнаружил следы кострищ, обломки костей, части одежды, драгоценности, другие фрагменты, но останков царской семьи не нашёл. По мнению современного следователя, В.Н. Соловьёва, манипуляции с трупами царской семьи из-за разгильдяйства красноармейцев не вписались бы ни в какие схемы самого умного следователя по особо важным делам.¹ Последующее наступление Красной Армии сократило время поиска. Версия Н.А. Соколова состояла в том, что трупы были расчленены и сожжены. На эту версию опираются те, кто отрицает подлинность царских останков.

Другой группой письменных источников являются воспоминания участников расстрела царской семьи. Они часто противоречат друг другу. В них явно прослеживается стремление преувеличить роль авторов в этом злодеянии. В их числе – «записка Я.М. Юровского», которая была продиктована Юровским главному хранителю партийных тайн академику М.Н. Покровскому ещё в 1920 году, когда сведения о расследовании Н.А. Соколова ещё не появились в печати. В 60-е годы сын Я.М. Юровского передал в музей и архив копии воспоминаний своего отца, чтобы его «подвиг» не затерялся в документах.

Сохранились также воспоминания начальника Уральской рабочей дружины, члена партии большевиков с 1906 г., сотрудника НКВД с 1920 г.

---

¹ Соловьёв В.Н. «Могилу мою не ищите...» // Родина. 1998. № 7. С.15

П.З. Ермакова, которому было поручено организовать захоронение, ибо он, как местный житель, хорошо знал окрестности. Ермаков сообщил, что трупы сгорели до пепла, а пепел был зарыт. В его воспоминаниях содержится много фактических ошибок, которые опровергаются показаниями других свидетелей. Воспоминания относятся к 1947 году. Автору важно было доказать, что поручение Екатеринбургского Исполнительного Комитета: «расстрелять и схоронить так чтобы никто и никогда их трупы не нашёл», - выполнено, могилы не существует.

Значительную путаницу создало также большевистское руководство, пытаясь замести следы преступления.

Первоначально предполагалось, что на Урале Романовы будут ждать суда. В Москве собирались материалы, обвинителем готовился стать Л.Д. Троцкий. Но гражданская война обострила ситуацию.

В начале лета 1918 г. решено было вывезти царскую семью из Тобольска, так как тамошний совет возглавляли эсеры. Это сделал по поручению Я.М. Свердлова чрезвычайный комиссар ВЦИК Мячин (он же – Яковлев, Стоянович). В 1905 г. он прославился как член одной из самых дерзких банд, грабивших поезда. Впоследствии все боевики – соратники Мячина – были арестованы, помещены в тюрьму или расстреляны. Ему же удалось сбежать за границу с золотом и драгоценностями. До 1917 г. он жил на Капри, где был знаком с Луначарским и Горьким, спонсировал подпольные школы и типографии большевиков в России.¹

Мячин попытался направить царский поезд из Тобольска в Омск, но отряд екатеринбургских большевиков, сопровождающих состав, узнав об изменении маршрута, перегородил дорогу пулемётами. Уральский совет неоднократно требовал отдать царскую семью в своё распоряжение. Мячин, с одобрения Свердлова, вынужден был уступить. Николая II с семьёй отвезли в Екатеринбург.

Этот факт отражает противоборство в большевистской среде по вопросу о том, кто и как будет решать судьбу царской семьи. При любом раскладе сил вряд ли можно было надеяться на гуманный исход, учитывая настроения и послушной список людей, принимавших решения.

Ещё одни воспоминания появились в 1956 г. в Германии.² Они принадлежат И.П. Мейеру, который в качестве пленного солдата австрийской армии был отправлен в Сибирь, но большевики освободили его, и он вступил в Красную гвардию. Так как Мейер знал иностранные языки, то он стал доверенным лицом международной бригады в Уральском военном округе и работал в мобилизационном отделе Советского Уральского управления.

И.П. Мейер был очевидцем расстрела царской семьи. Его воспоминания дополняют картину расстрела существенными деталями, подробностями, в том числе именами участников, их ролью в этом злодеянии, но не разрешают противоречия, возникшего в предыдущих источниках.

¹ Радзинский Э.С. Расстрел в Екатеринбурге. //Огонёк. 1990. № 38. С.30.

² Как погибла царская семья. Свидетельство очевидца И.П. Мейера. /Пер. с нем. – Товарищество «Возрождение» Всероссийского фонда культуры. М., 1990

Позже письменные источники стали дополняться материальными. Так, в 1978 г. геолог А. Авдонин нашёл захоронение. В 1989 г. он и М. Кочуров, а также кинодраматург Г. Рябов рассказали о своём открытии. В 1991 г. был извлечён прах. 19 августа 1993 г. прокуратура Российской Федерации возбудила уголовное дело в связи с обнаружением екатеринбургских останков. Следствие стал вести прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьёв.

В 1995 г. В.Н. Соловьёву удалось получить в Германии 75 негативов, которые были сделаны по горячим следам в Ипатьевском доме следователем Соколовым и считались утерянными навсегда: игрушки царевича Алексея, спальня великих княжон, расстрельная комната и другие детали. В Россию были доставлены также неизвестные подлинники материалов Н.А. Соколова.

Материальные источники позволили ответить на вопрос, существовало ли захоронение царской семьи, и чьи останки обнаружили под Екатеринбургом. Для этого были проведены многочисленные научные исследования, в которых приняли участие более ста самых авторитетных российских и зарубежных учёных. Для идентификации останков использовались новейшие методы, в том числе экспертиза по ДНК, в которой оказали содействие некоторые ныне царствующие особы и другие генетические родственники российского императора. Чтобы устранить какие-либо сомнения в выводах многочисленных экспертиз, были эксгумированы останки Георгия Александровича, родного брата Николая II. Современные достижения науки помогли восстановить картину событий, несмотря на некоторые расхождения в письменных источниках. Это дало возможность правительственной комиссии подтвердить идентичность останков и достойно захоронить Николая II, императрицу, трёх великих княжон и придворных.

Существует ещё один спорный вопрос, связанный с трагедией июля 1918 года. Долгое время считалось, что решение о расстреле царской семьи было принято в Екатеринбурге местной властью на свой страх и риск, а Москва об этом узнала после свершившегося факта. Это необходимо уточнить.

По воспоминаниям И.П. Мейера, 7 июля 1918 года состоялось заседание ревкома, на котором председательствовал А.Г. Белобородов. Он предложил отправить И. Голощёкина в Москву и получить решение Центрального Комитета РКП (б) и ВЦИК, так как Уральский совет не может решить самостоятельно судьбу Романовых. Предлагалось также дать Голощёкину сопроводительную бумагу с изложением позиции уральских властей. Однако большинством голосов была принята резолюция И. Голощёкина, что Романовы заслуживают смерти. Голощёкин, как старый приятель Я.М. Свердлова, был всё же командирован в Москву для консультаций с ЦК РКП (б) и председателем ВЦИК Свердловым.

14 июля И. Голощёкин на заседании революционного трибунала сделал доклад о своей поездке и о переговорах с Я.М. Свердловым по поводу Романовых. ВЦИК не желал, чтобы царь и его семья были доставлены в Москву. Уральский совет и местный революционный штаб должны сами решить, что с ними делать.¹ Но решение Уральского ревкома уже было вынесено заранее.

---

¹ Как погибла царская семья... С. 10-11, 19.

Значит, Москва не возразила Голощёкину.

Э.С. Радзинский опубликовал телеграмму из Екатеринбурга, в которой за несколько часов до убийства царской семьи о предстоящей акции сообщалось В.И. Ленину, Я.М. Свердлову, Г.Е. Зиновьеву. Отправившие эту телеграмму Г. Сафаров и И. Голощёкин просили срочно сообщить, нет ли возражений.¹ Судя по дальнейшим событиям, возражений не последовало.

Ответ на вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья, был дан также Л.Д. Троцким в воспоминаниях, относящихся к 1935 году: «Либералы склонялись, как будто, к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это не верно. Постановление вынесено было в Москве». Троцкий сообщал, что он предлагал открытый судебный процесс, чтобы достичь широкого пропагандистского эффекта. Ход процесса должен был передаваться по всей стране и каждый день комментироваться. В.И. Ленин к этой идее отнёсся положительно, но высказал сомнения в её осуществимости. Времени могло не хватить. Позже Троцкий узнал от Свердлова о расстреле царской семьи. На вопрос: «А кто решал?» Я.М. Свердлов ответил: «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях».² Эти дневниковые записи Л.Д. Троцкого не предназначались для публикации, не откликались «на злобу дня», не были высказаны в полемике. Степень достоверности изложения в них велика.

Есть и другое уточнение Л.Д. Троцкого, касающееся авторства идеи цареубийства. В черновиках незаконченных глав биографии И.В. Сталина он писал о встрече Свердлова со Сталиным, где последний высказался за смертный приговор царю.³ При этом Троцкий опирался не на собственные воспоминания, а цитировал мемуары перебежавшего на Запад советского функционера Беседовского. Эти данные нуждаются в проверке.

Сообщение Я.М. Свердлова на заседании ВЦИК 18 июля о расстреле семьи Романовых было встречено аплодисментами и признанием того, что в сложившейся обстановке Уральский областной совет поступил правильно. А на заседании СНК Свердлов сообщил об этом между прочим, не вызвав никакого обсуждения.

Наиболее полное идеологическое обоснование расстрела большевиками царской семьи с элементами пафоса изложил Троцкий: «По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентных кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого

¹ Радзинский Э.С. Расстрел в Екатеринбурге. // Огонёк. 1990. № 38. С.29.

² Троцкий Л.Д. Дневники и письма. / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Предисловие А.А. Авторханова. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 1994. С. 118.

³ Там же. С. 243, прим. 162.

другого решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах...»¹

Факт расстрела не только царя, но и его жены и детей некоторое время большевики пытались скрыть, причём даже от своих. Так, одному из видных дипломатов СССР, А.А. Иоффе, официально сообщили лишь о казни Николая II. О жене и детях царя он ничего не знал и думал, что они живы. Его запросы в Москву результатов не дали, и только из неофициального разговора с Ф.Э. Дзержинским ему удалось узнать правду. «Пусть Иоффе ничего не знает, - говорил, по словам Дзержинского, Владимир Ильич, - ему там, в Берлине, легче врать будет...»² Текст телеграммы о расстреле царской семьи перехватили белогвардейцы, вступившие в Екатеринбург. Следователь Соколов расшифровал и опубликовал его.

Вызывает интерес судьба людей, причастных к ликвидации Романовых.

Ф.И. Голощёкин (Исай Голощёкин), (1876-1941), секретарь Уральского обкома и член Сибирского бюро ЦК РКП (б), военный комиссар Уральского военного округа, был арестован 15 октября 1939 г. по указанию Л.П. Берия и расстрелян как враг народа 28 октября 1941 г.

А.Г. Белобородов (1891-1938), председатель исполкома Уральского областного совета, участвовал в двадцатые годы во внутрипартийной борьбе на стороне Л.Д. Троцкого. Белобородов предоставил Троцкому своё жильё, когда последнего выселили из кремлёвской квартиры. В 1927 г. он был исключён из ВКП (б) за фракционную деятельность. Позже, в 1930-м году, Белобородова восстановили в партии как раскаявшегося оппозиционера, но это его не спасло. В 1938 г. он был репрессирован.

Что касается непосредственного участника расстрела, Я.М. Юровского (1878-1938), члена коллегии областной ЧК, то известно, что от репрессий пострадала его дочь Римма.

Помощник Юровского по «Дому особого назначения» П.Л. Войков (1888-1927), нарком снабжения в правительстве Урала, при назначении в 1924 г. послом СССР в Польше долго не мог получить агреман у польского правительства, так как его личность связывалась с расстрелом царской семьи.

Г.В. Чичерин дал польским властям по этому поводу характерное разъяснение: «...Сотни и тысячи борцов за свободу польского народа, погибшие в течение столетия на царских виселицах и в сибирских тюрьмах, иначе отнеслись бы к факту уничтожения Романовых, чем это можно было бы заключить из Ваших сообщений».³ В 1927 г. П.Л. Войков был убит в Польше одним из монархистов за участие в расправе над царской семьёй.

Вызывает интерес ещё одно имя в перечне лиц, принимавших участие в расстреле царской семьи. Это И. Надь. Лидер венгерских событий 1956 г.

¹ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. / Под ред. Ю.Г. Фельштинского. Предисловие А.А. Авторханова. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 1994. С. 118.

² Цит. по: Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В 2-х книгах. Кн.1. М., 1994. С. 373.

³ Цит. по: Жуковский Н.П. Дипломаты нового мира. М., 1986. С. 314.

находился в России, где в 1918 г. вступил в РКП (б), затем служил в Особом отделе ВЧК, позже сотрудничал с НКВД. Однако в его автобиографии говорится о пребывании не на Урале, а в Сибири, в районе Верхнеудинска (Улан-Уде). До марта 1918 г. он находился в лагере военнопленных в Берёзовке, в марте вступил в Красную гвардию, участвовал в боях на Байкале. В сентябре 1918 г. его отряд, расположенный на советско-монгольской границе, в Троицкосавске, был затем разоружён и арестован чехословаками в Берёзовке. Потом он оказался в военном городке близ Иркутска.¹ Из биографической справки видно, сколь подвижный образ жизни вёл на территории России будущий лидер венгерской компартии в период расстрела царской семьи. Кроме того, сведения, указанные им в автобиографии, не всегда соответствовали анкетным данным. Однако непосредственные доказательства причастности Имре Надя, а не его вероятного однофамильца, к расстрелу царской семьи, на данный момент не прослеживаются.

Расстрел без суда и следствия царя, его жены, детей, в том числе несовершеннолетних, стал ещё одним шагом по пути беззакония, пренебрежения человеческой жизнью, террора. С помощью насилия стали решаться многие проблемы советского государства. Развязавшие террор большевики сами часто становились его жертвами.

Захоронение последнего российского императора спустя восемьдесят лет после расстрела царской семьи является ещё одним показателем противоречивости и непредсказуемости российской истории.

В.Б. ПЕТУХОВ

ПОНЯТИЕ “ТЕРРОРИЗМ” В ЛАБИРИНТАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Проблема терроризма на рубеже XX и XXI веков приобрела в современном обществе угрожающие масштабы. И это кажется закономерным на фоне глобализации насилия последних лет. Некоторые исследователи заявляют даже о том, что мир вступает в эпоху терроризма, называют терроризм глобальной проблемой современности. В средствах массовой информации, имеющих многомиллионную аудиторию, почти ежедневно воспроизводятся сообщения о террористических актах, совершающихся то в одном, то в другом уголке земного шара. В тональности этих сообщений преобладают дух сенсационности и высокой эмоциональности. С одной стороны, сквозит жажда бескомпромиссной борьбы и справедливого возмездия террористам, с другой - чувство неопределенности, бессилия властей, подспудного страха и безысходности. Естественно, что вся эта информация вполне адекватно создает

---

¹ Мусатов В.Л. Трагедия Имре Надя. // Новая и новейшая история. 1994. №1. С. 164-165.

в массах ощущение серьезной угрозы человеческой безопасности со стороны террористов.

Этимологически «террор» означает ужас, страх. И это его значение определяет основу, сущность, осто́в, стержень понятия. Одна из основных характеристик понятия «терроризм» заключается в том, что воздействие терроризма на массы не ограничивается действиями, акциями, какими бы чудовищными они не представлялись. Воздействие его продолжается и укрепляется после совершения акций. Оно заключается в формировании атмосферы животного панического страха, деморализации общества, всеобщего недоверия, злобы, агрессии и ненависти. Собственно говоря, апофеозом террора можно назвать картины апокалипсиса, явленные миру в видениях евангелиста Иоанна.

В мировой истории не раз открывались апокалиптические шлюзы террора: кровавые жертвоприношения, возведенные в ранг государственной идеологии и политики майя; тотальный террор средневековой европейской инквизиции; фашизм, сталинизм и т.п. Страх и ощущение постоянной угрозы служат своеобразной питательной основой для воспроизводства террора. Нагнетание этой панической атмосферы осуществляется через средства массовой информации.

Что же такое терроризм? В науке общепринятого определения этого явления на сегодняшний день нет. Более того, у многих зарубежных и отечественных исследователей сложилось мнение о принципиальной невозможности универсального определения терроризма.¹ Некоторые авторы считают, что попытка научного определения терминов «террор» и «терроризм» изначально не может быть объективной, поскольку причисление того или иного вооруженного действия к разряду террористических, во многом, зависит от социально-политической или идеологической позиции исследователя.² Противостоящие друг другу политические силы зачастую дают диаметрально противоположную оценку происходящему: кто для одних – террорист, для других – борец за свободу. Ярким подтверждением такой ситуации может служить трактовка событий на Северном Кавказе их непосредственными участниками, чиновниками и политиками, внешними наблюдателями, западными и российскими журналистами.

Пессимистический взгляд на перспективы выяснения сущности рассматриваемого явления высказал крупнейший исследователь терроризма Уолтер Лакер, акцентировавший внимание на наличие в терроризме «случайного, недоступного пониманию элемента», его внезапность, скандальность, особую жестокость: «не должно быть иллюзий по поводу того,

---

¹ Новикова Г.В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века. // «Полис» 2000. № 3. С.169.; Терроризм: психологические корни и правовые оценки. // «Государство и право». 1995..№ 4. С. 24.

² Laqueur W. Terrorism. N. Y., 1977. P. 173.

что можно выяснить о происхождении и характере терроризма. Установлению поддается лишь тот факт, что при одних обстоятельствах террор чаще осуществляется, чем при других, и что при некоторых обстоятельствах он вообще может не иметь корней».¹ Таким образом, Лакер фактически выносит проблему терроризма за пределы научного анализа, признавая ее некий иррационалистический характер.

Если исходить из этих утверждений, то наука оказывается в тупике. Но на самом деле это обманчивое впечатление. Причина такого положения в чрезмерно преувеличенных масштабах рассматриваемого явления в общественном сознании, в размытости, неточности, неопределенности дефиниционных границ понятия «терроризм». В последние время этим именем называются какие угодно явления и преступления – бандитизм, заказные убийства, геноцид, хулиганство, военные мятежи, уличные беспорядки, заговор с целью захвата власти, мафиозные «разборки», пиратство. В общественно-политической литературе, да и в научной, к сожалению, тоже стало господствовать аморфное обыденное понимание этого сложнейшего феномена. Как синонимы к понятию «терроризм» стали употребляться экстремизм, вахабизм, боевики, фундаменталисты. Появились термины: телефонный терроризм, компьютерный терроризм, уголовный терроризм. Ознакомившись с использованием в современной литературе данного термина, можно сделать вывод, что любое явление, каким-то образом связанное с насилием, называют терроризмом. По сути же то, что сейчас определяют как терроризм, представляет собой сложную, многоуровневую структурированную социально-политическую систему. Чтобы понять ее как целостность, необходимо четко представлять составляющие ее блоки и механизм их взаимодействия.

I Социальные основания

Одной из главных составляющих терроризма является особое психологическое состояние, которое можно назвать *протеррористическим социально-психологическим комплексом*.

Проблема психологических корней терроризма неоднократно обсуждалась специалистами. Однако специальные психологические исследования проводились только за рубежом. Большинство западных авторов считают, что говорить о существовании единого террористического комплекса нет оснований. Тем не менее, они указывают на существование определенного числа общих психологических характеристик, присущих террористам: стремление к самоутверждению, поиск причин личных проблем вовне, потребность в укреплении личной самоидентичности, маргинальность, антиномичное видение мира и общества («мы» и «они») и ряд других.² Эти

---

¹ Там же. Р. 170.

² Терроризм: психологические корни и правовые оценки. «Круглый стол» журнала «Государство и право». 1995. № 4. С. 20-43.

психологические особенности рассматриваются ими изолированно, вне связи друг с другом.

При комплексном психологическом анализе терроризма необходимо учитывать устойчивое сочетание различных признаков, относящихся не только к психологическим особенностям характера, но и определенные поведенческие формы, факты, связанные с совершением террористических действий, и биографические данные. На мой взгляд, опыт эсеровского терроризма начала XX века указывает на существование среди его участников большого числа лиц с серьезными психическими отклонениями. По сведениям М.П. Киреева, исследовавшего терроризм на воздушном транспорте, более 50% «воздушных» террористов были психически неполноценны. Выше приведенные факты позволяют выделить своеобразный протеррористический социально-психологический комплекс, понимаемый как предрасположенность определенного круга лиц к совершению террористической деятельности. Базовыми чертами этого комплекса являются: высокая агрессивность, фанатизм, обостренное восприятие социальной (национальной) несправедливости, мессианство, чрезмерная поглощенность собой, постоянная готовность защитить свое «Я», незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, постоянно прогрессирующее чувство внутреннего одиночества, авторитаризм, чувство исключительности, маргинальность, парадоксальное совмещение страсти к разрушению с высокими моральными установками. Эти качества неизбежно ведут к социальной деструктивности в поведении человека, его сосредоточении на немедленном силовом решении каких-то проблем и к саморазрушению личности носителей протеррористического комплекса.

Данный комплекс следует рассматривать не только в качестве личностных психических и психологических особенностей участников терроризма, но и как своеобразную опасную социальную болезнь.

II. Биосоциальные основания

В мифологии древних культур обращают на себя внимание некоторые черты, имеющие параллели с современными явлениями, которые определяются сегодня как террористические. Например, миф о Медузе Горгоне. Можно предположить, что существуют некие архетипические биосоциальные основания терроризма, действующие на уровне подсознания и локализующиеся в рамках понятий – *месть, предательство, агрессия, власть*. Эти понятия, с точки зрения архетипа, нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, только в единстве они являют собой архетип. Выявление подобных оснований представляет задачу будущих исследований.

III. Идея террора. Террористическая политика

Идея террора сложилась, безусловно, гораздо позднее самого терроризма. М. Одесский и Д. Фельдман, подробно исследуя проблему возникновения террора, связывают историю формирования данной идеологии с развитием

идеи революции, сформировавшейся в XVII-XVIII веках, и никак не ранее.¹ Эта точка зрения представляется спорной, так как террор, как политическая доктрина, реально применявшаяся на практике, прослеживается в Древнем Риме в период диктатуры Суллы и позднее при Каллигуле, Комоде, Нероне. Что касается теоретического обоснования и сущностных основ террора, М. Одесский и Д. Фельдман, безусловно, правы, определяя террор как способ управления социумом посредством превентивного устрашения. Идея террора стала политически значимой и продуктивной в условиях Великой французской революции.

Субъектом террора могут выступать различные социальные структуры (прежде всего, государство, церковь – в средневековье, политические партии, секты и социальные группы). Потребность в управлении посредством превентивного устрашения возникает тогда, когда ставится задача построения общества тоталитарного типа. Для террористов социум является субъектом и объектом устрашения как в период борьбы за власть, так и после ее захвата. Массовая истерия необходима в любом случае, но если тоталитаризм опирается на «истерию солидарности» с правительством, то эффективность борьбы за власть обеспечивается «истерией неповиновения» правительству, солидарности с антиправительственными силами. Следует подчеркнуть, что превентивное устрашение, как цель террора, отрицает законность в принципе, репрессии могут обрушиться на тех, кто никаких законов вообще не нарушал (родственников преступника, заложников и т.п.). Современные исследователи, чаще всего, связывают террор исключительно с государством, в то время как терроризм понимается как явление отличное от государственной деятельности, и даже несовместимое с ней. Хотя террористическая деятельность некоторых тоталитарных сект (Аум Сенрике) лишней раз доказывает, что террор и террористическая деятельность – явления одного порядка и могут быть осуществлены даже в рамках довольно узкой социальной группы. Необходимо отметить, что особой идеологии террора не существует. Террористы всегда используют идеологические доктрины каких-либо политических, национальных, религиозных направлений. Хотя некоторые исследователи пытаются воссоздать идеологию террора, рассматривая ее как эклектическое сочетание различных леворадикальных, ультрареволюционных политических доктрин и нигилистических философских учений.²

IV. Террористическая пропаганда

Универсальной чертой всех террористических организаций любых идеологических оттенков можно считать наличие обращений к обществу, разъясняющих смысл действий той или иной террористической группировки и

¹ Одесский М, Фельдман Д.. Террор как идеологема (к истории развития). // ОНС.1994. № 6. С. 155.

² Грехнев В.С. Феномен политического терроризма. //Философия и общество. 1997.№ 2. С. 199.

позволяющих ей влиять и, в некоторой степени, управлять общественным мнением.

Интересную классификацию террористических организаций по принципам пропаганды предложил А. Баранов.¹ Он считает, что в России на рубеже XIX-XX веков, благодаря усилиям нескольких поколений революционеров, сложились две основные системы представления террористической группы обществу. Первую он характеризует как «война на уничтожение». В этом случае террористы не предъявляют никаких условий ни обществу, ни властям. По отношению к обществу террор становится «гипнозом удава» – устрашением как первой фазой уничтожения; по отношению к властям – провоцирует ответное насилие. Обывателю остается либо присоединиться к «священной борьбе» террористов, либо стать их потенциальной жертвой. Наглядный пример такой модели пропаганды представляет организация «Народная расправа» С. Нечаева с ее классическим пропагандистским документом «Катехизис революционера», жесткой и циничной террористической программой. Вторую систему А. Баранов называет «диалог с обществом». Террористическая группа всеми силами стремится добиться сочувствия общества к своей борьбе, ради чего готова даже пожертвовать собственной идеологией. Властям прямо или в виде прозрачного намека выдвигаются требования, выполнение которых может остановить насилие. Существенное отличие этой модели состоит в том, что террористы стараются создать себе имидж истинных борцов за справедливость. Историческим примером второй модели являются деятельность народовольцев в 80-х годах XIX и эсеров в начале XX века. Терроризм рубежа XX-XXI столетий прекрасно демонстрирует существование этих моделей в современных условиях.

V. Террористическая организация. Террористическая деятельность

Организационная структура террористической деятельности является важнейшим элементом рассматриваемого феномена. Непосредственно терроризм воплощается в виде террористического акта – совершения преступления террористического характера, являющегося завершающим этапом террористической операции. Террористическая операция продолжается долгое время, включая в себя подготовку и совершение террористического акта. В проведении операции могут принимать участие боевые группы, группы разведки, материального, пропагандистского обеспечения и обеспечения безопасности. Террористическая группа – подразделение террористической организации, в обязанность которой входит деятельность, непосредственно связанная с подготовкой и проведением террористического акта. Террористическая группа характеризуется тесным взаимодействием между собой членов, объединенных конкретными целями деятельности. Террористическая организация отличается сравнительно длительным временем существования, наличием руководящей иерархии, разделением функций

---

¹ А. Баранов. Вирус с человеческим лицом. // Родина. 1998. № 2. С.18-20.

управления, проведения террористических акций, разведки, пропаганды и финансирования. Возможно наличие филиалов в различных регионах страны и на территории нескольких государств. Важнейшей чертой деятельности террористических организаций является ее идеологическая обоснованность, подчиненность разработанной доктрине и включение в политический процесс.

Современный терроризм невозможно представить вне четко оформленной организационной структуры. Не случайно, в законодательстве Германии определяющим фактором обвинения в терроризме считается принадлежность к террористической организации. С этой точки зрения, говорить об индивидуальном терроризме вообще не имеет смысла, так как любая целенаправленная социально-политическая деятельность, безусловно, носит общественный характер. Существует мнение о все большем распространении практики проведения террористических акций фанатиками-одиночками,¹ но эти акты не следует трактовать как террористические, ибо они основываются на сугубо личностных мотивах (месть, корысть, решение индивидуальных жизненных проблем), хотя люди, совершающие подобные поступки, бесспорно, являются носителями протеррористического социально-психологического комплекса. Мировая практика терроризма показывает, что «террористы-одиночки» нередко используются в своих целях лидерами или агентами террористических организаций. В этом случае действия фанатиков как раз и приобретают террористическую окраску.

Террористическая деятельность осуществляется в виде диверсий, похищений, покушений на убийство, ограблений (экспроприации), захвата транспортных средств и зданий, вооруженных нападений, кибертерроризма, политических убийств, партизанской борьбы. Важной проблемой терминологического определения терроризма является его отделение от собственно уголовных преступлений. Ряд исследователей, противопоставляя понятия «террор» и «терроризм», делают акцент на уголовной сущности последнего. Так, например, В.С. Комиссаров и В.П. Емельянов утверждают следующее: «Для мирового сообщества в настоящее время стало очевидным то, что терроризм – это разновидность обычных уголовно наказуемых деяний, квалифицируемых по соответствующей статье уголовного закона, а не какая-то специфическая политическая акция, требующая особого подхода. Тот факт, что ряд террористических действий совершается по политическим мотивам, не превращает их из преступления в некую политическую борьбу, требующую политического убежища»². На самом деле, очевидность данного утверждения иллюзорна. Дело в том, что авторы фактически отождествляют терроризм

---

¹ Новикова Г.В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века. // «Полис» 2000. № 3. С.172.

² Комиссаров В.С., В.П. Емельянов. Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1999. № 5. С. 41.

исключительно с террористической деятельностью и террористическими актами. Понятие «терроризм» значительно шире предлагаемой трактовки, ибо оно включает в себя, кроме терактов, идею, политику, стратегию, организационную структуру, пропаганду и агитацию, создает свою мифологию, героизируя исполнителей террористических акций. Таким образом, терроризм является, наряду с террором, реально существующим социально-политическим фактором действительности. Бесспорно, что непосредственные акции могут и должны соотноситься с уголовными преступлениями, а их исполнители должны нести уголовную ответственность согласно законодательным нормам. Однако, сведение терроризма к уголовщине нивелирует его, упрощает его смысловое содержание, сужает его социальную природу и, тем самым, наносит ущерб борьбе с ним, мешая эффективной разработке антитеррористической деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что терроризм необходимо рассматривать как социально-политический феномен, имеющий многоуровневую структуру и требующий специальной разработки комплексной программы борьбы с этим социальным злом.

С.В. ОСИПОВ.

КОНЕЦ ВЕКА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ОБЛАСТИ: УЛЬЯНОВСКИЙ РЕГИОН ДО И ПОСЛЕ ДЕКАБРЯ 2000 ГОДА

Последний год ушедшего века был ознаменован в России набирающей ход реформой государственной системы управления. Это должно было исправить явные недостатки властной структуры, демонстрировавшиеся администрацией президента Ельцина на всем протяжении девяностых годов. Декларированная В.В. Путиным сущность реформы состоит из таких всеми приветствуемых элементов как усиление властной вертикали и диктатура закона. На данный момент практическими воплощениями этой реформы стали преобразование Совета Федерации, создание консультативного Государственного Совета, директива о приведении региональных законов в соответствие с федеральным, разделение страны на семь федеральных округов, а также проведение очередных региональных выборов. Целью последнего в перечне мероприятия должна была, по всей видимости, стать замена наиболее неудобных Кремлю региональных выборов. Рассмотрим. Насколько удачно это было осуществлено на примере Ульяновской области.

Исследователи современного положения региона не случайно употребляли термины «заповедник», «гетто», «оазис». В любом случае здесь подразумевается существование некоего образования, находящегося в

чужеродной среде, нечто, разительно отличающееся от окружающей обстановки. Это есть своего рода сепаратизм, то есть отдельное развитие Ульяновской области и страны, частью которой она является. Тенденции развития современной России и тенденции развития Ульяновской области в последнее десятилетие находились в существенном противоречии. Ответственность за подобное положение дел ложится на губернскую власть, а власть в губернии принадлежала замкнутой номенклатурной корпорации во главе с губернатором Ю.Ф. Горячевым. Причем в отличие от абсолютного большинства российских регионов эта корпорация удерживает власть беспрецедентно долгий срок – с конца восьмидесятых годов, сначала в качестве партийно-хозяйственного аппарата, а затем в качестве демократически избранной власти. Ни один из политических катаклизмов последних лет не сумел поколебать сложившуюся в области систему власти, и это тоже своеобразный феномен, доказывающий, что обособленность региона не просто имеет место, это обособленность еще и является довольно устойчивым явлением.

Чтобы обеспечить подобную устойчивость системы, губернским руководителям пришлось проявить чудеса политической изворотливости. Будучи изначально правоверным коммунистом и противником рыночных преобразований, губернатор, тем не менее, в августе 1991 года высказал поддержку Б.Н. Ельцину, главному антикоммунисту страны – но лишь после того, как победитель в августовских событиях обозначился явно и недвусмысленно. Губернатор обрушивался с критикой на экономический курс Гайдара, но никогда не обращал свой гнев против инициатора этой политики, президента Ельцина. Губернатор поддержал Ельцина и в октябре 1993 года, и во время выборов 1996 года, демонстративно дистанцировавшись от КПРФ, но называя себя при этом «настоящим коммунистом». Губернатор принял участие в формировании проправительственной партии НДР, ни разу не ясно не высказав своего мнения по поводу чеченского конфликта. Очевидно, что такое молчание являлось частью лояльного имиджа руководителей губернии по отношению к Кремлю. Незаметно, чтобы в ответ на лояльность губерния получила из центра благодатный дождь трансфертов, инвестиций и т.д. Зато куда как очевидно, что в ответ на молчание ульяновская политическая верхушка получила иное – возможность беспрепятственно творить внутри области то, что она считала нужным. А нужным она считала создание внутри региона особого экономико-политико-культурного климата. Губернатор создал устойчивый имидж не только себе, но и всей области. Если он – крепкий хозяйственник, заботящийся о социально незащищенных группах населения, то возглавляемая им область – стабильно развивающаяся и лишенная всех дикостей российского капитализма. Между тем концепция «мягкого вхождения» в рынок не стала и не могла стать панацеей от экономических проблем региона. Структурной перестройки экономики проведено не было, зато огромные средства были потрачены на дотацию продовольственных

товаров. Чья себестоимость была высока, а качество низко. Свободным рынком и свободной конкуренцией в области и не пахло, процветали лишь фирмы, близкие к правящей верхушке. Результатом стало растущее отставание Ульяновской области по уровню жизни не только от столиц, но и от соседей: уже в 1996 году средняя заработная плата в самарской области превосходила ульяновскую почти в два раза. Период до августа 1998 года характерный в целом некоторым подъемом производства. В Ульяновске был ознаменован беспрецедентными выступлениями работников бюджетной сферы и оборонных предприятий, оставшихся без своей и без того скромной зарплаты. Власти же традиционно списывали все несчастья региона на происки неких враждебных сил.

Таким образом, купленная ценой показной лояльности свобода действий ульяновской правящей верхушки заключалась в следующем: создание ложного образа стабильно развивающегося региона, административные методы руководства экономикой, давление на средства массовой информации и общественные организации с целью избежать критики властей. Неслучайно, что в результате такого курса по рейтингу журнала «Полис» область занимала предпоследнее место среди российских регионов по демократизму и открытости. Причем рейтинг был составлен с учетом мнений жителей области, что означает – жители Ульяновской области считают, что они живут в недемократичной и закрытой области.

Результатом деятельности местных властей стало пребывание региона на задворках политической, экономической и культурной жизни страны, его изолированность. Заслуживает особого упоминания отсутствие эффективного отстаивания интересов региона на федеральном уровне, что особенно важно для дотационного региона, а при подобном положении дел ставит под удар интересы всего населения (снабжение области газом и электроэнергией, финансирование социальной сферы и предприятий федерального значения, помощь предприятиям ВПК, строительство моста через Волгу и т.д.). Упоминался уже низкий уровень демократии, неразвитость элементов, характерных для свободного общества с рыночной экономикой, то есть того общества, в направлении которого движется страна и каковое движение упорно саботировалось в регионе. Данное положение дел не могло устроить в первую очередь активную часть населения, отсюда утечка мозгов и рабочих рук в регионы с более высоким уровнем жизни и более широкими возможностями.

Консолидированной оппозиции губернаторскому курсу долгое время не существовало, поэтому неудивительно, что в правящей верхушке возникло ложное ощущение своей полной безопасности, ощущение долгой властной перспективы. Между тем еще региональные выборы 1996 года должны были дать губернатору пищу для размышлений. Его победа в области не была абсолютной, а в областном центре его ставленник проиграл, несмотря на все задействованные административные ресурсы. Однако уроки не были учтены, губернаторский курс не претерпел изменений, породив в условиях

продолжающегося экономического кризиса лишь новое количество недовольных. Семейно-корпоративный характер власти сделал врагами губернатора и правых, и левых, оставалось только найти единого кандидата, и когда такой появился в лице генерала В.А. Шаманова, перспектива сохранения власти Горячевым стала довольно призрачной.

Многое могла решить позиция федеральной власти, однако после конфуза с несостоявшимся участием В. Матвиенко в петербургских выборах, Кремль стал вести гораздо более осторожную политику в этих вопросах, избегая делать конкретные ставки на того или иного кандидата. В отсутствие веского слова Москвы многое зависело от проведения самой выборной кампании, и здесь сказалась полная неспособность Горячева быть публичным политиком. Шаманов на этом фоне смотрелся выигрышнее, к тому же сыграло свою роль военное прошлое кандидата, вписавшегося в общегосударственную тенденцию прихода во власть выходцев из силовых структур. Как выяснилось, эта тенденция не просто навязана сверху, она имеет и стихийную низовую поддержку – как последнюю надежду на наведение порядка среди зарвавшихся чиновников. Говорить о какой-то мощной альтернативной программе (особенно экономической) генерала Шаманова не приходится, его программа сводится к критике предшествующей администрации и к предложениям собрать все силы области для решения стоящих перед нею проблем. О конкретных же механизмах реализации экономического спасения региона приходится только догадываться, особенно учитывая пестрый состав политических и иных сил, поддержавший Шаманова во время борьбы за губернаторский пост. И никто не может гарантировать, что через какое-то время мы не будем свидетелями появления нового семейно-корпоративного клана, теперь уже с военным оттенком. Таким образом, главным положительным итогом состоявшихся губернаторских выборов является сама смена региональных лидеров, впервые прошедшая в Ульяновской области демократическим путем.

Относительно ж спокойная реакция центра на выборы и на их результат свидетельствует не столько об абсолютной предсказуемости и пророческости процесса, сколько о том, что в усиленной действиями администрации Путина вертикали власти любому региональному лидеру останется куда меньше поля для маневра, нежели во времена благодатного парада суверенитетов.

М.А. СТАФЕЕВ

К ВОПРОСУ О РАЗВАЛЕ СССР

С середины 80-х гг. и особенно с начала 90-х гг. в России, как и в целом в СССР, стали происходить серьезные изменения. Они затронули все стороны социально-экономической и особенно политической жизни советского общества.

Процессы трансформирования жизни протекали весьма быстро, носили противоречивый характер и имели серьёзные последствия для России и всех республик, входивших в Советский Союз. Сегодня ещё трудно объективно разобраться во всех этих событиях. Потребуется немало времени, прежде чем историки дадут на все вопросы убедительные ответы. К таким вопросам относится и вопрос: почему распался СССР? Какие силы в этом были заинтересованы и приложили к этому руку?

XXVII съезд КПСС в 1986г. категорически заявил, что национальный вопрос в СССР решён полностью. Однако уже в 1988г. сепаратистские силы в Прибалтике взяли курс на выход своих республик из СССР.

Одновременно в Закавказье разразился конфликт между Арменией и Азербайджаном. Союзное руководство, во главе с М. С. Горбачёвым, оказалось сознательно беспомощным в разрешении конфликтов, которые стали первым очагом будущего всесоюзного пожара. Это серьёзно подорвало веру народа в эффективность союзного государства.

Возникает вопрос: что же предопределило такой ход в развитии СССР? Вот уже более десяти лет в средствах массовой информации нашей и зарубежных стран звучит в политике такой лейтмотив, что СССР был империей и он «распался». Такие заявления призваны скрыть правду и преступления совершённые против советского народа именем закона. Имеет право на существование и другая точка зрения.

Советский Союз был крепким могучим государством. Социалистическое общество в нём - жизнеспособным. Советский Союз обладал такой степенью экономической интеграции, какой не знала ни одна самая высоко развитая страна. За каждой республикой было закреплено право свободного выхода из СССР. Более того 3 апреля 1990г. в стране был принят закон о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. Отношение народа к факту существования СССР было выявлено 17 марта 1991г. в ходе всенародного референдума: 76,4% граждан, принявших участие в нём, приняли решение о его сохранении. Процент голосовавших в национальных окраинах был значительно выше союзного и составил 90%. Всё это говорит о том, что в Советском Союзе действительно существовала сложившаяся общность – советский народ.¹

Советское государство было мощным экономическим образованием. К середине 80-х годов удельный вес населения СССР составлял 5,5%, а доля в мировом промышленном производстве составляла 14,5%. По американским данным мы на душу населения производили в середине 80-х годов втрое больше среднемирового производства.

Национальный доход в нашей стране в 1985г. составлял 57% от национального дохода США. Даже в год так называемого наибольшего застоя в 11 пятилетку (1981-1985гг.) ВВП СССР вырос на 20%, США - на 14%, Франции и Италии – на 6%, только в Японии – на 21%.²

---

¹ Дрожжин В. Правда о развале Союза//Диалог.1996.№4. С.75-78.

² От реформ к стагнации советского общества в 1964-1985гг.//Правда.1992.19 декабря.

Советский Союз имел и материальную основу единства страны – единая территория, единая экономическая система, и было едино политическое, экономическое и военно-стратегическое пространство. Всё это было общим достоянием советского народа. Это было закреплено в статье 11 Конституции СССР, что исключало появление сепаратизма в какой бы то ни было форме.¹

М.С. Горбачёв, выступая в Американском университете в Турции в 1999г. признал, что ставил своей целью разрушение коммунистической системы. Своё выступление он начал со слов: «Целью моей жизни было уничтожение коммунизма... Для достижения этой цели я использовал всё своё положение в партии и стране. Именно поэтому моя жена всё время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране... для достижения поставленной цели». «Я должен был заменить всё руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах»... «Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле неоценимы»²

Становым хребтом Союза ССР и советской власти была КПСС и её идеология. Начав «перестройку» Горбачёв и К⁰ наносят удар в первую очередь по ним. В конце 1985 – начале 1986 года развернулось обсуждение «Новой редакции» Программы КПСС, которая затем была принята XXVII съездом КПСС (февраль – март 1986г.).

Главной особенностью Новой программы является изъятие из неё положения о строительстве коммунизма и возможности его построения. В программе выдвигается задача «совершенствования социализма». Из текста программы КПСС были изъяты крупные социальные задачи, с решением которых народ связывал образование коммунизма и надеялся решить свои социальные проблемы. С принятием «Новой редакции» Программы КПСС официально началось практическое свёртывание коммунистической идеологии в партии и в обществе. Её вытеснили «идеи перестройки», о которой активно заговорили после январского (1987г.) пленума ЦК КПСС. На пленуме, посвящённом кадровой политике, М.С. Горбачёв предложил избирать кадры руководителей, исходя из их приверженности «идеям перестройки».³

Летом 1988г. (июнь – июль) на XIX Всесоюзной конференции М.С. Горбачёв выдвинул программу политической реформы СССР,⁴ реализация которой привела к разрушению политической системы советской страны. В мае-июне 1990г. состоялся первый съезд народных депутатов, которому Верховный совет СССР передал всю полноту власти в стране.

Весной 1990г. была выдвинута новая цель реформы – переход к правовому государству и созданию президентской власти в СССР и переход к

¹ Конституция СССР. Статья 11. М.,1977.

² Горбачёв М.С. Целью моей жизни было уничтожение коммунизма// Ульяновская правда.2000.30 августа.

³ Материалы январского пленума ЦК КПСС. – М.,1987.С.84.

⁴ Материалы XIX Всесоюзной партийной конференции. М.,1988.С.114.

многопартийности. Это означало свёртывание а в будущем и ликвидацию Советской власти. Разрушение социалистического базиса в СССР началось ещё под видом «перестройки» – через разгосударствление, лжекооперацию, ликвидацию Госплана, а после августа 1991г. и октября 1993г. – при помощи «ваучеризации», попыток введения частной собственности даже на землю.

III съезд народных депутатов в марте 1990г. изъял из Конституции СССР положение о КПСС как руководящей и направляющей силе общества и ядре политической системы. Это был курс на возрождение многопартийности в СССР. Как отмечал Горбачёв М.С.: «Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран».¹

Возникшие партии летом 1990г. создали «Центристский блок», который потребовал отставки правительства Рыжкова. А в 1991г. в Харькове состоялся «Демократический конгресс», на котором присутствовало 47 партий из 12 союзных республик. Он выразил недоверие правительству Павлова и Президенту СССР, стал добиваться его отставки, бойкотировать референдум о судьбе СССР, намеченный на 17 марта 1991 года. Требовал роспуска СССР, создав вместо него СНР (Содружество Независимых Республик). Эти партии были малочисленны и не выражали волю народа, но они нашли благоприятный отклик среди депутатского корпуса союзных республик, обновленного в 1990г. К ним перешла инициатива, направленная на разгром социализма и разрушение Союза ССР.

Были и другие причины социального плана, которые подорвали доверие народа в Советской власти. К концу 80-х гг. социальная несправедливость увеличилась, общество расслаивалось, культ вещей, удобств, богатства укреплялся в глубь и распространялся вширь. В итоге рядовой трудящийся всё больше ощущал, что его обкрадывают, что честным трудом не проживёшь. Советским людям всё чаще приходилось сталкиваться и преодолевать бесконечные «временные» трудности. И всё это официальная идеология прикрывала именем социализма. В итоге всё большая масса людей тяготы своей жизни связывала уже не с упущениями властей, а с самим социализмом. И в критический момент народ не встал на его защиту.

В органы, ведавшие внешними дипломатическими и торговыми отношениями, в органы управления экономикой, здравоохранением, наукой, культурой всё больше внедрялись люди, озабоченные отнюдь не общенациональными проблемами, «сознательно препятствовавшие решению проблем российского народа».² Кадры всё больше подбирались по личной преданности и готовности исполнять любые указания сверху, а значит, по готовности на любой аморальный и беспринципный поступок.³

---

¹ Горбачёв М.С. Целью моей жизни было уничтожение коммунизма// Ульяновская правда.2000.30 августа.

² Солопов Е. О пользе и вреде философских сомнений С.Г. Кара – Мурзы //Диалог.1997.№4.С.64.

³ Кузнецов В., Вклад В.И. Ленина в развитие общественности //Диалог.1997.№4.С.67

Трудности особенно усилились во второй половине 80-х гг. Они всё больше вызывали недовольство народа советской властью и коммунистами. Как стало теперь известно, отмечается в статье «Цель жизни предателей народа» на одном из секретных совещаний тогдашний мэр столицы Г. Попов в своём выступлении призвал: «надо припрятать товары первой необходимости, оголить полки магазинов, вызвать недовольство населения коммунистами и мы придём к власти».¹

Ослаблением позиций социализма и ухудшением социально-экономической ситуации в стране воспользовалась хорошо сплочённая и организованная Межрегиональная депутатская группа, образовавшаяся из числа народных депутатов СССР: руководитель Сахаров, а после его смерти в декабре 1989г. – Ельцин. На фоне этой группы особенно выделяются депутат Анатолий Собчак в период работы съездов народных депутатов.

Целью этой группы стало осуществление «трёх задач» - «децентрализация», «дефедерализация» и «десоветизация». Чтобы их реализовать, нужно было внести изменения в Конституцию СССР. Это было сделано 28 февраля 1990г. принятием закона о земле и собственности. 14 марта 1990г. в Конституцию СССР были внесены изменения, на основе которых вся земля переходила в собственность национальных административных образований, и тем самым был произведён раздел территории СССР. А за ним на правах собственности не было оставлено ни одного вершка земли. В марте 1990г из Конституции была исключена статья 11, говорившая о том, что «материальный основой единства страны является – единая территория, единая экономическая система»², что всё национальное богатство является достоянием всего советского народа, что исключало появление сепаратизма в какой бы то ни было форме. Исключением статьи 11 из Конституции было положено начало разрушению правового поля Союза ССР» – отмечает профессор Дрожжин в статье «Правда о развале Союза».

Началась полоса принятия деклараций о суверенитете. Первой на этот путь стала РСФСР. 12 июня 1990г. Первый съезд народных депутатов РСФСР принял декларацию о суверенитете России. Американский профессор социологии и международных отношений Биллер по этому поводу писал: «Самая важная декларация о суверенитете была провозглашена не на нерусской периферии, а в самой России, в самом сердце Советского Союза. Документ российского парламента – революционная веха. Это по существу уничтожало Советский Союз».³

Начался «парад суверенитетов», в процессе которого шло растаскивание территории и власти, союзных органов. Принимаемые ими акты не исполнялись, ибо для их действия отсутствовало единое союзное пространство. После этого вопрос о ликвидации безвластных союзных органов был только вопросом времени. И они были ликвидированы в так называемый переходный период.

---

¹ Гузеев В. Цель жизни предателей народа // Ульяновская правда.2000. 10 августа.

² «Диалог», 1996.№4.С.76.

³ «За рубежом» 1990.№42.

Таким образом, народные депутаты СССР, а за одно и Горбачёв, как гарант Конституции, осуществили развал Союзного государства, не имея от народа полномочий на раздел территории, не на децентрализацию, ни на раздел общей системы хозяйства.

В своём выступлении в американском университете в Турции в 1999г. Горбачёв говорил: «Я намеревался сохранить СССР в существовавших тогда границах, но под новым названием, отражающим суть происшедших демократических преобразований. Это мне не удалось: Ельцин страшно рвался к власти, не имея ни малейшего представления о том, что представляет из себя демократическое государство. Именно он развалил СССР, что привело к политическому хаосу и последовавшим за этим трудностям, которые переживают сегодня народы всех бывших республик Советского союза. ... Когда Ельцин разрушил СССР, я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду плакать. Но я не плакал, ибо я покончил с коммунизмом в Европе».¹

Личные амбиции политиков периода перестройки сыграли не последнюю роль в развале СССР. Обновленной России предстоит пережить в будущем множество потрясений, но они уже не будут зависеть от действий беспринципных правителей. Ограничение их власти – единственный способ сохранения подлинной демократии.

---

¹ Горбачев М.С. Целью моей жизни было уничтожение коммунизма// Ульяновская правда.2000.30 августа.

СОЦИОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ПРОБЛЕМЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. ЭКОЛОГИЯ.

В.А. МИХАЙЛОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Российские средства массовой информации (СМИ) выступают важным индикатором хода демократических реформ: с одной стороны, они оказались наиболее стойким и продвинутым завоеванием демократии, с другой – именно в эволюции СМИ наиболее наглядно проявились традиционные проблемы развития российского общества. Так, курс на создание рыночного хозяйства подразумевал формирование «информационного» рынка, который и был создан в числе первых структурных звеньев нового гражданского. Однако складывание информационного рынка протекало и протекает с известными издержками (чрезмерная политизация СМИ, крайняя коммерциализация ведущих телерадиоканалов и др.).

Главной тенденцией развития российских СМИ стало непоследовательное движение от государственной монополии (в лице высшей власти) и идейно-политического монизма (наличие официальной идеологии) – к организованной, финансовой и идеологической самостоятельности (через зависимость от капитала и местной власти). Развитие региональных СМИ (в противовес федеральным СМИ, где преобладание получил частный капитал) отличается возрастанием зависимости от исполнительной власти. Здесь нет «диктата рейтингов», а значит, нет засилья пустых игр и развлекательных программ, но здесь также нет искомого баланса интересов общества, государства и частного бизнеса. Используя терминологию Сидни Хэда, можно сказать, что на местах почти универсальной стала авторитарно-патерналистская модель управления СМИ. Общими для регионов остаются такие проблемы, как открытость власти для СМИ, доступ журналистов к источникам информации, недостаточное использование СМИ в качестве получения информации о положении дел на местах, слабое участие СМИ в обсуждении и принятии законов и пр.

В России практически закончен раздел федерального телевизионного пространства между несколькими крупными телевизионными компаниями (система федерального телевидения – это те каналы, общая аудитория которых составляет более половины населения страны, то есть свыше 70 млн. человек. Это – ОРТ, РТР, ТВ-центр, ТВ-6, СТС и др.). Наряду с политическими группировками в СМИ (у каждой партии свое издание), на федеральном уровне образовалось деление СМИ на финансовые группировки (издания Березовского, Гусинского, Потанина, Лужкова, Газпрома и т.п.). Произошло

разобшение журналистского братства, появилась клановость, что привело к деэтизации и депрофинализации журналистов.

В Ульяновской области в 1993 году появился первый частный канал «2x2 на Волге» (сегодня охватывает 68% телеаудитории Ульяновской области). Уже разорились московские и региональные компании, и только Ульяновск сохраняет торговую марку «2x2». В Ульяновской области в 1993 году появился первый частный канал «2x2 на Волге» (сегодня охватывает 68% телеаудитории Ульяновской области). Уже разорились московские и региональные компании, и только Ульяновск сохраняет торговую марку «2x2».

Сложилась хаотичная мозаичность форм собственности, целей, социокультурных и идейно-политических пристрастий в деятельности СМИ. Российские СМИ вообще, а региональные СМИ в особенности, не выполняют своих важнейших функций (артикуляция назревших социальных проблем, поддержание национально-государственного единства и др.).

Главные проблемы и недостатки в развитии региональных СМИ в настоящий период состоят в следующем: несовершенство правовой базы, отрыв массы населения от серьезной журналистики, вовлечение СМИ в информационные войны, утрата просветительских и образовательских функций и др. Все они протекают на фоне борьбы за аудиторию между федеральными и региональными СМИ, что усиливает противоречивость развития последних.

В отношении ведущих видов российских СМИ картина выглядит следующим образом.

Телевидение (ТВ): сегодня в Российской Федерации (РФ) функционирует около 2,3 тыс. телерадиокомпаний (ТРК), что на 500 больше, чем соответствующих вещателей в США. Доля региональных телекомпаний – среди их общего числа – составляет 20% (в среднем по РФ, а в отдельных регионах данная цифра существенно разнится). Приоритеты региональных телезрителей: 86,7% – художественные фильмы (из них: 57,6% – отечественные фильмы; 21,8% – иностранные; 4,8% – совместного производства); 85,6% – информационные передачи; 81,9% – развлекательные программы. Самыми важными качествами информационных программ жители провинции признают: 47,4% – достоверность; 18,2% – актуальность; 17% – информативность; 10,6% – оригинальность.

Радио: остается самым «всепроникающим» среди других средств массовой информации, но нарастает его манипулятивная составляющая. При советской власти главными агентами управления общественным мнением были ТВ и пресса, а сегодня уже и радио берет на себя часть этих функций. В результате реформ в большинстве регионов оказалась свернутой проводная радиотрансляционная система.

Вместе с тем необходимо отметить, что из всех традиционных средств массовой информации наиболее устойчивым выглядит положение как раз радио: неуклонно растет число автовладельцев, а вместе с ним и число

радиослушателей. Приоритеты радиослушателей Российской Федерации (по данным НИСПИ, май 2000): 68% – музыкальные программы, 64% – новости, 29% – развлекательная программа, 21% – культурно-просветительная, 17% – встречи в студиях, 13% – спортивные программы, 12% – радиопостановки, 7% – экономические программы.¹

Пресса: в Российской Федерации выходит 25 тыс. печатных изданий. Региональная пресса достигает 70% всей российской периодики. Каталог областных и городских изданий на I полугодие 2001г. по Ульяновской области включает более 40 наименований.

Ведущей в регионах остается тенденция экспансии центральной прессы, хотя она и вынуждена отказаться от «чистой» экспансии (переход к вкладышам, приложениям, «региональным» выпускам и т.д.). Молодежь почти не покупает прессу, а среднее поколение предпочитает еженедельники (Аргументы и факты, СПИД-инфо, КП-толстушка и др.). Согласно КСИ, лишь 15% опрошенных читает хотя бы один раз в неделю общероссийскую газету. Местные негосударственные газеты почти целиком нацелены на коммерческие цели и не несут просветительных функций.

Кино: из-за непродуманной государственной политики и изменения экономических отношений за 1990-е годы показатели национального кинопроизводства снизились в 7 раз (средняя посещаемость кино уменьшилась в 45 раз, за год продается один билет на 6 человек). Из всех присущих кино функций (коммуникативная, компенсаторная, эстетическая, коммерческая, развлекательная) наибольшее развитие в настоящее время получили такие функции, как развлекательная и коммерческая. На региональном уровне развивается, в основном, документальный жанр, остальные представлены в очень небольшом объеме или вообще оказались свернутыми.

Интернет: общий прирост подключений составляет в РФ 10-15% в год. Уже сегодня по числу персональных компьютеров Россия находится на 12 месте в мире (9,2 млн. пользователей) и на 12 месте по числу интернет-пользователей (на конец 2000 г. их было 6,6 млн., что составило долю всех мировых интернет-пользователей в 1,77%).

Насыщение рынка новыми информационными и коммуникационными технологиями происходит во много раз быстрее, чем соответствующие процессы в других видах технологий. Зачастую отсутствие или ограниченность доступа к другим СМИ (газетам, журналам и т.д.) компенсируется подключением к интернету. Налицо процесс дигитализации, перевод всех СМИ в цифровую форму, что упрощает доступ к традиционным СМИ, унифицирует и объединяет их. Основные пользователи – это молодые люди в возрасте 25-34 лет. Качество интернет-аудитории в РФ: 55% – высшее образование, 15% – руководители, 18% – студенты. Сам характер аудитории

---

¹WWW.ri.06010.htm

интернета свидетельствует о революции, совершающейся в средствах массовой информации: последние все больше превращаются в средства массовой коммуникации (СМК), а процесс получения информации приобретает индивидуализированную форму.

**Приведенные и дополнительные данные обобщены
и систематизированы в следующей таблице¹:**

	<i>Тенденции</i>	<i>Позитив</i>	<i>Негатив</i>	Приоритеты
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>ТВ</i>	Рост числа каналов, появление новых видов каналов, увеличение количества передаваемой информации, глобализация, формирование мультимедийных комплексов, рост частных ТРК и др.	Демонополизация, децентрализация, появление передовой технологии и др.	Вестернизация, регионализация, утрата просветительских функций, засилье развлекательности рекламы, засилье «грязных» технологий и др.	РФ ОРТ РТР НТВ ТВ-6 ТВЦ ТНТ СТС Культура Ульяновск ОРТ (77%) НТВ (71,3%) РТР (56,7%) ТНТ (19,2%) Реporter(17%) 2X2 (15,8%)
<i>Радио</i>	Резкое увеличение РС, демократизация, децентрализация, появление коммерческого радио и др.	Появление множества РС, развитие прямого эфира, демократизация и др.	Не поднимает злободневных проблем, заказная информация, информационные войны и др.	РФ Радио России Маяк Русское радио Европа-плюс Радио 1 Ностальжи Радио ретро Хит FM
<i>Пресса</i>	Падение разового тиража российских газет (3,88% к уровню 1990), появление федеральных и местных медиамагнатов,	Расширение функций (рекламная, справочная, развлекательная), демократизация и др.	Ориентация на утилитарно-бытовые нужды, недоступность прессы большинству населения, нарастание удельного	Более 50% местного населения отдают предпочтение местной прессе, но влияние общероссийской прессы в целом превосходит местное воздействие

¹ См.: Воронова О.А. Динамика типологической структуры региональной прессы // Вестник МГУ. Журналистика. 2000. № 5; Массовая коммуникация в формировании коммуникационного пространства // Социс. 2000. № 5; Рейтинг российской прессы // Российская газета, 10 июня 2000 и др.

	падение престижа и доступности прессы (более 40% жителей провинции не читают газет).		веса «чтива» и др.	
<i>Кино</i>	Системный кризис, недостаток финансирования, вестернизация проката и др.	Появление «нового русского кино», доступность зарубежного рынка кинопроката и др.	Свертывание кинопроизводства, низкопробность продукции, коммерциализация и др.	
1	2	3	4	5
<i>Интернет</i>	Динамичность развития, комплексность («электронные дома»), основа дигитализации традиционных СМИ и др.	Наиболее динамичное СМИ, создание электронных изданий, компенсатор отсутствия доступа к другим СМИ и др.	Конкурент традиционных СМИ, формирование массовой интернет-зависимости и др.	<u>Интернет-предпочтения:</u> 55% - новости 42% - игры, развлечения 39% - бизнес 37% - музыка, кино, литература 33% - информация о товарах, услугах
<i>СМИ в целом</i>	Трансформация и конвергенция, глобализация и регионализация, преобразование СМИ в СМК, изменение роли и функций СМИ, объединение и унификация традиционных СМИ и др.	Формирование межрегионального (горизонтального) информационного пространства, бум современных технологий и средств коммуникации, появление независимых СМИ	Невыполнение роли посредника между народом и властью (4-я власть), нарушение законов со стороны СМИ, разобщенность с массой (12–14% населения неадекватно и еще 25–30% частично неадекватно воспринимают информацию СМИ)	<u>РФ</u> 35%-доверяю СМИ, 40%-не доверяю, 25%-затрудняюсь <u>ответить</u> <u>Ульяновск</u> Доверяю в первую очередь: 58,3%-ТВ, 46,7%-друзьям 43,7%-радио 36,3%-прессе 20,7%-знакомым 20%-со-служивцам 13,3%-другое Доверяю в первую очередь: 34%-ТВ 13%-пресса 10%-радио 30%-не доверяю ни одному СМИ

Выводы.

1. Везде в мире идет конвергенция и трансформация СМИ. Объединение разных СМИ (газеты, ТРК, журналы и т.д.) в единый комплекс приводит к образованию «империй» (Мэрдок, Берлускони, Березовский, Гусинский и т.д.).

Происходит укрупнение за счет включения в ТРК предприятий массовой культуры, спорта и развлечений. Например, в 1998 году Р. Мэрдок предпринял попытку купить футбольную команду «Манчестер юнайтед» для укрепления престижа, рекламы во время матчей и т.п. Аналогичные процессы наблюдаются и в России.

2. В мире происходит глобализация мирового теле- и радиовещания. Сегодня Всемирную службу радиовещания (ВСР) в мире слушают 130 млн. человек на 44 языках. Обратное наблюдается в РФ: встала острая проблема сохранения единого информационного пространства (СМИ, телефон, телефакс, почта, телеграф и др. средства связи не составляют единой системы).

3. Эволюция региональных СМИ в Российской Федерации совершается под воздействием трех основных детерминант (общемировые тенденции – глобализация, конвергенция, развертывание всемирных сетей коммуникации типа Интернет и др.; общероссийские особенности – демонополизация, разгосударствление СМИ и др.; местная специфика – удаленность от центра, уровень развития технологической базы и др.). Сложное взаимодействие данных детерминант и определяет генезис российских региональных СМИ в каждый данный момент: первые выступают как долгосрочные и определяющие, вторые – как среднесрочные и регулирующие, третьи – как временные и специализирующие.

4. Главными тенденциями региональных СМИ в настоящий момент являются: политизация (в кампанию по выборам президента в 1996 году было вложено около 1 миллиарда долларов, в том числе и очень большая часть этой суммы – в СМИ), втягивание СМИ в рекламный рынок (в стране в 2000 году действовало около 5 тыс. рекламных агентств с оборотом в 1,1 млрд. долларов), индустриализация и коммерциализация (превращение СМИ в доходный бизнес), криминализация и этическая деградация (убито в 2000 г. 15 журналистов; «Свобода продажи слова вместо свободы слова» - по заявлению одного из ведущих деятелей российских СМИ и др.). Вот выдержка из профессионального издания: «Подорвана экономическая база прессы, рухнули целые журналистские творческие школы, появились новые стили и виды изданий, вошел в обиход подкуп журналистов и целых редакций, на газетный и телевизионный рынок хлынул мутный поток «желтизны», графомании и откровенной похабщины, основная масса читательской аудитории оказалась в силу распада системы распространения газет оторванной от серьезной журналистики, традиционному «главному автору» родимой прессы – простому человеку – отказано в газетной площади и эфире, вышла из обихода обязанность власть имущих реагировать на выступления печати...».¹

5. В России идет мучительный поиск адекватного механизма управления СМИ. Налицо противостояние вектора общественного мнения и генеральной линии политической элиты: 80% респондентов выступают за государственное

---

¹ Независимая газета, 10.06.2000.

регулирование ТВ, а соотношение выданных в 1999 году лицензий на вещание в государственном и соответственно частном секторе составило 1:8. При этом главной задачей государства была и остается задача стимулирования декоммерциализации СМИ, утверждения самоконтроля, внедрения высоких стандартов качества информации и т.д. В качестве идеала выступает создание системы своевременной, достоверной, полной, объективной, доступной, безопасной информации. Данные многих КСИ показывают довольно низкую степень доверия россиян к СМИ. Многие отмечают тенденциозность ведущих передач и журналистов в подборе фактов и их освещении. Поэтому общественное мнение россиян склоняется к тому, чтобы ведущие СМИ были национализированы. Так, по данным независимого исследовательского центра РОМИР, 59,1% российских граждан согласны с утверждением, что «первый канал общенационального телевидения должен быть государственным».¹ Жители Ульяновской области (КСИ, май 2000) доверяют в первую очередь следующим источникам информации: телевидение (58,3%), друзья (46,7%), радио (43,7%), пресса (36,3%). Надо заметить, что степень доверия к основным видам СМИ в области гораздо выше, чем тот же показатель по России в целом (телевидение – 34%, пресса – 13%, радио – 10%). Заметно расхождение в предпочтительности передач ведущих телеканалов: в Ульяновской области первые три телеканала выстраиваются в иной последовательности (ОРТ – НТВ – РТР), чем по Российской Федерации (ОРТ – РТР – НТВ).

6. Одной из альтернатив негативным тенденциям в развитии российских СМИ называется глобализация информационного пространства. В настоящее время именно Интернет выступает одним из главных факторов единого информационного пространства, подверженного эрозии и дефрагментации в части традиционных СМИ. Действительно, хотя Россия находится лишь на 32 месте в мире по доступу к INTERNET, ей, тем не менее, придется пройти путь других стран (в Англии правительство каждому школьнику планирует свой адрес в сети, а в Финляндии таковой уже имеет каждый студент). Новые СМК и новая система коммуникации с их ориентацией на общественное вещание (см.: Резолюция №1 «Будущее общеевропейского телерадиовещания» 4-ой Европейской конференции министров по политике в области СМК, декабрь 1994) будут просто принуждать к необходимой «свободе информации» и «социальной ответственности» СМИ. В связи с этим возникает острый вопрос о характере и механизме взаимостыковки формирующейся глобальной культуры и традиционного российского менталитета, а также антиглобалистских поползновений региональных элит. Представляется, что именно логика их взаимопроникновения и будет определять будущее российских СМИ.

7. Везде в мире система вещания состоит из государственных и негосударственных станций. Главное для Российской Федерации – найти эффективную пропорцию того и другого. Сегодня идет спор о господдержке СМИ.

---

¹ WWW. ROMIR/television.htm

Опыт стран Совета Европы¹ показывает. Протекционизм осуществляется по нескольким направлениям – прямые финансовые ассигнования (так, ежегодная финансовая помощь французской прессе составляет 5 млрд. франков, то есть 4,8 триллионов рублей), налоговые и таможенные льготы, льготные тарифы на услуги почты, телефона и др. Цель известна и общественно значима: с помощью подобной политики государство обеспечивает информационный плюрализм, пытается предоставить гражданам максимум информации о деятельности центральных и местных органов (например, по данным «Фонда защиты гласности», жители Пензенской области получают лишь 10% информации о том, что в действительности происходит), препятствует монополизации СМИ. Можно использовать положительный опыт некоторых бывших социалистических стран. Так, в Польше успешно с 1999 г. функционирует всепольский внесударственный общественный Совет по телерадиовещанию («совесть нации» состоит из 9 человек, избираемых нижней и верхней палатами парламента и предлагаемых президентом – по 3 человека с каждой стороны).

А.А. БАРАНОВ

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Современная система образования, те процессы, которые идут в ней, является производной столкновения и взаимодействия различных групп интересов, часть из которых имеет непосредственное отношение к этой системе (управленцы образования, педагоги (ученые и практики), обучающиеся и их родители), а часть – опосредованное в лице различных социальных институтов так или иначе заинтересованных в том или ином направлении развития образования.

Столкновение групп интересов происходит на фоне переходного характера эпохи, переживаемого сегодня не только нашей страной, но и всем человечеством. Как справедливо отметит Н.Г. Левинтов,² «человечество как общество функционирует в рамках трех взаимосвязанных систем. Во-первых, человечество как компонент высшей системы космос - природа - человек. Во-вторых, все человечество как самостоятельная, исторически складывающаяся и самоорганизующаяся система. В-третьих, системы, входящие как подсистемы

---

¹Левинтов Н.Г. К методологическому анализу учебной литературы: что такое история новейшего времени? - Ульяновск, 2001. С. 67.

² Журналист. 2000. №5. с. 20-21.

(компоненты) в систему «человечество» - отдельные страны, регионы, системы общественных отношений».

На уровне глобальном человечество находится в стадии «перехода к категорически необходимому, кардинально новому соотношению и взаимодействию человека с природой. То, что принято называть переходом биосферы в стадию «Ноосфера», когда разумная деятельность человечества становится главным, определяющим фактором ее существования».¹

На уровне общечеловеческом из целого ряда взаимосвязанных и противоречивых переходных процессов выделим в качестве основных следующие:

- происходящий в индустриальных странах переход к постиндустриализму как качественно новому типу культуры и цивилизации;
- становление целостного и взаимозависимого мира на основе общемирового рынка, современных технологий и ценностей западной цивилизации;
- ответное оживление традиционалистских и почвеннических настроений у аутсайдеров процесса вестернизации с использованием новейших достижений науки и техники.

На уровне России наряду с первыми двумя типами переходов происходит множество специфических переходных процессов, направление и сущность которых не всегда можно с достаточной степенью определенности констатировать. Для нашего исследования принципиальную значимость будут иметь процессы, наиболее существенно отражающиеся на системе образования. Определим общее направление этих трансформаций как переход от слабо дифференцированной гомогенности социальной жизни к более дифференцированной гетерогенности, от имеющего всеобщее распространение государственного патернализма к возрастанию меры свободы и ответственности отдельных личностей и социальных групп в жизни общества. Кроме того все эти переходные процессы протекают в России в условиях острого экономического кризиса, вызванного как многолетним нерациональным использованием ресурсов, так и последующей реструктуризацией и организационно-правовой перестройкой экономики.

Названные процессы являются вызовами современному российскому обществу. От того, насколько адекватно Россия ответит на эти вызовы, будет зависеть ее судьба в ближайшем и более отдаленном будущем. Институт образования является одним из социальных механизмов, способных выполнить как конструктивную, так и деструктивную роль в процессе поиска и реализации необходимых ответных шагов.

Представляется необходимым хотя бы вкратце смоделировать комплекс характеристик, которым должно, на наш взгляд, отвечать образование адекватное требованиям современности.

---

¹ Там же. С. 68.

С планетарной точки зрения, оно должно воспитывать «землянина», жителя планеты Земля, осознающего свою неразрывную связь с космосом и природой, способного мыслить глобальными категориями, обладающего развитым экологическим сознанием и экологической нравственностью, «благоговением перед жизнью», обладающего сформированной мотивацией, а также необходимыми знаниями и умениями, нацеленными на разумное природопользование, сохранение, развитие и защиту Земли как общего космического дома всех ее обитателей (не только людей).

С позиций общецивилизационных и межцивилизационных в процессе своего образования человек должен реально становиться, с одной стороны, «гражданином мира» (космополитом), открытым для контактов со всеми земными цивилизациями, нацеленным на изучение и использование их наиболее рационального опыта, а с другой стороны, патриотом, ориентированным на сохранение и развитие собственной российской цивилизации как уникального мира.

Образование должно также обеспечить переход от индустриального к постиндустриальному обществу, подготовив человека к жизни в кардинально новых условиях и в какой-то мере сформировать сами эти условия.

С точки зрения внутренних потребностей российского общества образование ответственно за выполнение ряда противоречивых задач:

- С одной стороны, это удовлетворение все более дифференцирующихся образовательных потребностей различных социальных групп, с другой - обеспечение равных стартовых условий для каждого члена общества в приобретении необходимых знаний и умений для дальнейшей успешной социализации.
- С одной стороны, это развитие личной и групповой инициативы в вопросах образования, с другой - надежные государственные гарантии получения качественного и *необходимого для жизни* образования.
- С одной стороны: это сохранение и развитие имеющегося научно-методического, материального, кадрового потенциала системы образования, с другой - отказ от тех его форм, содержания и методов, которые мешают обществу развиваться.

Удовлетворяет ли современная российская система образования этим требованиям, возникнув в совершенно иной планетарной, общечеловеческой, межцивилизационной и внутрицивилизационной ситуации? Этот вопрос приобретает сегодня особую актуальность. Будучи конкретизированным, он распадается на ряд подвопросов, касающихся различных проблем образовательного уклада от содержания и организационных форм до стиля и методов преподавания.

Содержание образования. Школа. Школьный учебный план в основных своих чертах сложился в 30-е годы 20 века и с тех пор так радикально и не изменился. Набор предметов - этих растасканных по областям сегментов

целостного знания о мире и человеке - остался в целом тем же, сохранилось и примерное распределение часов на их изучение. Все попытки реформировать учебный план, ввести новые предметы, усилить роль гуманитарных наук, сделать его более гибким и многовариантным не увенчались успехом. Педологический эксперимент, направленный на изучение в школе целостного знания, провалился, идея многовариантных планов тоже. Введение с начала 90-х годов множества учебников обернулось бестолковщиной, в которой до сих пор не могут разобраться ни дети, ни их родители, ни сами учителя. Попытки введения самых разных предметов «Этика и психология семейной жизни», «Мировая художественная культура» не увенчались успехом. ***Сегодня школа учит детей чему угодно, но только не тому, что их реально интересует, и что им может быть полезным в нынешней и будущей жизни.*** Это расхожее суждение все чаще приходится слышать от самых разных людей. Но на вопрос, чему же все-таки учить каждый отвечает по-своему.

Содержание образования. Профессиональное образование. Содержание профессионального образования, особенно высшего, гораздо более подвижно и нацелено на решение насущных общественных задач. Однако и оно вызывает сегодня нарекания. Три главных связаны с уровнем подготовки специалистов, общественной потребностью в специалистах того или иного профиля и отказом молодых специалистов после окончания учебного заведения работать по специальности.

Организационные формы. Организационные формы образования также подвергаются сегодня критике, начиная с управленческих структур и кончая формами проведения занятий. Возникают сомнения, насколько эффективна государственная система управления образованием, насколько отвечает условиям сегодняшнего и завтрашнего дня классно-урочная система в школах и лекционная - в вузах и т.д., и т.п.

Методы образования. Стиль образования. Наверное, это самый больной вопрос. Каких только новаций в области образовательных методик и педагогических стилей не прокатилось по нашей богатой творческими педагогами стране за последние сто лет, однако и сегодня, как сто лет назад мы по-прежнему говорим о том, что школа не учит мыслить, не учит добывать знания, не учит принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Не удовлетворяет нас и по преимуществу авторитарный стиль обучения, который также никакими «педагогиками сотрудничества» невозможно вытравить из нашей школы. Да и нужно ли?

Вот вкратце те вопросы и сомнения, которые сегодня ставит общество перед образованием, сомневаясь в его способности дать адекватный ответ на вызов истории.

С тем, что в образовании надо что-то менять, согласны сегодня все. Однако различные субъекты образовательного процесса, а также внешние по отношению к образованию общественные силы, так или иначе заинтересованные в решении проблем образования, усматривают решение этих

проблем на разных путях. По вопросу о трансформации отечественной системы образования складываются различные группы, преследующие в этой области различные интересы. Из столкновения и взаимного пересечения этих интересов и складывается сегодня реальная образовательная политика.

Группы интересов в современной системе образования, рассматриваемые нами в данной статье это:

- Чиновники: федерального, регионального и муниципального уровней, имеющие и не имеющие отношения к образованию.
- Педагогические субкультуры: педагогической науки, общей школы, профессионального образования (особенно высшего).
- Родители (семьи): социальные слои, этнические группы.
- Учащиеся: дети, подростки, молодежь.
- Общественные институты: армия, предприятия и организации, религиозные конфессии, политические партии и объединения.

Каждая из этих групп имеет в сфере образования свои специфические интересы, причем их можно разделить на две группы: открыто провозглашаемые и скрытые. Нас в нашей статье будет интересовать, прежде всего, вторая группа интересов: то, о чем открыто не говорится, но что является наиболее устойчивым и могучим стимулом деятельности.

Чиновники. Будучи специфической субкультурой, чиновничество в целом стремится к бюрократии, поскольку именно эта форма правления наиболее выгодна данной социальной группе. Возможность влиять на все процессы, происходящие в обществе, право разрешать или не разрешать, приоритет чиновничьего контроля над всеми другими его формами - вот тот идеал, осуществление которого дает в руки чиновникам наибольшую власть, чувство ценности и незаменимости в обществе и становится источником материального их благополучия.

Чиновники склонны видеть в сфере общественной жизни, порученной их управлению, источник своего социального влияния и материального благосостояния. Этот интерес побуждает чиновников от образования к принятию решений, объективно усиливающих их роль в системе. Первая волна демократизации, расширившая права образовательных учреждений и педагогических работников и зафиксированная в Законе РФ «Об образовании» постепенно сменяется нарастающей чиновничьей реакцией. Под предлогом сохранения единого образовательного пространства и контроля за качеством знаний, чиновники все больше урезают права, как образовательных учреждений, так и педагогов: большинство школ и детских садов страны так и не обрели статус юридического лица, не заработали механизмы общественно-государственного управления образованием, процедуры лицензирования, аттестации и аккредитации все больше напоминают практику инспекторских проверок прошлого. Идея государственных стандартов образования никак не обретет свое материальное воплощение именно потому, что решается на чисто административных путях, а педагогическая общественность играет здесь лишь совещательную роль. Разумная, в сущности, идея централизованного

тестирования выпускников школ, являющегося одновременно приемным испытанием в вузы, толкуется чиновниками в свою пользу - как еще один механизм чиновничьего контроля за качеством образования с далеко идущими последствиями.

Принятие подобных решений сделает систему образования менее открытой, динамичной и демократичной, что не будет способствовать ее перестройке, адекватной вызову времени.

Вынужден менять свою психологию только чиновник, поставленный под общественный контроль, получающий зарплату в соответствии с ясной зависимостью от результатов своего труда, оцениваемых не столько вышестоящим чиновником, сколько общественностью и теми институтами, координировать и направлять работу, которых чиновник призван. Поэтому, если мы хотим, чтобы решения, принимаемые управленцами, соответствовали духу времени, органы управления образованием должны быть поставлены под контроль научно-методических советов, представляющих педагогическую науку и практику, всякого рода общественных, межведомственных, попечительских советов, представляющих прочие группы интересов. Для согласования и приведения к общему знаменателю решений этих органов необходимо создавать координационные общественно-государственные советы по вопросам образования, имеющие исключительное право принимать принципиально важные решения по вопросам образования. Приказы министров и начальников органов управления образованием различных уровней должны быть вторичны по отношению к решениям данных советов.

Педагоги. Специалисты образования, начиная с рядового учителя и заканчивая академиками РАО представляют собой наиболее компетентную и активную группу интересов. Именно в этой среде рождаются, живут и передаются от одного поколения специалистов к другому разнообразные педагогические феномены, начиная с содержания образования (Чему учить?) и заканчивая конкретными методами и приемами (Как учить?) Специалисты знают, как делать свое дело. Во многом именно они формулируют идеологические программы, с которыми выступают чиновники от образования. Имея дело непосредственно с обучаемыми и их родителями, специалисты лучше чувствуют изменение их потребностей и проблемы, возникающие в сфере образования. Из анализа этих проблем возникают педагогические инновации, являющиеся важным механизмом развития системы.

Стремясь поставить педагогические инновации под жесткий контроль под предлогом контроля за качеством образования, чиновники оказывают системе образования медвежью услугу, поскольку лишают ее механизма саморазвития. К счастью, сегодня среди различных групп интересов, в том числе и в среде чиновничества сложилось уважительное отношение к инновациям. Однако тенденции к сворачиванию инноваций, прослеживающейся в отдельных административных решениях и настроениях учителей-консерваторов нельзя не замечать.

Неоднородны и сами инновации. Условно их можно разбить на две группы: инновации технологической направленности и инновации личностно ориентированной направленности. Если первые направлены в прошлое - в индустриальную эру, стремятся уподобить образовательный процесс конвейеру и получить в результате глубокие и прочные знания у выпускника ценой потери его творческой личности, то вторые, напротив, призваны развить в обучающемся творческую инициативу, пытливый исследовательский ум, способность успешно адаптироваться в быстро меняющемся современном мире.

Вызывает опасение и еще одна тенденция в педагогических кругах - тенденция к самоизоляции, недопущению к решению проблем образования «неспециалистов». В современных условиях эту установку нельзя назвать рациональной. Большинство проблем современного образования носит межведомственный и далеко выходящий за рамки системы образования характер. Только открытость для критики, для участия во внутриобразовательных делах общественности и социальных институтов может привести к повышению меры адаптивности современного образования, более эффективного решения проблем системы.

Родители (семьи). Социальный состав семей, с которыми ныне приходится иметь дело образованию, значительно изменился по сравнению с советским периодом. Общество стало разнородным, социально дифференцированным.

Выделились как минимум 6 слоев населения по уровню социального благополучия.

1). Элита, богатые - высшие государственные чиновники федерального и регионального уровней, политические лидеры, представители крупного банковского и промышленного капитала, шоу-бизнеса, владельцы СМИ. Представители этого слоя имеют достаточно средств не только для удовлетворения своих потребностей на очень высоком уровне, но и для самостоятельного ведения экономической деятельности.

2). Верхний слой, состоятельные - владельцы крупных торговых и посреднических фирм; высокооплачиваемые госслужащие, юристы, банковские работники, некоторые наиболее успешные представители гуманитарной интеллигенции (известные ученые, писатели, режиссеры и т.п.); директора крупных и средних предприятий, генералитет. Их средств достаточно не только для высокого уровня жизни, но и для приумножения капитала.

3). Средний слой, обеспеченные - представители среднего бизнеса, управленцы среднего звена (менеджеры предприятий различных форм собственности, государственные и муниципальные служащие, руководители бюджетных организаций), высококвалифицированные работники промышленности, сельского хозяйства, сферы обслуживания, образования, здравоохранения, старший офицерский состав, преуспевающие представители

творческой интеллигенции. Средств достаточно для приобретения и регулярного обновления предметов длительного пользования (одежда, мебель, бытовая техника, автомобиль), улучшения жилищных условий, качественного питания и лечения, удовлетворения духовных потребностей (покупка книг, компьютера, аудио- и видеоаппаратуры, посещение музеев, концертов), содержание детей в период получения ими высшего образования (или даже его оплата), организация качественного отдыха.

4). Базовый слой российского общества, малообеспеченные представители мелкого бизнеса (челноки), большая часть гуманитарной и технической интеллигенции (врачи, учителя, инженеры), нижний слой государственных и муниципальных служащих, высококвалифицированные рабочие (связанные с современными технологиями), ремесленники, кооперированные крестьяне, фермеры, работники сферы обслуживания среднего уровня квалификации, младший офицерский состав. Средств хватает только на повседневные расходы, самые необходимые продукты питания и предметы длительного пользования, на поддержку детей в период получения ими высшего, чаще среднего (в том числе и профессионального) образования. В случае крайней необходимости возможна временная аккумуляция достаточных средств на образование, лечение и укрепление здоровья.

5). Нижний слой, бедные - малоквалифицированные и неквалифицированные работники различных сфер общественного производства и сферы обслуживания, студенты, аспиранты, пенсионеры, временно безработные. Наличие минимальных средств для поддержания жизни и отсутствие средств для улучшения своего существования.

6). Маргинальный слой, неимущие - люди в силу различных причин лишенные средств существования (нищие, беженцы, бомжи и т.п.).

НАБЛЮДАЕТСЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ ОБЩЕСТВА. У разных слоев складываются разные образовательные запросы. Элита ориентирована на получение образования в специфических образовательных учреждениях, значительно отличающихся от массовой школы лучшими условиями содержания, современной учебно-материальной базой. Как правило, это достаточно закрытые учебные заведения, иногда частные, иногда находящиеся за рубежом, с достаточно однородным социальным составом учащихся (представители элиты).

Маргиналы, лишенные средств к существованию, как правило, озабочены не образованием детей, а элементарным выживанием. Дети рано включаются в деятельность, необходимую для поддержания жизни семьи или своей собственной, часто оказываются безнадзорными, вовлекаются в криминальные и полу криминальные структуры. Образовательные интересы или совсем отсутствуют или нечетко определены.

Образовательное пространство, занимаемое массовой школой, оказывается ареной взаимодействия интересов верхнего, среднего, базового и нижнего

социальных слоев. Все эти слои объективно нуждаются в качественном образовании, поскольку оно выступает для них социальным лифтом для перемещения в следующий, более высокий слой. Однако возможности для реализации этой потребности у разных слоев разные. Так, если богатые, состоятельные и обеспеченные могут позволить себе не только содержать детей в период получения ими высшего образования, но при необходимости и оплатить им поступление и учебу, то представители базового слоя могут позволить себе только первое, а бедные и этого не могут себе позволить.

Представители первых трех слоев однозначно настраивают детей на получение ими высшего образования, не особо оглядываясь на уровень их способностей. Малообеспеченные семьи также ориентированы на получение детьми высшего образования, но уже не безусловно, а в зависимости от способностей детей и от реальных возможностей семьи. В этом слое, по сравнению с предыдущими, детей чаще ориентируют на технические специальности, на получение среднего, иногда начального профессионального (по востребованной специальности), а не высшего образования.

Бедных условно можно разделить на хронически бедных и временно бедных. К первым относятся представители низко квалифицированного труда, они мало ориентированы на получение детьми высшего и даже среднего профессионального образования, так как заинтересованы в том, чтобы дети скорее становились самостоятельными. Представители этого слоя рассматривают школу как своеобразную "камеру хранения", в которой положено выдержать ребенка несколько лет перед тем, как он начнет самостоятельную жизнь. Временно бедные (временно безработные, студенты, аспиранты) имеют психологию малообеспеченных слоев населения и у них соответствующие интересы в сфере образования.

Таким образом, различные социальные слои предъявляют к системе образования несовпадающие требования, на учете которых только и может сегодня строиться эффективная образовательная политика.

Молодежь. Очень долго интересы молодежи в области образования как бы совсем не учитывались. Считалось, что они обязаны изучать то, что им предлагает общество в лице специалистов образования. Любой бунт воспринимался как нежелание или неспособность учиться. Сегодня мы не можем не учитывать специфических образовательных интересов молодежи. Мы не можем отмахиваться от того факта, что часть молодежи не желает осваивать те образовательные программы, которые им предлагаются, часть молодежи не соглашается с формами, методами и стилем преподавания. В результате появилась молодежь *вне образования*, причем это не только та молодежь, которая остается за стенами образовательных учреждений, но отчасти и та, которая, формально оставаясь в этих стенах, не приемлет ценностей образования. И дело здесь не только в «педагогическом браке», как склонны считать чиновники и семьи, не только в просчетах социальной государственной политики и недостатках семьи, как склонны считать специалисты. За рамками

образования наряду с маргинальной часто оказывается наиболее активная, творческая, самостоятельно мыслящая молодежь. Ее не устраивает то, чему учат, поскольку эти знания на 90 % не нужны в реальной жизни, ее не устраивает то, как учат, поскольку процесс обучения стандартизирует и унифицирует их как личностей. Эта молодежь неудобна, специалисты, чиновники, а часто и семья борются с этой молодежью, пытаясь подогнать ее к общему знаменателю. И когда борьба оказывается успешной, мы теряем самое главное - возможность для нашего общества развиваться более динамично, более творчески, а в конечном итоге и более эффективно. К счастью, борьба не всегда увенчивается победой, и благодаря этому общество получает Ньютонов, Розановых и многих-многих других, кто никак не мог справиться со школьной программой, а затем стал выдающимся специалистом, руководителем, бизнесменом. Если раньше это воспринималось как счастливое исключение из правил, то сегодня мы должны научиться использовать этот феномен в интересах развития общества. Институциональная система образования должна быть дополнена и уже дополняется широким развитием образовательных форм за рамками образовательных институтов: экстернатом, семейным образованием, дополнительным образованием, «дворовой педагогией». От того, насколько успешно будет развиваться этот процесс, во многом будет зависеть будущее нашей страны в 21 веке.

В решении этой задачи лучше, чем кто бы то ни было, могут помочь *внеобразовательные институты*, если они серьезно займутся проблемами образования. Это касается и конфессий, и производственных коллективов, и армии, и особенно тех организаций, которые связаны с наиболее перспективными современными технологиями: конструкторские бюро, научно-исследовательские институты, средства массовой информации, интернет-компании. Сегодня специфические интересы этой группы (точнее групп) интересов еще недостаточно учитываются в образовательной политике. Осознанная, имеющая статус национальной политики поддержка образовательных инициатив во внеобразовательной сфере, создание благоприятного «инвестиционного климата» для всех желающих вложить деньги в образование в его институциональных или внеинституциональных формах должна стать стратегической линией органов государственной власти, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Глубокое и всестороннее изучение групп интересов в сфере образования, проведение конкретных социологических и культурологических исследований в данной области, а также последующее использование полученных результатов при принятии управленческих решений может стать реальным механизмом повышения эффективности российской системы образования в условиях брошенных историей вызовов.

ДРЕВНИЙ РИМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ВЗГЛЯДЫ

Современная Россия переживает трудный процесс становления новой политической системы, который идёт с большими издержками, что ложится всё более непосильным бременем на плечи населения. При этом доминируют догмы западного либерализма, который почему-то никак не приносит в нашей стране положительных результатов. Отрицательных же имеется с избытком. Поэтому, обращение к опыту политической истории других народов приобретает сегодня особое значение. Из этого не вытекает, разумеется, стремление слепо копировать чужие политические структуры и институты, но некоторые элементы, критически осмыслив, можно было, хотя бы умозрительно, примерить на нашу политическую жизнь. В этом отношении Древний Рим даёт богатую пищу для размышлений.

Если кому-то покажется, что Древний Рим от нас очень далёк, то следует напомнить о нашей связи с этим государством и народом. Русское слово «царь» по одной из версий происходит от древнеримского имени «Цезарь», которое стало нарицательным и означает владыку, правителя. Нынешний государственный герб России – двуглавый орёл – позаимствован от Восточной (Византийской) Римской империи. Православное христианство Россия тоже унаследовала от Византии. И, наконец, знаменитый принцип «Москва – третий Рим, а четвёртому не бывать» также говорит о родстве двух государств.

История Древнего Рима делится на три основных периода: царский, республиканский и императорский. С точки зрения политологии наибольший интерес представляет республиканский период, так как в это время наблюдался расцвет политической жизни, многообразие ее форм: это разделение власти между различными структурами и институтами, посредством которых социальные группы влияли на политику государства; это огромная роль закона в борьбе против монополии на политическую власть; это постоянно растущая роль бюрократического аппарата и вооруженных сил в жизни Древнего Рима и многое другое - все то, что представляет интерес и для нас в 21-м веке. Народ небольшой крестьянской общины, основанной на Тибре Ромулом (в честь которого и назвали город) проделал путь до крупнейшей средиземноморской державы мирового значения, в которой проживало до 40 млн. человек и оказал сильнейшее влияние на формирование европейской цивилизации.

Древний Рим возник и развивался в рамках полиса, который был средоточием экономической, социальной и политической жизни. Полис как феномен античности возник в Элладе и был заимствован у греков народами Апеннинского полуострова, что очевидно объясняется особыми географическими условиями этих регионов. Основой полиса, как известно, была античная форма собственности, которая сочетала в себе одновременно собственность

государственную и частную, то есть свободные граждане Рима коллективно владели полисной собственностью. Население Рима в древние времена состояло из 300 родов, каждые 10 родов объединялись в курию, каждые 10 курий - в трибу. Всего было три трибы, которые первоначально представляли собой три племени. Органом верховной власти было народное собрание (комиции). Народное собрание осуществляло право каждого собственника - члена гражданского коллектива - управлять своей собственностью и охранять ее, причем осуществление данного права - и в этом весь смысл деятельности народных собраний - происходило совместно, в коллективе. Народное собрание – орган коллективного волеизъявления корпорации собственников.¹ В народном собрании имели право участвовать все члены общины за исключением женщин и неспособных еще носить оружие малолетних мужчин.² Наряду с народным собранием важнейшим органом власти был сенат (совет старейшин), в который входило по 1 представителю от каждого рода, поэтому сенаторов было 300 человек. Состав сената не был выборным и комплектовался без всякого участия комиций (там же). И третьим центром власти был царь. После изгнания последнего царя Тарквиния народ не захотел иметь никаких царей. Вместо одного царя стали выбирать двух консулов на годичный срок и с этого момента начался республиканский период, который продолжался около 400 лет до Юлия Цезаря, который фактически стал первым императором. В 494 г. до н. э. плебеи, притесняемые патрициями отказались выступить в военный поход и в полном вооружении удалились на Священную гору, где разбили лагерь. Сенат вынужден был пойти им на уступки и была учреждена новая должность (магистратура) - народный трибун, то есть защитник интересов и прав плебеев. Сенат сознательно удовлетворил требования народа, предпочтя «сохранение республики прерогативам какого-либо сословия или какой-либо магистратуры».³ На эту должность могли избираться только сами плебеи. С этого момента началась 200-летняя борьба плебеев с патрициями, которая закончилась победой первых.

Теперь необходимо показать полномочия каждой из этих 3-х властей: комиций, сената и консулата. Начнем с консулата. Это высшая магистратура, которой подчинялись все другие, за исключением народных трибунов. Консулы выбирались народным собранием и осуществляли исполнительную власть - гражданскую и военную, а именно: вводили иностранные посольства в сенат, ставили перед ним вопросы, требующие обсуждения и контролировали исполнение решений сената, созывали народные собрания, ставили на них вопросы и исполняли решения собраний, вели приготовления к войне, требовали необходимые войска от союзников, назначали военных трибунов (то есть офицеров), производили набор солдат, а в военном походе, не подчинясь и власти народных трибунов, которые оставались в Риме, подвергали наказанию любого

---

¹ Утченко С.Л. Кризис и падение римской республики М., Наука, 1965. С. 11.

² Моммзен Т. История Рима в 5-ти томах, т. I и II, М., 1936-1937. I. С. 71.

³ Шарль-Луи Монтескье. Размышления о причинах величия и падения римлян // Избранные произведения. Госполитиздат, М., 1955. С. 83.

провинившегося¹ (4,18-19). Полибий считал, что власть консула похожа на монархию. Из этого правила, что консулов должно быть двое, есть одно исключение: в случае тяжкой войны или жестоких внутренних распрей вместо двух консулов по постановлению сената назначается на шесть месяцев один диктатор (или вождь народа), которому передавалась на этот срок вся власть, а все другие магистраты не действовали.² Власть диктатора была столь велика, что он мог, например, приказывать казнить любого римлянина без суда и объяснения мотивов своего решения.

А вот полномочия сената как органа законодательной власти: принятие важнейших решений и постановлений, доходы и расходы государственной казны, расследование государственных преступлений в пределах Италии, разрешение споров и тяжб между гражданами и городами, отправка посольств в другие государства и принятие иностранных посольств, объявление войны и заключение мира, подписание договоров с другими народами (см.: *Полибий*. 19-20). Фактически это было правительство Рима, коллегиальный орган власти лучших граждан республики, который, конечно же, прежде всего, отстаивал интересы богатых и знатных. По мнению Полибия власть сената напоминает власть аристократии и с этим трудно не согласиться.

Теперь о полномочиях народных собраний: они имели право награждать и наказывать римских граждан вплоть до приговора к смертной казни, окончательно утвердить закон, принятый сенатом или отвергнуть его, утвердить решения сената о заключении мира, объявлении войны, подписании договора, принимать отчеты от всех магистратов. И с этой стороны власть народных собраний напоминает демократию (см.: *Полибий*. 20-21). Народные собрания обычно собирались по куриям (то есть по родам), но если вопрос касался всех римлян, то собирались высшие комиции, на которых присутствовали представители всех родов. Институт народных трибунов был другой формой демократии в Риме, он как бы контролировал другие органы власти, не допуская ущемления прав плебеев.

Согласно Полибию политический строй Рима представлял собой смешение монархии, аристократии и демократии. Именно это рекомендовал Аристотель,³ если аристократию заменить на олигархию, которые очень похожи, как считал Стагирит, друг на друга. А впервые на практике такое смешение произвел полуполюгендарный законодатель спартанского государства Ликург, о чем писал еще Платон.⁴ Двум спартанским царям соответствуют два консула в Риме, 28 старейшинам – сенат, 5 эфорам – народные трибуны. Еще основатель Рима – Ромул выбрал в сенат 30 лучших людей, то есть к царской власти добавил власть аристократии, а второго после Ромула царя, которого звали Нума Помпилий, указывает Цицерон, пригласили из города Кур решением народного собрания (куриатских комиций) и с одобрения сената, то есть действовал и третий центр

¹ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Перевод с греческого Ф.Г.Мищенко, том II, М., 1895. С. 18–19.

² См.: Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., Наука, 1966. 30. С. 135.

³ Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах, т.4, М., Мысль, 1983. С. 417.

⁴ См.: Платон. Законы // Сочинения в 3-х томах, т.3, часть 2, М., Мысль, 1972. С. 162–163.

власти демократический (см.: *Цицерон. 37-38*). Подобное разделение власти, как считал Полибий, сделало политическую систему Рима весьма эффективной (см.: *Полибий. 24-25*).

Теперь о политических взглядах Полибия и Цицерона. И Полибий и Цицерон, очевидно под влиянием авторитетных взглядов Аристотеля, считали лучшей формой правления смешение трех форм правления: монархии, аристократии и демократии, но они оба рассматривали эти формы и отдельно, указывая недостатки каждой из них.

Полибий, когда речь заходит о правлении одного человека, различает монархию, тиранию и - вводит новое понятие - царскую власть. Тирания им понимается также как у Платона и Аристотеля. А отличие царской власти от монархии в том, что: «не всякое единовластие может быть без оговорок названо царством, но только такое, в котором управляемые уступают власть по доброй воле, в котором властвует не столько страх или сила, а сколько рассудок» (*Полибий.7*). То есть царская власть не только на благо всех граждан, но и с согласия всех граждан, основанная не на насилии, а на рассудке, царь при таком правлении любим народом, так как не выделяется ни одеждой, ни пищей, ни питьем, ни образом жизни и всегда общается с народом (*Там же.11-12*). Получается, что царская власть – это идеальная монархия. Если же все вышеуказанные признаки исчезают и остается лишь правление на благо всех, то тогда, по мнению Полибия, мы имеем монархию. Цицерон тоже отмечает преимущества правления одного человека: «поручить корабль одному кормчему, а больного одному врачу (если только оба они владеют своим искусством) правильнее, чем поручать их многим» (*Цицерон.29*). Особенно уместно правление одного человека в опасные для государства моменты (см.: *Там же. 29-30*). Но по своим политическим взглядам Цицерон все же был республиканцем (он и умер, защищая республику), поэтому он считал, что «народу, находящемуся под царской властью, недостает многого и прежде всего свободы, которая состоит не в том, чтобы иметь справедливого владыку, а в том, чтобы не иметь никакого» (*Там же. 45*). Цицерон хорошо понимал, на чем держится римская республика: на том общем, что принадлежит всем гражданам: «форум, святилища, портики, улицы, законы, права, суды, голосование, кроме того, обычаи и дружеские связи, а также всякие взаимные дела и расчеты. Все это создает ту общность, которая наиболее близка и дорога каждому, которая есть не что иное, как государство, родина и которая одна только вмещает в себя все общие привязанности» (Цит.по: *Утченко. 6*). Полибий описывая трансформацию одних форм правления в другие, особо показывал каким образом демократия, постепенно портясь, превращается в охлократию (власть толпы): «всякую толпу легко совратить и увлечь на что угодно, потому что со всякой толпой бывает то же, что и с морем. По природе своей безобидное для моряков и спокойное море всякий раз, как забушуют ветры, само получает свойство ветров, на нем свирепствующих. Так и толпа всегда проявляет те самые свойства, какими отличаются вожаки ее и советчики» (*Полибий.332-333*). И это второе дополнение Полибия, наряду с царской властью, к формам правления. Если Аристотель правление большинства по закону назвал политией, то у Полибия - это демократия как принято и в наше

время, правление же большинства без закона у Аристотеля называется демократией, то у Полибия - это охлократия, опять же как это принято в наше время. В современном политическом лексиконе так и закрепилось: демократия - это позитивное явление, а охлократия - это негативное явление. Поэтому классификация форм правления у Полибия выглядит следующим образом (см.: *Там же.* 9).

правление одного	по закону МОНАРХИЯ или ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ	без закона ТИРАННИЯ
правление немногих	АРИСТОКРАТИЯ	ОЛИГАРХИЯ
правление большинства	ДЕМОКРАТИЯ	ОХЛОКРАТИЯ

Теперь о взглядах Полибия и Цицерона на законы, право, обычаи, роль которых в политическом управлении трудно переоценить. «Я полагаю, что каждому государству присуще два начала, которые и определяют, заслуживают ли его учреждения и отправления их подражания, или следует воздержаться от них. Начала эти - обычаи и законы. Те из них заслуживают соревнования, которые вносят благонравие и умеренность в частную жизнь людей, в государстве же водворяют кротость и справедливость; нравы и обычаи, противоположные достойны осуждения. Если таким образом у какого-либо народа мы наблюдаем, добрые обычаи и законы, мы смело можем утверждать, что хорошими здесь окажутся и люди, и общественное устройство их. Точно также если мы в частной жизни людей видим любостяжание, а в государственных делах неправду, очевидно можно с большой вероятностью предположить, что законы их, и нравы частных лиц и весь государственный строй негодны» (*Там же.* 54). Полибий очевидно отрицательно относится к частым изменениям законов, иначе он не приводил бы на страницах своей книги процедуру, которая практиковалась в некоторых греческих полисах, когда лицо, желающее отмены старого закона или принятия нового, являлось на заседание городского совета с веревкой на шее, которой его и удавливали, если его предложение не принималось; в противном случае казни подлежал член совета, отстаивавший старый закон (см.: *Там же.* 411). Цицерон более основательно подходит к анализу понятий закона и права, так как был по профессии адвокатом. Он начинает с известного рассуждения Платона, что из трех вариантов:

1) творить беззаконие, но самому его не терпеть,

2) творить беззаконие и самому его терпеть,

3) не творить беззаконие и не терпеть его - большинство людей выбирает третий вариант (см.: *Цицерон.* 61)¹. Цицерон подчеркивает, что государство немислимо без правопорядка, что законы - это самое основное регулирующее отношения людей средство (см. 24). Греки понимали под законом справедливость, римляне - выбор, а в соединении - это означает выбор справедливости - считает Цицерон (см. 94). Рассуждения Цицерона о законе и праве можно представить в следующей последовательности:

¹ Далее все ссылки приводятся по книге Цицерона с указанием страниц.

- 1) природе присущ разум (см. 114),
- 2) закон есть заложенный в природе высший разум (см. 94),
- 3) закон природы, данный высшим разумом, возник раньше всех записанных человеческих законов (см. 95),
- 4) право также вытекает из природы как закон (см. 99),
- 5) природа помогает отделить право от бесправия, добро от зла, честное от позорного, то есть ПРИРОДА - ЭТО КРИТЕРИИ (см. 102-103),
- 6) природой правят разум, воля, мысль, то есть БОГ (см. 95),
- 7) человек сотворен богом, который дал человеку ряд преимуществ перед животными: разум, душу, способность познать закон, веру в бога, прямохождение (см. 96),
- 8) природные богатства, полезные ископаемые, растения и животные, полезные для людей - это тоже от Бога (см. 97),
- 9) люди подобны и похожи друг на друга, поэтому ими должны управлять законы, укрепляющие дружбу и делающие людей лучшими (см. 98-99),
- 10) если законы вытекают из природы, а природой правит бог, который и человека сотворил, то стало быть, и законы от бога (см. 112),
- 11) поэтому законы, людьми установленные, НЕ ВСЕГДА СПРАВЕДЛИВЫ (см. 102, 113),
- 12) справедливы лишь те законы, которые вытекают из природы и не нарушают прав других людей (ведь люди очень похожи друг на друга и, значит, равны) и составлены ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ВСЕХ ЛЮДЕЙ, а не отдельных в ущерб другим людям (см.: Там же. 107).

И в итоге Цицерон понятию «закон» дает определение: «закон есть решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего - природой, с которой соотносятся человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных» (Там же. 113).

Совершенно очевидно, что Цицерон не проводит различий между законом нравственным и законом юридическим и второй выводит из первого. Позднее, в Новое время, эта логика рассуждений Цицерона послужила основой для возникновения теории естественного права, с помощью которой молодая буржуазия сокрушала институты феодализма, а в XX веке вошла в знаменитую декларацию прав человека, принятую ООН в 1948 году.

КОЗЛОВА М.М.

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ

Характерной особенностью XX в. по праву считается развитием прикладных наук и популяризацией научных знаний. Они фактически стали основой научно-технической революции и привели к качественным переменам в экономической, социальной и духовной сферах, в том числе и в научной. В литературе нам не удалось найти обзорных работ, касающихся вопросов популяризации науки, но о популяризаторской деятельности отдельных ученых, естествоиспытателей, журналистов, писателей написано немало.

Для начала века характерен процесс активного накопления научных знаний и их практического применения, осознание прямой взаимосвязи развития науки и уровня экономики, ее роли как производительной силы. Поэтому в большинстве стран прикладные науки и ее популяризация вышли на передний план и имели

своей главной целью добиться индустриального и интеллектуального рывка. Для России, особенно после 1917 г., это имело и дополнительную цель – создать собственную промышленность, догнать западные развитые страны в этом отношении, выстоять в противоборстве с ним и заставить его измениться. Научные знания стали воплощаться в технологии, а популяризация научных знаний открыла эру «неопросвещения» советского периода. Среди задач популяризации наука на макроуровне - решение кадровой проблемы; создание благоприятной среды для развития науки; повышение образовательного уровня населения; борьба с религиозным мышлением; формирование научного мировоззрения. Популяризация науки в Советском Союзе велась в форме пропаганды и агитации, как правило, без плюрализма мнений, с их видимым, но не истинно объективным обсуждением. В первой половине XX в. активно популяризировались естественные и технические науки, а также обеспечивающие их идеологическую поддержку гуманитарные, объединенные под названием марксизм-ленинизм. Последние были своеобразными «ситом» и «призмой». «Сито» пропускало, как правило, лишь идеологически полезные достижения науки (впрочем, так поступали представители любых идеологий). «Призма» же преломляла все идеи в нужном направлении и показывала их значение для общества. Это деформирующе влияло на систему передачи знаний и популяризацию науки. В сфере гуманитарных наук индивидуум практически исчезает из поля зрения науки как объект изучения, все внимание обращается на исследование общественных процессов и явлений, не отдельного человека, а среднестатистического, типичного. Наука и практика словно меняются местами: не практика использует науку, а наука обслуживает идеологизированную практику.

Кроме традиционных учреждений образования, была создана разветвленная сеть общественных институтов, задачей которых было распространение научных знаний, т.е. их популяризация: система культпросвета и политпросвета; система атеистического просвещения. На это работали СМИ, в том числе специализированные, документальное кино, научно-популярная, научно-художественная и познавательная литература. Подобная система успешно справлялась со своей задачей и тем самым обеспечивала высокий авторитет науки и научных знаний в массовом сознании, что создавало благоприятные условия для развития науки, наряду режимом финансового благоприятствования. На личностном уровне популяризация науки также решала несколько важных задач: развивала любознательность, поддерживала интерес к научным знаниям; способствовала просвещению и образованию; формировала научное мировоззрение и активную жизненную позицию; готовила наиболее активную молодежь к профессиональной деятельности.

Но, несмотря на многие положительные итоги деятельности в области популяризации науки в советский период, идеологизированность этого процесса, приведшая к искажению истины и обусловившая недоверие людей к высказываниям официальной науки, привела к потере в значительной степени этих наработок в области систематического показа достижений науки, их сущности и значения в массовых изданиях при реформировании общества в

начале 90-х гг. Годы перестройки были последним всплеском активной просветительской работы исследователей, в том числе и писателей, популяризирующих научные знания (прежде всего исторические). В годы перехода к рыночной экономике закрылись или сильно подорожали многие научно-популярные специализированные издания, коммерческая перестройка книгоиздательской отрасли сделала недоступными многие познавательные издания. СМИ, преследуя коммерческие выгоды, из всего спектра научной тематики выбрали несколько утилитарных направлений – медицина, информатика, психология взаимоотношений, история (как приложение политики). Недостаток новых книг научно-познавательного и научно-популярного характера стали восполнять западные переводные издания, часто хорошие, но отражающие менталитет западного человека, живущего в более богатом и обустроенном обществе. Кроме того, к этому времени в обществе сменились приоритеты – и сегодня на передний план, по мнению многих ученых, выходят гуманитарные науки. Они будут определять развитие общества в ближайшее время. Общество и каждый человек нуждается в знаниях о самом себе, о важнейших процессах, происходящих в человеческом сообществе, в том числе и негативных. Меняются и предпочтения людей, особенно молодежи, в области получения знаний. Некоторые просто скатываются в невежество. В литературе приводят факты незнания ими элементарных вещей, особенно в области истории, географии, культуры.

Популяризация должна вестись в иных формах – и мы уже видим западные образцы этого подхода. Использование электронных СМИ и Интернета с их колоссальными зрелищно-информационными возможностями; совмещение научного содержания и занимательной формы подачи его; популярно написанные учебники, в том числе и вузовские, особенно по гуманитарным дисциплинам; тенденция, которая в западной журналистике называется «Infotainment», т.е. серьезная информация в занимательной форме. Меняются информационно-познавательные предпочтения молодежи и процесс популяризации научных знаний в России за ними не успевают. Сегодня ставится вопрос о необходимости разработки программы по истории науки и техники для студентов журналистских специальностей, чтобы они могли специализироваться в области научной журналистики и популяризации науки. Поощряется издание оригинальных учебников, написанных в занимательной и нетрадиционной форме. Вообще, используются любые методы апеллирования к личному опыту человека и к его чувствам, чтобы, согласно Фрейду и Юнгу, обретенные знания из области сознательного перешли в сферу бессознательного, сущностного. Складывается впечатление, что мы стоим перед необходимостью нового подхода к методике и идеологии распространения научных знаний и популяризации науки.

А.В. КОРШУНОВ

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Термин “электоральная культура” вошел в употребление в российской (в первую очередь – политологической) общественно-научной литературе приблизительно с середины 90-х годов XX в. Появление его, безусловно, не в последнюю очередь связано с необходимостью научной обработки результатов первых выборов в Государственную Думу. Первый опыт широкого применения избирательных технологий в России, который предоставили эти выборы, заставил исследователей обратить внимание на “электоральное поле”, где эти технологии применялись, и которое явно отличалось от избирательного корпуса развитых стран с устойчивой демократической системой.

Укладывающаяся в рамки традиционной для нашего обществознания марксистской теории социально-экономическая модель поведения избирателя, которая связывает делаемый им выбор с интересами того общественного класса или группы, к которым он принадлежит, показала свою несостоятельность по результатам думских выборов¹. Поэтому не случайно стремление исследователей объяснить поведение гражданина, участвующего в выборах, не только мотивами материального порядка, но и присущими ему ценностными ориентациями, нравственными нормами поведения, предрассудками и другими явлениями духовного, нематериального характера, влияющими на его электоральное поведение. Таким образом, возникла необходимость в появлении понятийного аппарата, который бы позволил отразить характерные отличия сознания российского избирательного корпуса. Данные понятия должны были указывать на свойства как “усредненному” избирателю, живущему в российском обществе, так и избирателю, принадлежащему к определенной социальной группе. Введение в научный оборот понятия электоральной культуры было призвано решить эту задачу.

Однако, несмотря на распространение, которое термин “электоральная культура” получил в научной литературе, содержание, которое в него вкладывается, представляется предельно расплывчатым и не конкретным. Исследователи, оперирующие в своих работах этим термином, как правило, не указывают четко и ясно, что же они под ним понимают. Единственная дефиниция электоральной культуры, содержащаяся в изученных автором источниках, принадлежит В.В. Яшину, определившему ее как “определенную разновидность культуры, определенное качество, способ (формы, уровни и т.д.)

---

¹ Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. Стратегия. Практическое руководство. М., “Стратегия”, 1999, с. 67-72.

духовно-практической деятельности и отношений, обеспечивающих отражение, закрепление и реализацию социальных, политических, правовых, нравственных процессов посредством формирования совокупности определенных взглядов, ценностей, знаний и навыков участия граждан в общественно-политической жизни, в деле обеспечения, функционирования, развития и преемственности системы социальных институтов, норм, традиций”¹. Приведенное выше определение электоральной культуры мы и будем использовать в дальнейшем.

Представляется очевидным, что электоральная культура принадлежит к так называемой духовной сфере общественной жизни (в рамках схемы, выделяющей в человеческом обществе материальный и духовный (или нематериальный) блоки). К той же сфере принадлежит и право. Поэтому вполне закономерен вопрос о соотношении и взаимосвязи двух этих социальных феноменов – электоральной культуры и права или, если поставить вопрос еще более широко – о соотношении электоральной культуры и правовой сферы социальной жизни.

В научной литературе прослеживается три основных канала взаимосвязи указанных явлений. Во всех трех случаях речь идет о влиянии правовой сферы на электоральную. Во-первых, состояние электоральной культуры обусловлено существующими в данном социуме формально-правовыми институтами. Во-вторых, оно зависит от состояния субъективных прав, которыми наделены агенты электорального процесса. Наконец, в-третьих, электоральная культура определяется развитием в обществе культуры правовой.

Все перечисленные виды зависимости от правовой сферы характерны не только для электоральной культуры, но и для политической культуры в целом, как более широкого понятия. Однако связь электоральной культуры с правом является в буквальном смысле неразрывной. Дело в том, что каркасом, на котором формируется электоральная культура, является электоральный процесс, а последний, в отличие от иных политических процессов, может развиваться исключительно в юридических рамках.

Итак, электоральная культура зависит от юридических норм, установлений и институтов. В данном случае право в объективном смысле этого слова традиционно трактуется как имеющая большую социальную ценность регулятивная система, которая с помощью формально установленных или закрепленных норм (правил поведения), выраженных в нормативных актах, судебных прецедентах, других формах и обеспеченных возможностью государственного принуждения, воздействует на общественные отношения с

---

¹ Яшин В.В. Российская электоральная культура как предмет философского изучения. – Мир в III тысячелетии. Диалог мировоззрений. Материалы V Всероссийского научно-богословского симпозиума цикла “Диалог мировоззрений” - Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1999, с. 153.

целью их упорядочения, стабилизации либо социально необходимого развития¹.

Зависимость эта проявляется в том вполне очевидном обстоятельстве, что любой процесс выборов или голосования по общественно-значимому вопросу всегда основывается на официально установленных или санкционированных, формально закрепленных, обязательных для исполнения правилах (юридических нормах). Развивается этот процесс в рамках социальных институтов, деятельность которых формально регламентирована и которые являются одновременно институтами правовыми. Более того, в национальных системах законодательства демократических государств существуют специальные подотрасли – законодательство о выборах и референдуме. Сказанное, разумеется, относится к государственно-организованному, а не первобытному обществу. Указанные нормы устанавливают:

- Избирательную процедуру (или порядок голосования по вопросу, имеющему общественное значение).
- Условия действительности результатов проведенного голосования.
- Юридическую силу принятого решения, т.е. ее действие во времени, пространстве и по кругу лиц.

Таким образом, юридические правила устанавливают жесткие нормативные рамки, в которых дозволено протекать электоральному процессу. Они же определяют вид и меру ответственности, которые несут субъекты электорального процесса (т.е. носители электоральной культуры), нарушившие данные рамки.

Можно выделить следующие факторы, относящиеся к праву в его объективном понимании, обуславливающие состояние электоральной культуры общества:

1. Эффективное применение установленных законом видов юридической ответственности за нарушение субъектами электорального процесса “правил игры”, т.е. нормативных рамок их поведения, как при голосовании, так и в ходе предшествующей ему кампании. Ответственность в самом общем виде “представляет собой отношение, обеспечивающее интересы и свободу взаимосвязанных сторон и гарантированное обществом и государством. Ответственность формируется на основе последовательного взаимодействия трех основных частей: а) сознания долга, б) оценки поведения, в) наложения санкций”². Фактор наличия отношений юридической ответственности снижает накал и остроту предвыборной борьбы. То есть устраняется возможность перерастания конфликта из-за обладания политической властью, к которому сводится сущность любого электорального процесса, в силовое противостояние

¹ Венгеров А.Б. Теория государства и права: часть II. Теория права. Том I. М., Юристъ, 1996, с. 105.

² Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997, с. 302. - Цит. по Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом. – Государство и право, 2000, № 12, с. 64.

политических субъектов. Тем самым ограничивается произвол носителей электоральной культуры – партий, публичных политиков и отдельных избирателей в выборе приемов борьбы за власть. Они ставятся перед необходимостью использования “цивилизованных”, социально приемлемых средств и методов. Кроме этого, осознание “защищенности” электорального процесса от нарушений со стороны его субъектов способствует доверию избирателей к избранному в результате голосования органу власти или принятому решению и, в конечном итоге, помогает легитимации, как выборных органов, так и в целом системы, в рамках которой эти органы избираются избрания (т.е. демократической формы правления). Необходимо отметить, что состояние электоральной культуры зависит не столько от количества выявленных нарушений электорального процесса или тяжести наложенных на виновных наказаний, а от эффективности примененных мер ответственности, в первую очередь, от неотвратимости ответственности за каждое конкретное правонарушение.

2.В предыдущем пункте речь главным образом шла об уголовной и административно-правовой ответственности за определенные нарушения действующего законодательства. Однако, кроме этого, важнейшим фактором, влияющим на состояние электоральной культуры, является наличие реальной, а, значит, юридической, ответственности органов публичной власти перед избирателями. Последние, осознавая существование такой ответственности, видят в ней один из рычагов влияния на власть преобладающих. Указанная ее разновидность называется политической (или конституционно-правовой) ответственностью. Политическая ответственность представляет собой категорию не только мира политики, но и юриспруденции, где под ней понимается ответственность органов государственной власти и должностных лиц перед народом, населением соответствующей территории за несоответствие их деятельности мандату доверия, выражающееся в их неспособности выработать и осуществлять политику, принимать и осуществлять решения с максимальной пользой для блага людей¹.

3.Обеспечение гласности и открытости электорального процесса для всех его участников и на всех его этапах (единственное изъятие, допускаемое из данного принципа, представляет собой сам акт волеизъявления избирателя). Такое обеспечение возможно лишь юридическими средствами, поскольку избирательный процесс протекает в правовой форме. Роль “прозрачности” выборов и референдума для формирования и развития электоральной культуры общества очевидна: она, как и вышеназванный фактор ответственности субъектов избирательного процесса за свои действия, способствует формированию у граждан образа честных выборов, доверия к их результатам. Этой же цели служит и формирование независимых внепартийных (или с

---

¹ Савин В.Н. Ответственность государственной власти перед обществом. – Государство и право, 2000, № 12, с. 64.

участием максимального возможного числа субъектов электорального процесса) органов, организующих и надзирающих за выборами и референдумами.

4. Наконец, правовые нормы во многом обуславливают содержание присущего электоральной культуре понятийного аппарата. Это вполне логично, поскольку многие понятия (начиная уже с таких базовых, как “выборы” и “референдум”), которыми оперируют субъекты электорального процесса, являются одновременно юридическими терминами. Их легальные определения – дефиниции – приводятся в нормативно-правовых актах. Такие дефиниции определяют понятийный аппарат, которым оперируют субъекты электорального процесса, и который, в свою очередь, определяет способ мышления и деятельности этих субъектов.

Если рассматривать зависимость состояния электоральной культуры от субъективных юридических прав лиц и организаций, мы увидим, что сам электоральный процесс немалозначим без наделения его участников – определенными правами. В таком “субъективном” понимании право – это вид и мера поведения, потенциально дозволенного для определенного субъекта. Эти права, во-первых, позволяют личности свободно формировать свое мнение по общественно значимым вопросам, во-вторых, распространять в процессе коммуникации данное мнение в обществе и, наконец, в-третьих, выражать свою волю, основанную на данном мнении, при принятии коллективных решений в ходе выборов и референдумов. Теория права называет эту категорию прав человека политическими, относя к ним активное и пассивное избирательные права, а также право участвовать в референдуме. Влияние норм, устанавливающих перечисленные права человека на электоральную культуру какого-либо общества вполне очевидно: само существование электорального процесса и электоральной культуры как его необходимой составляющей без таких норм невозможно.

Иные разновидности прав человека (гражданские, социальные, экономические, экологические) также имеют непосредственное отношение к электоральной культуре. Западные политические мыслители традиционно считали необходимым условием осуществления индивидуумом своих политических прав существование еще одной категории прав человека – гражданских или личных. Последние, имея преимущественно негативный характер, создают приватную сферу жизни субъекта, огражденную от вмешательства извне как публичной власти, так и других субъектов. Тем самым у субъекта появляется фактическая, а не просто формальная возможность для свободного и независимого формирования собственного мнения. И уже в дальнейшем он выражает это мнение, реализуя предоставленные ему политические права. Советские и российские исследователи добавляют к этому перечню прав, необходимых для свободного волеизъявления, социальные и политические права. Их отсутствие делает сомнительной саму возможность существования электоральной культуры, поскольку при этом исчезает

проявляемая в электоральном процессе независимая от давления извне воля субъекта.

Можно проследить непосредственную зависимость между электоральной культурой и культурой правовой, под которой традиционно понимается разновидность общественной культуры, отражающей определенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики и охватывающей все ценности, которые созданы людьми в области права¹.

Отношение граждан государства к праву распространяется и на институты избирательной системы и, в конечном счете, на саму идею выборного демократического правления. Такие, например, дефекты правовой культуры, как правовой нигилизм (отрицание ценности существующих юридических норм и, соответственно, необходимости их соблюдения), или, напротив, правовой романтизм (преувеличение роли и возможностей нормативного регулирования общественных отношений), не могут не сказаться отрицательным образом и на состоянии электоральной культуры в обществе.

Недостаток правовой культуры может вести не только к прямому и сознательному отрицанию правовых норм. Вполне возможна ситуация, когда субъект не использует всю полноту моделей поведения, которые предоставляет ему диспозиция правовой нормы в силу специфики присущей ему правовой культуры. Активное осуществление субъектом своих прав избирать и быть избранным не может быть реализовано посредством юридического принуждения. Возможным оно становится лишь в том случае, когда в обществе правовая культура достигает определенного уровня. Это означает, что граждане добровольно стремятся в своей жизни от повседневной, бытовой до политической сферы использовать нормативно закрепленные модели поведения – приемлемые и, более того, желательные для общества. Что же касается культуры электоральной, то само ее существование возможно при условии, когда субъекты электорального процесса именно таким образом распоряжаются своими политическими правами.

Кроме того, существует и еще один, опосредованный путь влияния правовой культуры на электоральную: содержание норм и институтов, регламентирующих проводимые в обществе выборы и референдумы, а также содержание предоставляемых и гарантированных публичной властью субъективных прав находится в прямой зависимости от типа и уровня господствующей в данном обществе правовой культуры. Зависимость же электоральной культуры от юридических институтов рассматривалась выше.

---

¹ Учебно-методическое пособие по курсу “Теория государства и права”. Книга 2. / Автор-составитель Р.В. Шагиева. – Ульяновск, Изд-во ЧП Тухтаров В.Н., 1998, с. 122.

И.Г. ГОНОШИЛИНА

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОСОЗНАНИЯ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ДРУГИХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для выявления качественного своеобразия экосознания на региональном уровне, а также общих тенденций его формирования, на наш взгляд, необходимо провести сравнительный анализ экосознания в Ульяновской области и других регионах Российской Федерации.

Исследования, проведенные в различных регионах Российской Федерации и бывшего СССР – в частности, в Литовской ССР, Эстонской ССР, в Москве и Московской области, в Татарстане и т.д.¹ - полностью, на наш взгляд, подтверждают положение о том, что экологическое сознание действительно представляет собой особую форму общественного сознания: экосознание обнаруживает себя в каждом регионе через эмоциональный, рациональный и деятельностный аспекты.

Исследователи – О.Н. Яницкий, М. Лауристин, Ю.П. Ожегов, Ю.В. Никонорова, А.Н. Авдонин, Р.П. Камаев и др. – изучали следующие аспекты экологического сознания в различных регионах бывшего СССР и Российской Федерации: система приоритетных ценностей населения, степень озабоченности экологическими проблемами, уровень экологического образования, деятельностный аспект.

Большой интерес, на наш взгляд, представляет сопоставление шкал основных жизненных ценностей населения страны и Ульяновской области.

По данным О.Н. Яницкого, в опросе конца 70-х г.г. населения Латвийской ССР, в ответах респондентов ценностное отношение к природе присутствует лишь в скрытом, неявном виде.² А опрос населения Литовской ССР 1980 г. показал, что интерес к экологической проблематике у некоторой части молодежи либо довольно слабый, либо вообще отсутствует: экологическая проблема вызывает серьезную тревогу лишь у 17 % студентов, 20 % интеллигенции, 35 % - работников природоохранных органов.³

Данные, полученные в Ульяновской области, на наш взгляд, контрастируют с указанными выше исследованиями; у большинства школьников, студентов, ИТР Ульяновской области экологическая проблема вызывает живой интерес, ценностное отношение к природе выражается как непосредственно, так и опосредованно (например, через категорию “жизнь”). Таким образом, в Ульяновской области о вытеснении в сознании исследуемых социальных групп

¹ Массовая коммуникация и охрана среды. – Таллинн. 1987

² Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. – М.: Мысль. 1987.С.162.

³ Массовая коммуникация и охрана среды. – Таллинн. 1987.С.85 – 100

постматериальных ценностей говорить нельзя: они либо преобладают над материальными (у студентов, школьников и ИТР), либо существуют наряду с материальными (у рабочих, пенсионеров, сельских жителей и бизнесменов).

По данным П.З. Докторова, "материалистов" среди населения России больше, чем чистых постматериалов (5%)¹: например, если в России в 1990 г. материалисты перевешивали постматериалистов в соотношении (9:1, - то на территории Ульяновской области на сегодняшний день "чистых постматериалистов" насчитывается 12,9%, а соотношение "материалистов" и "чистых постматериалистов" составляет 7:1. Следовательно, обнаруживает себя тенденция постепенного сближения позиций "материалистов" и "чистых постматериалистов" на территории Ульяновской области.

Установленные эмпирические факты в Ульяновской области, освещающие степень озабоченности, экологическими проблемами своего региона, на наш взгляд, не идут вразрез с общей тенденцией, прокладывающей дорогу в общественном сознании населения России в целом. Так, по данным П.З. Докторова и П.В.Сафронова, обозначены экологической ситуацией в России не менее 85-90% взрослого населения России² [5]. В Ульяновской же области 47,4% населения экологическая проблема беспокоит, а 45,7% считают, что это очень серьезный вопрос, который нужно срочно решать. Ни одна из социальных групп на территории Ульяновской области не является эмоционально индифферентной к экологическим проблемам, что, на наш взгляд, делает возможным (при благоприятных социально-экономических условиях) активное формирование как рационального, так и деятельностного аспекта экосознания.

Данные социологического опроса, проведенного в 1978 г. среди жителей г. Ленинграда, выявили большой разрыв степеней озабоченности состоянием окружающей среды у лиц с высшим и средним образованием: так, у лиц с высшим образованием доля озабоченности состоянием окружающей среды в 2 раза выше, чем у людей со средним образованием.³

Аналогичная эмпирическая картина была выявлена и в 1995 г. исследователями А.Н. Авдониным, Р.П. Камаевым, Д.С. Рыжевской в процессе исследования причин экологической пассивности к работникам производственного объединения "Уренгойгазпром": здесь наибольшую обеспокоенность экологическими проблемами проявили 75% руководителей, 48,1% рабочих, 46,5% ИТР, 33,3% мастеров.⁴ По мнению вышеназванных исследователей, диспропорция в эмоциональном компоненте экосознания у представителей ключевых звеньев управления (руководителей и мастеров) не

¹ Докторов П.З., Сафронов В.В., Фирсов П.М. Уровень осознания экологических проблем: профили общественного мнения // Социс. 1992.№12.С.51 – 58.

² Докторов П.З., Сафронов В.В., Фирсов П.М. Уровень осознания экологических проблем: профили общественного мнения // Социс. 1992.№12.С.57 – 58.

³ Массовая коммуникация и охрана среды. – Таллин. 1987.С.45.

⁴ Авдонин А.Н., Камаев Р.П., Рыжаевская Д.С. Экологическое сознание: состояние и причины пассивности //Социс.1997.№8.С.88 – 92

только дезорганизует экологическую деятельность, но и оказывает отрицательное влияние на экологическое сознание.

В процессе исследования данного аспекта экосознания в Ульяновской области оказалось, что разрыв степеней обеспокоенности состоянием окружающей среды у лиц с высшим и средним образованием несколько сокращен по сравнению с другими регионами: так, у лиц с высшим образованием, по нашим данным, доля озабоченности экологическими проблемами в 1,5 раза выше, чем у людей со средним образованием.

На наш взгляд, это свидетельствует о наличии некоторой тенденции сближения ценностей позиций у вышеназванных групп респондентов на территории Ульяновской области.

Казанские социологи в 1995-1996 г. выявили значительные корреляции отношения к постматериальным ценностям (например, к здоровью, здоровому образу жизни) с уровнем образования: чем выше уровень образования, тем большее место ценности здоровья, духовные ценности занимают в сознании людей.¹ Эта же закономерность находит свое отражение и в исследовании И.А. Зыковой, которая считает, что более высокий уровень технических знаний сочетается со снижением уровня субъективных оценок радиационного риска.²

В Ульяновской области же, на наш взгляд, перечисленные выше закономерности также ярко проявляются, однако, проведенное нами исследование позволяет открыть более общую закономерность: чем выше уровень образования, тем более сформированным является рациональный аспект экосознания.

Результаты исследований в Ульяновской области показали, что деятельностный аспект экосознания сформирован крайне слабо во всех социальных группах. Эта картина характерна и для России в целом.

Как показывает исследования Ю.П.Оженгова, Ю.В.Никоноровой, проведенные среди молодежи в 1998-1989 г.г. в семи регионах страны – в Москва и Московской области, Астраханской, Иркутской, Тульской областей, Магнитогорске, Черновицкой области УССР, Каракалпакской АССР, лишь 2,8% опрошенных отметили в качестве главных факторов, помогающего им осознать экологические проблемы, участие в экологической деятельности.³

Причины подобной пассивности, на наш взгляд, достаточно хорошо показаны исследователями Нугаевым М.А., Нугаевым А.М., Раймановым И.Т.⁴ По их данным, подавляющая часть населения России (более 80%) – люди с доходом ниже прожиточного минимума, средний российский человек – человек с системой ценностей, сформировавшейся в условиях советского общества,

¹ Нугаев М.А., Нугаев Р.М., Райманов И.Т. Социально-экологические факторы в структуре качества жизни //Социс.1998.№11.С.108 – 117.

² Зыкова И.А., Нечаев А.Ф., Прояев В.В. Субъективные оценки экологических рисков. //Социс.1999.№1.С.140.

³ Ожегов Ю.П., Никонорова Ю.В. Экологический импульс. – М.1990.С.151.

⁴ Нугаев М.А., Нугаев Р.М., Райманов И.Т. Социально-экологические факторы в структуре качества жизни //Социс.1998.№11.С.108 – 117.

воспитавшего людей со слабо выраженными зачатками гражданских инициатив, людей с крайне невысоким уровнем экологической культуры, людей с так называемой «культурой бедности». В этой ситуации, полагают ученые, было бы наивно ожидать появления массовых экологических движений.

Изучение тенденций формирования экосознания в Ульяновской области, несомненно, подтвердило тот факт, что экологические факторы, с одной стороны, прямо детерминируют такие стороны качества жизни, как здоровье, продукты питания, рекреация и т.д., а, с другой, эти факторы оказывают неодинаковое влияние на субъективную компоненту качества жизни, поскольку опосредуются групповыми интересами, ценностными установками, мотивациями. Разные социальные группы по-разному реагируют на одни и те же экологические условия, по-разному изменяют образы поведения. Согласно западным социологам, существует такая закономерность: повышение уровня жизни – увеличение зарплаты и т.д. - не приводит к автоматическому изменению их поведения. Причина подобного положения дел кроется в доминирующей в сознании людей системы ценностей.

Следовательно, для формирования деятельности аспекта экосознания как в Ульяновской области, так и в других регионах Российской Федерации, недостаточно благоприятной социально-экономической ситуации в регионах, решения насущных материальных проблем населения, но и необходим комплекс мер, позволяющих формировать в сознании людей постматериальные ценности.

Данные социологического исследования экосознания в Ульяновской области, на наш взгляд, не только не подтвердили, но и опровергли вывод, сделанный учеными в начале 80-годов, о том, что "основным источником и движущей силой развитого экологического сознания является эмоциональное отношение к экологической проблеме. По нашему мнению, сам по себе эмоциональный аспект не может способствовать возникновению развитого (многостороннего) сознания.

Движущей силой развитого экосознания является обязательное сочетание эмоционального и рационального аспекта, которое и создает тенденцию активного развертывания деятельностного аспекта сознания. Бросаются в глаза и различия в субъектах-носителях развитого экосознания в Ульяновской области по сравнению с другими регионами Российской Федерации. Так, Нугаев М.А., Нугаев Р.М., Райманов И.Т. указывают на следующих субъектах развитого экосознания в Татарстане: интеллигенция (причем, научно-техническая в большей степени, чем гуманитарная), часть работников государственных структур и часть предпринимателей. В Ульяновской области основными субъектами многостороннего экосознания являются, прежде всего, молодежь (в лице студентов и школьников, а также ИТР).

Автору удалось также выявить и существенные различия в ориентационных установках экосознания Ульяновской области от других регионов страны. Так, социалистические исследования в 1988-1989 г.г. "Молодежь и окружающая среда", проводимые в 7 регионах страны (жители Ульяновской области не участвовали в опросе), показали, что в сознании большинства населения России существуют следующие ориентационные

установки на конкретный путь выхода из экологического кризиса: на 1 месте находится, так называемая, правовая ориентация экосознания (иными словами, основной причиной экологических проблем для большинства является нарушение законодательства об охране природы); на 2 месте – контрольно-управленческая ориентация (основной причиной экологических проблем здесь респонденты считают "недостаточно действенный контроль за охраной природы"); на III месте – воспитательная ориентация ("экологическая невоспитанность", равнодушие порождают экологические проблемы). В результате, каждая социальная группа (рабочие, сельские жители, ИТР, студенты, школьники, предприниматели) в семи регионах Российской Федерации, в основном, сориентированы либо на правовой, либо на государственно-контрольный путь преодоления экологических проблем.

Сравнительный анализ, проведенный автором, показал, что в Ульяновской области можно наблюдать иную ориентационную картину : на I месте в сознании жителей Ульяновской области находится так называемая экономическая ориентация (большинство уверено в том, что экологическая проблема порождена "нерациональной деятельностью человечества в целом"); на II месте – контрольно-управленческая ориентация (среди причин, вызывающих экологические проблемы, выделяют "бездействие правительства РФ"); на III месте – личностно-ориентационная установка (респонденты считают, что "ущерб природе наносит каждый человек").

Следовательно, сравнительный анализ выявляет явную недооценку в сознании респондентов Ульяновской области образовательного, воспитательного и правового аспекта формирования экосознания, с одной стороны, а с другой, показывает высокую степень осознания личной роли, как в возникновении экологических проблем, так и в их решении.

Таким образом, экологическое сознание в Ульяновской области имеет черты сходства и различия в сравнении с другими регионами Российской Федерации, которые заключаются в следующем:

В Ульяновской области экологическое сознание характеризуется сформированной системой ценностного отношения к природе, окружающей среде: ценностное отношение к природе выражается как непосредственно, так и опосредованно.

Постматериальные ценности не вытеснены в сознании респондентов материальными: они либо преобладают над материальными, либо существуют наряду с ними.

Наблюдается тенденция постепенного сближения позиций "материалистов" и "постматериалистов" по отношению к экологическим проблемам.

Выявлена закономерность формирования экосознания: чем выше уровень образования, тем более сформированным является рациональный аспект экосознания.

Движущей силой развитого экосознания является обязательное сочетание эмоционального и рационального аспекта.

Субъектами развитого экосознания являются следующие социальные группы: молодежь (студенты, школьники) и ИТР

В экосознании преобладают следующие ориентационные установки:

экономическая, контрольно-управленческая, личностно-ориентационная. Соответственно, в сознании респондентов происходит недооценка образовательного, воспитательного и правового аспекта формирования экосознания.

Так, присоединяясь к точке зрения М.А. Нугаева, считаем, что важным является не только изучение экосознания сквозь призму трех его аспектов (эмоционального, рационального, деятельного), но и рассмотрение экологического сознания как идеальной стороны разного рода социально-экономических и социально-политических практик.

Н.Г. ИВАНОВА, А.А. БАРАНОВ

ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ ШКОЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ К УСЛОВИЯМ ЗАТЯЖНОГО КРИЗИСА В РОССИИ

(ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

Проблемная ситуация.

Вопрос о методике выявления форм адаптации школьных коллективов к кризисным условиям в России возник в связи с рядом обстоятельств.

В онтологическом плане проблемная ситуация заключается в следующем. С начала 90-х годов федеральные органы управления отказались решать массу вопросов, затрагивающих преимущественно региональные аспекты образовательного процесса. Региональные образовательные структуры разных уровней получили свободу выбирать пути развития вместе с ответственностью за свой выбор. Менее других социальных институтов к этому оказались готовы школьные коллективы. Каждый из них встал перед необходимостью самостоятельно определять стратегию своего развития в экономическом, педагогическом и социальном аспектах. Школа – не единственный субъект, имеющий свои интересы в региональном образовательном пространстве. Здесь имеются другие образовательные структуры, “располагающиеся” горизонтально (школы, СПТУ) или вертикально (ССУЗы, ВУЗы, управленческие структуры). Сюда же можно отнести другие функциональные структуры города и области, которые принимают выпускников школ. Необходимо упомянуть и еще одно из главных действующих лиц – население города, семьи горожан, имеющие конституционные права на образование, на рациональное использование школами средств, отпущенных государством.

В описанной ситуации главная социальная проблема – согласование интересов всех названных сторон.

---

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 00-03-00072а

Немаловажный аспект проблемы заключается и в следующем. В процессе достаточно стихийного и не всегда законного приспособления друг к другу разных групп (типов) школ, слоев населения и функциональных структур города и области складывается то, что в социологии права называется деловыми обыкновениями. Это привычные для кого-то способы действий и распределения сфер влияния («места под солнцем»). Потом, когда государство выйдет из кризисного состояния и соберется “восстановить законность” в некоторых аспектах функционирования системы образования, оно натолкнется на мощное сопротивление тех, кто хорошо устроился, и на социальную апатию, непонимание тех, чьи конституционные права на образование нарушаются: ведь все уже ПРИВЫКНУТ к тому, что складывается сейчас.

В гносеологическом плане проблема состоит в отсутствии многих элементов теоретического аппарата, с помощью которого можно описать указанную выше социальную проблему. В литературе отсутствует описание затронутых процессов в рамках какой-либо научной парадигмы с использованием соответствующей системы категорий; нет ни типологии, ни классификации школ по основаниям, помогающим структурировать городскую школьную систему образования в выбранном аспекте. Нам не встречались и описания методик исследования данной социальной проблемы.

В социологии образования нет попыток обобщить имеющийся эмпирический материал хотя бы о какой-то группе процессов в рамках какой-либо научной парадигмы.

Проблемы адаптации школьного коллектива к российской действительности обсуждаются, прежде всего, в педагогической литературе в практически-прикладном аспекте. Это создает базу для контентаналитического изучения адаптационных процессов и осмысления их в рамках социологических парадигм. Поэтому результаты конкретных социологических исследований системы образования мало связаны друг с другом и с теоретическими описаниями других сфер жизни (трудовой, правовой).

Описывая процессы адаптации школьных коллективов в парадигме структурного функционализма и в системной парадигме, авторы стремятся начать заполнение этого пробела.

Логика научных исследований показывает, что применение какой-либо теории на практике вынуждает ученых совершенствовать эту теорию. Авторы надеются, что их теоретические построения позволят поставить ряд задач по дальнейшему развитию структурно-функциональной и системной парадигм применительно к материалу, накопленному в социологии образования.

В связи с указанными обстоятельствами авторы сочли необходимым создать методику и провести соответствующие социологические исследования.

Цели и задачи исследования.

Проблема и в онтологическом, и в гносеологическом плане является сложной, для ее решения предусмотрен ряд конкретных социологических исследований. Чтобы не запутаться, здесь будем говорить только о целях, теоретической базе и концептуальной схеме большого целостного исследования.

В качестве *объекта* изучения выступают школы г. Ульяновска. *Предмет* исследования – процессы адаптации школьных коллективов к условиям затяжного кризиса в России.

В *теоретическом* плане авторы ставят *цель*: разработать теоретическую модель процессов адаптации школьного коллектива к кризисным условиям бытия в большом городе. В связи с этим необходимо решить следующие задачи.

1. Выработать методику изучения данной проблемы в парадигме структурного функционализма и в системной парадигме.

2. Создать типологию школьных коллективов города на основе форм их адаптации к сложившимся условиям. Выявить основные типы форм адаптации школьных коллективов к условиям затяжного кризиса.

3. Разработать модель социальной структуры населения Ульяновской области.

4. Дать теоретическую реконструкцию и описание способов взаимодействия школьных коллективов с различными социальными слоями городского населения.

5. Построить модель социума регионального масштаба в парадигме структурного функционализма с выделением основных субъектов деятельности (функциональных структур и подсистем), заинтересованных в тех или иных решениях образовательных проблем.

6. Выделить в условиях функционирования школьных коллективов факторы глобального и локального действия. Выявить возможные формы регулирования школой действий локальных факторов.

7. Построить модель функционирования школьной системы образования в городе с точки зрения адаптации педагогических коллективов к кризисным условиям.

8. Изучить основные формы (создать модель типичных форм) соединения (или разделения) личного и общественного интереса педагогов и горожан в процессах функционирования системы образования.

В *практически - прикладном* аспекте авторы ставят *цель*: выявить основные типы форм адаптации школьных коллективов к условиям затяжного кризиса. Данная цель предполагает решение следующих задач.

1. Выработать методику построения школьным коллективом стратегии своего развития.

2. Выявить специфику ценностей, интересов и потребностей в сфере образования различных слоев населения. Определить социальные слои населения, стремящиеся обучать своих детей в тех или иных типах школ.

Изучить проблемы соответствия ожиданий социальных групп в г. Ульяновске и возможностей системы школьного образования удовлетворить их потребности.

3. Создать классификацию (или информационный банк данных) основных субъектов деятельности в сфере образования Ульяновской области.

4. Выявить основные проблемы взаимодействия школьных коллективов с социумом в г. Ульяновске.

5. Изучить основные формы соединения личного и общественного интереса работников сферы образования в г. Ульяновске.

6. Выработать предложения по совершенствованию регионального и федерального законодательства в сфере образования.

Методологическая база исследования

Методологической базой исследования являются труды классиков социологии и современных ученых, развивавших идеи структурного функционализма и системного подхода применительно к обществу. Они, прежде всего, будут использоваться при построении модели функционирования **системы** школьного образования в городе.

Методы исследования.

Для решения поставленных задач предполагается использовать следующие *методы сбора* информации: нестандартизированное интервью с руководителями школ и управленческих структур системы образования, анкетирование педагогов и населения (родителей и учащихся – старшекласников), сбор статистических данных об основных функциональных структурах города, прежде всего - о региональной системе образования.

Эмпирические данные будут *обработаны* с помощью следующих статистических методов: корреляционный анализ, дисперсионный анализ факторный анализ.

В исследовании будут использованы такие *методы качественного анализа*, как биографический метод, метод анализа иерархий, контентанализ прессы по проблемам образования; анализ документов.

Методы теоретического анализа, представляющиеся наиболее целесообразными в данном исследовании: структурно-функциональный анализ и системный анализ процессов функционирования региональной системы образования.

Гипотезы исследования

- Официальная политика региональных органов управления образованием предполагает в принципе равное финансирование школ с целью обеспечить равные образовательные возможности для населения и минимальную социальную защиту учителям. Официальные критерии установления неравного финансирования в регионе пока не действуют.
- К большинству долго не меняющихся правил, коллективы школ приспособляются путем создания некоторых социальных структур (советов, комитетов) и технологий (проведения олимпиад, организации ПИЭР). Если постоянное финансирование и контроль отсутствуют, эти структуры и технологии перестают функционировать, хотя формы сохраняются в течение некоторого времени и при необходимости могут быть продемонстрированы или заработать вновь. Большинство отношений с управленческими органами укладываются в эту схему.
- Школьные коллективы вынуждены искать источники повышения благосостояния среди населения. Отсюда три следствия. 1. Началась конкурентная борьба за привлечение наиболее обеспеченных слоев населения. 2. Спонсорские (шефские) связи школы с предприятиями и учреждениями

создаются стихийно и на короткое время обучения детей представителями населения. 3. Главный критерий, по которому население выбирает школу – поступаемость выпускников в вузы, поэтому школа, прежде всего, работает на это.

- Главными факторами, определяющими формы адаптации школьных коллективов к условиям затяжного кризиса, являются следующие:
  - Наличие четкой стратегии развития, с помощью которой формируется особое самосознание членов коллектива, их умение и стремление отделять себя от окружающего мира; отсутствие стратегии положительного развития также ведет к стихийному складыванию особого типа группового самосознания, но уже с отрицательным оттенком.
  - Наличие (или отсутствие) качественно особенных программ и технологий обучения. Это выражается, в частности, в поисково-исследовательской экспериментальной работе.
  - Специализация старших классов.
  - Профилизация учебного заведения (гимназия, лицей)
  - Характер связей с другими образовательными учреждениями города и области, прежде всего с вузами.
  - Конкурсный отбор учащихся в какие-либо классы.
  - Платное обучение.
  - Наличие спонсоров.
  - Личные связи руководства и других работников школы.
  - Имидж школы в городе
- Возникновение **нового интегрального качества городской системы образования** часто происходит через механизм, который напоминает функционирование рынка. Этот механизм назовем **флуктуацией**. В ней можно выделить этапы
  - 1 - новация** появление в некоторых школах какого-то положительного для населения качества, дающего **преимущества их выпускникам**
  - 2- актуализация общественной потребности:** население стремится обучать детей в таких школах
  - 3 - насыщение потребности:** многие школы обретают такое же качество
  - 4- перенасыщение потребности:** зачастую такое качество обретает большее количество школ, чем это требуется населению, тогда некоторая часть населения начинает протестовать в разных формах: искать школы без этого качества, обсуждать и критиковать недостатки и т.п.
  - 5– формальное изменение:** иногда школе не удастся ввести на деле новое качество, хотя форма соблюдается, особенно часто это наблюдается при командно-административном (приказном) введении какого-либо качества
  - 6 -на этом фоне первоначально выделявшиеся школы теряют своеобразие**
  - 7 система школьного образования обрела новое интегральное качество,** которым не обладают отдельные школы. Чаще всего суть этого качества – **увеличение многообразия**

- 8** это новое качество обязательно выражается как в **положительном, так и в отрицательном аспектах.**
- 9** начинаются (точнее, продолжаются) **поиски очередной новации**
- В каждый данный момент система школьного образования имеет некоторые группы школ, выделяющиеся какими-то особыми положительными или отрицательными признаками (преподавание на национальном языке части населения, наличие классов повышенного уровня обучения, и т.п.). Каждая из таких подгрупп является **подсистемой**, потому что выполняет определенную **функцию** – удовлетворяет какую-то **потребность некоторой части населения.**
  - Структурированное на такие части население есть **опосредующий (сознающий, выбирающий и исполняющий, активизирующий)** элемент между системой образования и **другими сферами жизни социума** – производством, культурой и т.п. От характера социума (прежде всего от политической системы и культуры), а также от его состояния (кризис, подъем) зависит, являются ли здесь население и его потребности самоцелью, главным источником целей и идеалов для системы образования, или население вынуждено, прежде всего, приспособляться к потребностям производства, становиться рабочей силой. В последнем случае оно более жестко и более тесно привязывает систему образования к производству, транслируя на нее производственные ценности и идеалы.

Список литературы

- Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. Учебное пособие для вузов. М. Логос. 1998.
- Паутова Л.А. Стабильность социальной системы (социологическая постановка проблемы). // Социология и социальная антропология. Межвузовский сборник к 60-летию со дня рождения профессора А. О. Бороноева. Под ред. В. Д. Виноградова и В. В. Козловского. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 1997
- Касти Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М., 1982.
- Очерки по истории теоретической социологии XIX—нач. XX вв. М., 1994.
- Громов И., Мицкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.
- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Посконин В. В. Социально-политическая теория Т. Парсонса: методологический аспект. Ижевск, 1994.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
- Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1987.
- Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс. 1985.
- Американская социологическая мысль: Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1994.- 496 с.
- История социологии в Западной Европе и США. - М.: Наука, 1993
- Капитонов Э.А. Социология XX века: История и технологии. - Ростов-на-Дону: "Феникс", 1996.
- Современная западная социология: Словарь. - М.: Политиздат, 1990.
- Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. 608 с.

- Эфендиев А.Г. Московский учитель: Штрихи социологического портрета. М.: Диалог - МГУ, 1997, 197 с.
- Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. – М.: Юристъ, 1997.
- Хабаева И.М., Богомолова О.И. Высшее образование и форма собственности.// Социология и социальная антропология. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 1997.
- Данилова З.А. Проблемы адаптации населения к реформам (региональный аспект)..// Социология и социальная антропология. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 1997
- Келасьев В.Н. Проблема самореализации человека в современных условиях .// Социология и социальная антропология. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 1997
- Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара. СГУ, 1995.
- Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М. Гардарика, 1998.
- Социология. Учебник для вузов./ Г.В. Осипов, А.В. Кабыща, М.Р. Тульчинский и др. – М. Наука, 1995.

С.В. МИХАЙЛОВ

ИНТЕРНЕТ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Выявление места и роли интернета (INTERnational NETwork) в жизни современного общества составляет актуальную междисциплинарную научную задачу. Практическое воплощение глобальной сети в самых разных областях общественной жизни пока явно опережает соответствующую рефлексию по данному поводу. Появившиеся и появляющиеся в последнее время работы больше посвящены отдельным аспектам этой проблемы (СМИ и интернет, экономика и интернет, политика и интернет и т.д.), тогда как обобщающие и междисциплинарные труды практически отсутствуют. Здесь достаточно сослаться на специальный выпуск «Вестника РФФИ» (1999. №3), который был полностью посвящен подобной проблеме («Наука и информационное общество») и «Мир медиа XXI» («СМИ и Интернет».1991.№1), выпущенный Национальным институтом прессы.

Если за отправную точку взять утверждение Н. Лумана, что «культура развивается благодаря изменениям в технике коммуникации в новых условиях»,¹ то место и роль интернета проще всего определить путем последовательного сопоставления нескольких наиболее известных терминов, с помощью которых разные исследователи пытались зафиксировать вектор эволюции современного общества: «постиндустриальное общество» – «сверхиндустриальное общество»

---

¹ Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. 2000.

– «информационное общество» – «сетевое общество». Действительно, в родившемся еще в 1950-60-х годах понятии «постиндустриальное общество» (Д. Белл, Д. Рисмен, З. Бжезинский и др.¹), зафиксировано лишь отграничение от предыдущей стадии развития. Это было лишь как бы отрицательное определение. В нем нет даже намека на то, каким общество должно стать «после». Если в альтернативном термине «индустриальное общество» присутствует фиксация основы этого общества, то в словосочетании «постиндустриальное общество» такой фиксации нет. Тем самым термин оказался «открытым» для заполнения новым и более адекватным содержанием. Начались интенсивные дискуссии.

Введенный Э. Тоффлером (также – Ф. Махлупом, Т. Умесао и др.) термин «информационное общество» уже претендовал на некоторое положительное описание постиндустриальной реальности. Так, согласно У. Драйзарду², информационное общество – это общество, где основным видом экономической деятельности становится производство, хранение и распространение информации.

Наконец, у М. Кастеллса³ появляется понятие «сетевое общество» («виртуальное общество» по А. Бюлю и т.п.). Была специально подчеркнута ведущая роль компьютеризированных информационных линий связи. Именно сеть интернет, реально утверждающая информацию как цель и способ существования общества и тем самым постепенно пронизывающая общественную жизнь во всех ее измерениях, превращается в главную (системообразующую) структуру общества.

Одним из первых, кто попытался описать суть радикальной трансформации (давно говорят о целой «информационной революции») самого образа жизни под воздействием информатизации и компьютеризации, был Ж. Бодрийяр.⁴ На основе изучения процессов интенсификации сбора и обработки информации он сделал вывод: информации становится всё больше, а ее осмысления всё меньше. Отсюда в самой культуре начинают доминировать виртуальные модели. Соотношение «знакозначаемое» теперь подменяется соотношением

¹ Артамонов Г.Т. О противоречиях перехода к информационному обществу // Вестник ВОИВТ. 1990. №3. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973.; Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.; Brzezinski Z. Between two ages. N.Y., 1970. и др.

² Драйзарт У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

³ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. The Rise of the Network Society. Oxford, UK, 1996.

⁴ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.; Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.

«знак-знак». Наступает господство «симулякров», копий без оригиналов (кстати, в подтверждение этих слов можно вспомнить всеилие постмодернистских ценностей, распространение конструктивизма, развертывание рекламного дела и ПР-деятельности). Сегодня уже СМИ берут на себя функции науки – «журналистское расследование» уступает место «журналистскому исследованию», которое зачастую заменяет собой академическое знание. Отсюда прогноз: виртуализация культуры, экономики, политики радикально трансформирует сам образ жизни современной цивилизации.

Итак, согласно данному взгляду,¹ виртуализация всех сторон общественной жизни есть ключ к пониманию современности. Г. Дебор убедительно писал об «обществе спектакля», где истина, подлинность, реальность уходят, а на их место приходят шоу-политика, шоу-правосудие и подобные вещи, которые свидетельствуют, что зрелище становится главенствующим и, быть может, единственным видом социальной реальности.

Конечно, когда главные социальные процессы начинают разворачиваться в «четвертичном» секторе, можно и нужно ставить вопрос о новых видах отчуждения. Если бытие действительно начинает сводиться к обладанию (Э.Фромм), то с помощью понятийного аппарата «информационного общества» можно попытаться объяснить некоторые важнейшие черты современной эпохи. Перемещение удельного веса в цепочке «информация (содержание) – сообщение (передача, обмен сообщениями) – восприятие (понимание)» от крайних к срединному члену во многом коррелирует с современными новациями (не познание, а интерпретация событий, не отражение действительности, а ее созидание и т.д.). Технологическое звено начинает господствовать. Манипулятивность, социальная инженерия, PR-технологии – всё это черты нового, «информационного империализма».

Итак, представлена проблема: «виртуальная реальность» – это лишь эпифеномен современной социальной реальности или современная социальная реальность всё больше эволюционирует в артефакт «виртуальной реальности» (расхожими становятся понятия «виртуальные деньги», «электронная подпись», «электронная коммерция» и т.п.). Надо отметить, что, обсуждая данную проблему, о роли интернета в современном обществе говорят прямо противоположные вещи. Так, М. Маклюэн,² рассматривая технологии коммуникаций как своеобразное продолжение сознания людей, связал культурное содержание каждой эпохи с определенным видом коммуникационных технологий и выразил свою основную мысль в следующей

¹ Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб., 2000.; Иванов Д.В. Постиндустриализм и виртуализация экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №1.

² Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. М., 2000.С. 52.

максиме: «Средство коммуникации есть сообщение». Противоположная позиция выражена в альтернативной максиме Д.В. Иванова: «В Интернете не создается никакого знания».¹ В таком случае «информационное общество» естественным образом рассматривается не более чем «коммуникационное общество» (накачка и перекачка информации), а интернет – просто «кибер-протез» этого общества.

Д.В. Иванов настаивает, что информационное общество вообще пока нигде не состоялось, хотя основные экономические институты постиндустриального общества налицо.² Вероятно, трактовать данное утверждение можно не только в том смысле, что понятие «информационное общество» больше употребляется в значении тенденций процесса, чем результата нынешнего состояния общества, но и в том, что информационная структура пока не стала главной в социальной структуре общества.

Интернет можно рассматривать как некоторый фокус всех современных проблем и тенденций развития (глобализация мира, усиление социальной многомерности и т.д.). Так, уже предыдущие типы и формы СМИ показали, что всё больше и больше проявляется противоречие между нарастающими информационными потоками и возможностями человека по восприятию и переработке информации. Основная масса уже не в силах справляться с этими потоками и вынуждена следовать за «лидерами мнений». Развертывание глобальной сети ведет к обострению проблемы – скоро уже элита не сможет контролировать эти потоки. Требуется глубокое и всестороннее осмысление феномена множющейся «избыточности» информации, роста «барьеров» восприятия и подобных феноменов, связанных с проблематикой формирования и всестороннего развития «информационной культуры».

В применении к России проблема информатизации общества, с одной стороны, носит скорее теоретико-познавательный характер (из-за неразвитости компьютерной базы), с другой – вызывает острые дискуссии. Появились основополагающие описания «российского интернета»,³ но, к сожалению, пока только со своей технологической стороны. Социальная проблематика развертывания глобальной сети пока только пробивается в качестве заглавных тем на конференции и на страницы научных журналов (зарубежных – The

---

¹ Иванов Д.В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб., 2000.; Иванов Д.В. Постиндустриализм и виртуализация экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. №1.

² Иванов Д.В. Постиндустриализм и виртуализация экономики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. №1.

³ Садовничий В.А. и др. Российский Интернет в цифрах и фактах. М., 1999.

Information Society; Information, Communication and Society и др., отечественных – «Информационное общество», «Мир Интернет» и др.).

Отечественными исследователями выделено несколько моделей перехода Российской Федерации к информационному обществу. В основе всех этих моделей лежит механизм соединения научных открытий с технологией, технологии с производством, а производства – с обществом во всей сложности его социальных характеристик. При этом наиболее близкой к российским реалиям и российскому государственному менталитету признается так называемая «военная» модель, которая через соединение с широким и свободным национальным рынком может вывести Россию в разряд информационных обществ. Тем не менее, остается открытым вопрос о путях вхождения Российской Федерации в информационное общество. Предстоит масса исследований в этом направлении.

Содержание

От редактора.....3

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА. ФИЛОСОФИЯ.

МИХАЙЛОВА Л.Я. ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА.....4
 ДЫРДИН А.А. РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА ПОСТСИМВОЛИСТСКОЙ ЭПОХИ И ХРИСТИ-
 АНСКАЯ КУЛЬТУРА..... 12
 ВЯЗЬМИТИНОВ М.Н. ОРДЕНА И МЕДАЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....25
 АЛХАСОВ А.Я. ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....30

ИСТОРИЯ РОССИИ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.

ПЕТУХОВА Т.В. ТОЛСТОВСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ.....37
 ВЯЗЬМИТИНОВА И.П. БОЛЬШЕВИКИ И РАССТРЕЛ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ.....44
 ПЕТУХОВ В.Б. ПОНЯТИЕ “ТЕРРОРИЗМ” В ЛАБИРИНТАХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
 СОЗНАНИЯ.....49
 ОСИПОВ С.В. КОНЕЦ ВЕКА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ОБЛАСТИ: УЛЬЯНОВСКИЙ РЕГИОН ДО И
 ПОСЛЕ ДЕКАБРЯ 2000 ГОДА.....56
 СТАФЕЕВ М.А. К ВОПРОСУ О РАЗВАЛЕ СССР.....59

СОЦИОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ПРОБЛЕМЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. ЭКОЛОГИЯ.

МИХАЙЛОВ В.А. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СМИ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
 РАЗВИТИЯ.....65
 БАРАНОВ А.А. РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И
 ТЕНДЕНЦИИ..... 72
 САФОНОВ В.Н. ДРЕВНИЙ РИМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ВЗГЛЯДЫ.....82
 КОЗЛОВА М.М. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУКИ.....87
 КОРШУНОВ А.В. ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВА В
 ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....90
 ГОНОШИЛИНА И.Г. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОСОЗНАНИЯ УЛЬЯНОВСКОЙ И ДРУГИХ
 РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....96
 ИВАНОВА Н.Г., БАРАНОВ А.А. ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ ШКОЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ К
 УСЛОВИЯМ ЗАТЯЖНОГО КРИЗИСА В РОССИИ
 (ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*.....101
 МИХАЙЛОВ С.В. ИНТЕРНЕТ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ.....107

Россия в зеркале времени

Духовная культура. Философия. История. Социология. Политика.

Редактор Н.А. Евдокимова

Корректор В.Х. Паздникова

Сб. научных трудов

Подписано в печать   Формат 60x84/16

Усл. печ. л.   Уч. изд. л.   Тираж 150 экз. Заказ

Ульяновский государственный технический университет

432027, Ульяновск, Северный Венец, 32.

Типография УлГТУ, 432027, Ульяновск, Сев. Венец, 32

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект 00-03-00072а